

АГІАЛЪ ГАДЖІЕВ

Вокруг
Пушкина

БАКУ
ЯЗЫЧЫ
1989

Гаджиев А.

Г 13 Вокруг Пушкина — Б.: Язычы, 1989. — 176 с.

ISBN 5—560—00444—8

Книга посвящена литературному наследию А. С. Пушкина и его творческим связям с Азербайджаном. На основе полузабытых и забытых материалов в ней даются исчерпывающие документальные сведения о круге азербайджанских современников великого поэта (Бакиханов, Фазильхан Шейда, Фараджулла-бек, Фархад-бек, М. Ф. Ахундов), органически связанных с его биографией и творчеством.

М 460300000—102 171—89
М-656—89

С(Аз):

© Язычы, 1989

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собою своеобразный творческий результат многолетнего обращения автора к литературному наследию великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина (1799—1837), в основном к его произведениям, написанным в конце 1820-х — начале 1830-х годов, после памятного его путешествия на Восток, в Арзрум. И это не случайно. Путешествие это, занявшее более трех месяцев, оказалось во многих отношениях знаменательным. Встречи с опальными деятелями декабризма, участниками русско-турецкой войны, уникальная возможность непосредственного наблюдения за боевыми действиями, близкое ознакомление с природой Востока (русского—Кавказа, и зарубежного—Турции), культурой, литературой и современным бытованием его народов, первый выезд за рубеж отечества — все это, конечно, «волновало пылкий ум», подводило его к новым темам, образам, сюжетам, вызывало в нем новые идеи.

Закономерным в этом смысле представляется тот факт, что поездка в Арзрум оказалась непосредственным преддверием одного из наиболее плодотворных в творческом отношении периодов жизни Пушкина — Болдинской осени 1830 года. С другой стороны, интересно отметить, что арзрумская поездка оказалась кануном семейной жизни поэта.

Мысль о том, что путешествие в Арзрум является важным моментом в жизни Пушкина, мотивировала структуру книги.

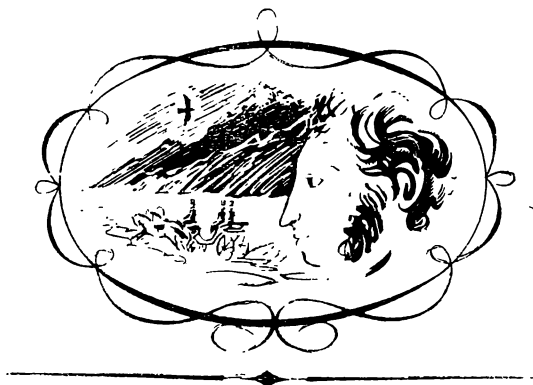
В первой главе — «В преддверии большой прозы» — анализируется главный творческий итог указанной поездки — «Путешествие в Арзрум», которое, с одной стороны, хронологически действительно оказалось преддверием основополагающей в русской литературе пушкинской художественной прозы, а с другой — ярким проявлением характерного для русской литературы

1830-х годов стремления к постижению ориентальной специфики и восточной поэтики.

Во второй главе — «Азербайджанские современники Пушкина» — сделана попытка на основе забытых и полузабытых фактов и материалов, а также нового прочтения известных ранее моментов дополнить имеющиеся сведения об азербайджанских современниках великого поэта, знакомство с большинством из которых произошло непосредственно во время арзрумского похода.

В третьей главе — «Ориентализм пушкинской эпохи и русский литературный процесс» — с одной стороны, анализируется восточная тематика в творчестве Пушкина и его литературного окружения, а с другой — выявляются ее традиции и отголоски в литературном движении последующих лет.

Четвертая глава — «Вокруг Пушкина» — посвящена проблемам творческого наследия великого поэта и писателей пушкинского круга, а также вопросам, связанным с освоением этого наследия в Азербайджане.

Глава I

В ПРЕДДВЕРИИ БОЛЬШОЙ ПРОЗЫ

С середины 1820-х годов, с появлением комедии «Горе от ума» (1823—1824) А. С. Грибоедова и пушкинских романа в стихах «Евгений Онегин» (1823—1830) и трагедии «Борис Годунов» (1825) в русской литературе отчетливо заметен поворот к реалистическому методу отображения действительности.

Это был первый период развития русского реализма, приближавший тот реализм, который, по определению Ф. Энгельса, «предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах..., которые их окружают и заставляют действовать»¹.

Эта победа реализма в драматическом и лиро-эпическом родах русской литературы не могла не распространиться и на эпический род, не могла не ощущаться в излюбленных темах, осваиваемых русскими писателями, в частности, на теме Востока.

Первым образцом русского реалистического ориентального произведения и одновременно первым образцом реалистической русской прозы оказалось пушкинское «Путешествие в Арзрум». Принадлежность этого произведения перу Пушкина имела существенное значение,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2, М., 1965, т. 37, стр. 35. Письмо к Маргарет Гаркнесс, датированное началом апреля 1888 года.

поскольку, как известно, именно с пушкинскими романтическими поэмами «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» в русской литературе начался процесс освоения темы Востока как в поэзии, так и в прозе.

Так, одним из первых введя в русскую романтическую литературу тему Востока, Пушкин первым приступил к ее реалистическому осмыслению в прозе.

Напомним, что интерес Пушкина к прозе возник еще в начале 20-х годов, то есть в то время, когда, по словам В. Г. Белинского, «проза была в самом жалком состоянии»¹. Тогда же, в 20-е годы, Пушкин сформулировал и некоторые принципы прозы: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат»². Выступая за идейность и содержательность прозы, Пушкин осуждал вычурность, манерность, украшательства, свойственные прозе эпигонов Н. М. Карамзина и господствовавшие в русской прозе 20-х годов: «Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? (...), разве оно лучше потому только, что длиннее... будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет» (т. 7, стр. 14—15).

Характерно, что оживление эпического рода в русской литературе датируется двадцатыми годами девятнадцатого века, когда проза становится необходимой и неотъемлемой частью журналов, газет и альманахов. В. Г. Белинский видел в широком распространении прозы в 20-е—30-е годы «следствие общей потребности и господствующего духа времени»³.

Стремясь возможно шире отразить в своем творчестве современную себе действительность, глубже раскрыть ее противоречия, поставить важнейшие социальные проблемы, Пушкин понимал, какие возможности для этого таила в себе проза. Но в создании новой

¹ В. Г. Белинский. Русская литература в 1843 году. — Полное собрание сочинений. М., 1953—59, т. 8, стр. 51.

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1956—58, т. 7, стр. 15—16 (далее это издание цитируется с указанием в тексте тома и страницы).

³ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 93.

русской прозы Пушкин сталкивался с большими трудностями, чем это имело место в поэтическом творчестве.

На то было две причины. Первая заключалась в том, что если в поэзии Пушкин явился продолжателем и завершителем богатых традиций М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова и других русских поэтов XVIII — начала XIX веков, то в прозе он не нашел таких учителей. Рассмотрев, освоив и проанализировав образцы предшествовавшей себе русской прозы, Пушкин пришел к выводу, что «лучшая у нас проза Карамзина». Но сразу же сделал весьма примечательное уточнение: «это еще похвала небольшая».

Подчеркнув в приведенной цитате, что Карамзин-прозаик выделяется только на том жалком фоне, который представляла собой тогдашняя русская проза, Пушкин тем самым оттенил необходимость создания новых образцов этого рода.

Другая причина основывается на том, что, по удачному замечанию Ю. Н. Тынянова, «в художественной прозе Пушкина не было лицейского подготовительного периода»¹. Пушкин приобретал прозаический опыт в своих письмах и литературных заметках. Используя этот опыт, Пушкин создал первые главы романа о своем предке — «Арап Петра Великого», прокладывая пути для развития русского реалистического романа XIX века.

Великолепно нарисовав в первых главах Петровскую Русь, показав ее типичных представителей, Пушкин оставил свой замысел. Это, на первый взгляд, выглядит странно. Ведь интерес и к своей родословной, и к образу Петра I проходит через все последующее творчество Пушкина, и им впоследствии будут написаны «Полтава», «Моя родословная», «История Петра» и т. д. То, что «Арап Петра Великого» не был завершен, объясняется, видимо, тем, что ко времени его написания, к 1827 году, Пушкин еще не созрел как прозаик. Оставив «Арапа Петра Великого», Пушкин на время отошел от прозы и вернулся к ней только в 1829 году во время поездки на Кавказ. На этот раз он обратился к очерковому жанру — «путешествию». Это не было случайным явлением. С одной стороны, это мотивировано тем,

¹ Ю. Н. Тынянов. Проза Пушкина. — Журн. «Литературный современник», 1937, № 4, стр. 191.

что «Настойчивые поиски жанра характерны не только для Пушкина, но и для всей русской прозы 20-х — 30-х годов»¹, с другой — тем, что родоначальник новой русской литературы еще с юности серьезно задумывался над особенностями жанра путевого очерка. Так, еще в 1817 году лицейский товарищ поэта Ф. Ф. Матюшкин, по свидетельству П. В. Анненкова, «получил от Пушкина, при первом своем отправлении вокруг света, длинные наставления, как вести журнал путешествия. Пушкин долго разъяснял ему настоящую манеру записок, предостерегая от излишнего разбора впечатлений и советуя только не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами и характерных особенностей природы»². Таким образом, уже в 1817 году Пушкин выступил против свойственного авторам сентиментального направления в литературе «путешествий» «излишнего разбора впечатлений, самоанализа, и считал главным объектом внимания писателя-путешественника — коренное население и природные особенности описываемого края. Именно эти темы, а не чувства и переживания автора должны, по мнению Пушкина, занимать главное место в путевых записках.

Эти теоретические принципы были использованы Пушкиным через несколько лет при создании «Путешествия в Арзрум», которое поражает исключительной конкретностью материала, простотой, ясностью и точностью языка. Иными словами, в своем «путешествии» Пушкин осуществил то, что он сформулировал за много лет до поездки в Арзрум.

И, обратившись к жанру «путешествия», Пушкин создал его классический образец. В 1830-е годы после возвращения из Арзрума Пушкин создает такие шедевры русской художественной прозы, как «Повести Белкина» (1830), «Пиковая дама» (1833), «Дубровский» (1833), «Капитанская дочка» (1836).

¹ Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. М., 1962, стр. 25.

² П. В. Анненков. Материалы для биографии Александра Пушкина. СПб, 1855, т. 1, стр. 165. (Этот разговор происходил между июнем и августом 1817 г. См.: М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, ч. 1, М., 1951, стр. 128).

1. ГОД В ЖИЗНИ ПОЭТА

1829-й год, которым завершался третий десяток жизни Пушкина, во многих отношениях оказался особенным для него. Именно в этом году Пушкин впервые увидел Н. Н. Гончарову, свою будущую жену, неудачно сватался к ней через Ф. И. Толстого, но, с другой стороны, 1829-й год стал, можно сказать, последним в холостяцкой жизни поэта, поскольку уже следующий, 1830-й год, прошел в предсвадебных хлопотах.

Именно в 1829-м году, непосредственно после неудачного сватовства, Пушкин, не испросив разрешения, самовольно отправился в Арзрум и, таким образом, осуществив свою давнюю мечту — в первый (и единственный!) раз вступил за пределы родного отечества.

Благодаря этому более чем трехмесячному путешествию, год 1829-й оказался особенно богат новыми знакомствами и встречами после долгой разлуки с давними друзьями, яркими впечатлениями и творческими задумками.

Вместе с тем, можно предположить, что для самого Пушкина столь богатая палитра указанного года не была сколько-нибудь неожиданной: считая тридцатилетний возраст особым в жизни человека (и, в частности, самого себя), он, еще задолго до 1829 года, представлял себя в этом возрасте.

Характерны в этом отношении следующие строки из шестой главы «Евгения Онегина»:

«Ужель и впрямь и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?»¹ (т. 5, стр. 138).

Напомним, что процитированная строфа из шестой главы была написана в августе 1827 года, и, как видно, мысль о приближении тридцатилетия будоражила поэта. Постоянно думая о своем предстоящем тридцатилетии, Пушкин буквально заполняет свои произведения тридцатилетними героями. Герои эти иногда напоминают шаржи. Так, в «Арапе Петра Великого», также датиро-

¹ Здесь и далее выделено нами.

емым 1827-м годом, читаем: «На конце заняли свои привычные места: барская барыня в странном шушуне и кичке; карлица, тридцатилетняя малютка, чопорная и сморщенная...» (т. 6, стр. 34).

Другой пример. В написанной в 1826-м году пятой главе «Евгения Онегина», Пушкин, описывая гостей Лариных, открыто иронизирует над тридцатилетними детьми:

«Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов» (т. 5, стр. 111).

Со вступлением самого автора в указанный возраст меняются и его представления о тридцатилетних. Теперь этот возраст представляется Пушкину как переход от беззаботной молодости к зрелому периоду в жизни человека, связанному с созданием семьи.

Так, «Египетские ночи», написанные в сентябре—октябре 1835 года, содержат следующую характеристику главного героя произведения Чарского: «Ему не было еще тридцати лет; он не был женат, служба не обременяла его» (т. 6, стр. 371). Эта же мысль в несколько иной форме звучит в лирическом отступлении восьмой главы «Евгения Онегина», над которой Пушкин работал в 1829—1830 годах:

«Блажен, кто смолodu был молод...
А в тридцать выгодно женат» (т. 5, стр. 169).

Подобное противопоставление беззаботной молодости тридцатилетнему возрасту характерно для тридцатилетнего Пушкина. Так, в его письме к П. А. Плетневу, датированном 31 августа 1830 года, читаем: «Милый мой, расскажу тебе все, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. **Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет жизни игрока»** (т. 10, стр. 304).

Эта своеобразная исповедь в письме к близкому другу дала толчок к носящему автобиографический характер отрывку, озглавленному редакторами по первой строчке: «Участь моя решена. Я женюсь...» В написанном 26 октября 1830 года отрывке этом, видимо, из-за своей автобиографичности не предназначавшемся

Пушкиным для печати и увидевшем свет после его смерти (журнал «Современник», 1837, т. VIII), читаем: «Третий женятся так, потому что все женятся — **потому что им 30 лет**. Спросите их, что такое брак, в ответ они скажут вам пошлую эпиграмму» (т. 6, стр. 580).

Характерна в этом смысле и изложенная в письме к Н. М. Языкову от 14 апреля 1836 года пушкинская заметка о тридцатилетнем А. Н. Вульфе, с которым поэт встретился в 1836-м году после семилетней разлуки:

«Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, тверской Ловлас — по-прежнему милый, **но уже перешагнувший за тридцатый год**» (т. 10, стр. 574).

Такого рода пессимистические наблюдения над тридцатилетними приводят Пушкина к мысли о возможности смерти в этом возрасте. Не случаен поэтому, на наш взгляд, такой штрих, как смерть именно в тридцатилетнем возрасте знаменитого Ивана Петровича Белкина, которому Пушкин приписал свои «Повести Белкина». «Он скончался на моих руках на 30-м году от рождения», — пишет автору бывший друг Белкина (т. 10, стр. 83). Не ограничиваясь этим, Пушкин указывает даты рождения и смерти Белкина — 1798—1828 (т. 10, стр. 81, 83).

В свете вышеизложенного со всей очевидностью встает пробел нашего литературоведения, все еще не располагающего полной летописью тридцатого года жизни великого поэта¹.

Что же мы знаем о 1829-м годе в биографии и творчестве Пушкина?

Год этот Пушкин встретил в Москве, куда приехал в декабре 1828 года из имения Вульфов Малинники. 5 января Пушкин возвращается в Малинники, откуда 15 января едет в Петербург, где остается до 9 марта. Эти два с лишним месяца 1829 года оказались творчески малопродуктивными, чему причиной, видимо, было знакомство с Н. Н. Гончаровой, сразу, по выражению брата поэта Л. С. Пушкина, «огончаровавшей» его. Как бы то ни было, указанным периодом датируются только

¹ Напомним, что знаменитая «Летопись жизни и творчества Пушкина» (М., 1951, кн. 1), принадлежащая перу известного пушкиниста М. А. Цявловского, доведена до 1826 года, а недавно увидевшая свет книга С. Т. Овчинниковой «Пушкин в Москве» (Летопись жизни А. С. Пушкина с 5 декабря 1830 г. по 15 мая 1831 г.) (М., 1985) охватывает уже начало 1830-х годов.

несколько сравнительно небольших стихотворений, в основном, носящих шуточный характер (например, послания к Ел. Н. Ушаковой, Е. П. Полторацкой, А. А. Дельвигу¹, эпиграммы на И. Е. Великопольского, М. Т. Каченовского), а также четыре небольших по объему письма, адресованных разным лицам.

Желая прервать столь не характерный для него творческий спад, Пушкин 4-го марта, окончательно решив осуществить давно задуманную поездку на Кавказ, обратился к санкт-петербургскому почт-директору с просьбой выдать ему вид на получение без задержки лошадей до Тифлиса и обратно². Получив 5 марта этот документ³, Пушкин 9-го марта отметил в петербургском полицейском участке, выехавшим в Тифлис и отбыл в Москву⁴. Переписка современников зафиксировала этот отъезд поэта на Кавказ. Об этом в марте 1829 года своим адресатам сообщили Е. А. Баратынский («Он (Пушкин — А. Г.) дожидается весны, чтобы ехать в Грузию»)⁵, С. Н. Карамзина («Вы, вероятно, знаете, что Пушкин в настоящую минуту карабкается по Кавказу...»)⁶, А. Я. Булгаков («Он (Пушкин — А. Г.) едет в армию Паскевича, узнать ужасы войны, послужить волонтером, может воспеть все это»; «Пушкин едет на Кавказ»)⁷, В. Л. Пушкин («Александр Пушкин... едет в Тифлис, к брату»)⁸. Специальное стихотворное послание «К А. С. Пушкину, сказавшему мне, что он едет в мое Отечество, в Грузию» посвятил этой поездке П. И. Шаликов:

«Поэт! не измени надежде,
Родившейся в груди моей!
Ты был любезен мне и прежде,
Но будешь более стократ,

¹ Конкретные дни создания первых двух стихотворений не установлены, последнее же написано 18 января.

² Вид этот сохранился в бумагах Пушкина. См. о нем ниже.

³ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2. СПб, 1910, стр. 184.

⁴ Там же.

⁵ В письме к П. А. Вяземскому от 18 марта—1 апреля. — Литературное наследство, т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., изд. АН СССР, 1952, стр. 88.

⁶ В письме к В. Ф. и П. А. Вяземским от 20 марта. — Там же.

⁷ В письмах к К. Я. Булгакову от 21 и 30 марта. — Журн. «Русский архив», 1901, кн. 3, № 11, стр. 298, 300.

⁸ В письме к П. А. Вяземскому от 21 марта. — Литературное наследство, т. 58, стр. 89.

Когда Иверию на лире
Прославишь и в войне и в мире;
Я буду твой по сердцу брат»¹.

Между тем болезнь и непогода задержали Пушкина в Москве. Это также нашло отражение в письмах современников поэта. Об этом сообщали В. Л. Пушкин («Александр Сергеевич, кажется, до летнего пути, т. е. еще месяц, пробудет с нами. Да и как теперь отправляться в Тифлис? Никакого на то способа нет»; «А. Пушкин здесь и кажется не так скоро отправится в Грузию»)² и Н. Н. Раевский-старший («Пушкин хотел из Петербурга к тебе ехать, потом из Москвы, где нездоровье его еще раз удержало»)³.

Эту вынужденную двухмесячную задержку Пушкин использовал для того, чтобы осуществить новые издания своих книг и тем самым улучшить собственное материальное положение. Речь идет об увидевших свет 27—28 марта поэме «Полтава»⁴ и втором издании первой главы «Евгений Онегина»⁵, а также двух первых частях стихотворений⁶.

Неправильно истолковав задержку поездки, редактор газеты «Тифлиссские ведомости» П. С. Санковский уведомлял читателей: «Мы ожидали даже сюда (на Кавказ — А. Г.) одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей Кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России»⁷.

1-го мая по поручению Пушкина Ф. И. Толстой просил руки Н. Н. Гончаровой у ее матери и получил неопределенный ответ, позволяющий, по словам поэта, выраженным в написанном в этот же день письме к будущей теще, «надеяться» (т. 10, стр. 801).

Поскольку ни капризная весенняя погода, ни бо-

¹ Дамский журнал, 1829, ч. XXVI, № 14, стр. 10.

² В письмах к П. А. Вяземскому от 28 марта и от 11 апреля. — Литературное наследство, т. 58, стр. 89.

³ В письме к Н. Н. Раевскому-младшему от 3 апреля. — Архив Раевских в 5-ти тт. СПб, 1908—1909, т. 1, стр. 441—442.

⁴ СПб, в типографии департамента народного образования. Цензурное разрешение от 26 марта. См.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 203—204.

⁵ Там же, стр. 211.

⁶ О них см. ниже.

⁷ Газ. «Тифлиссские ведомости», 1829, от 26 апреля, № 17.

лезнь, ни творческие планы уже не задерживали Пушкина в Москве, он выехал на Кавказ, не испросив разрешения у шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, видимо, предполагая, что ему могут отказать в поездке. Но недозволенная поездка могла принести поэту неприятности. Поэтому С. Н. Карамзина в цитированном выше письме говорит о поездке на Кавказ как о «новом безумстве, которое взбрело ему в голову»¹. И действительно, обнаруженные в архивах документы показывают, что жандармское око следило за каждым шагом поэта во время арзрумской поездки. Так, 21 марта Бенкендорфу донесли об отъезде Пушкина из Петербурга на Кавказ, а на следующий день, 22 марта, он уже предупредил петербургского военного губернатора П. В. Голенищева-Кутузова о необходимости надзора за самовольным поэтом. В ответном письме от 26 марта военный губернатор сообщил, что установление надзора поручено главнокомандующему русской армией на Кавказе графу И. Ф. Паскевичу². В свою очередь И. Ф. Паскевич 12 мая приказал начальнику своего штаба Д. Е. Остен-Сакену предупредить о предстоящем прибытии Пушкина тифлисского военного губернатора С. С. Стрекалова, который через день, 14 мая, поручил секретную слежку за поэтом тифлисскому гражданскому губернатору³.

Пушкин же тем временем находился только по дороге из Москвы в Тифлис. Так, в первой половине мая он последовательно проезжает через Орел (где навещает генерала А. П. Ермолова), Елец, Новочеркасск, Ставрополь, Георгиевск⁴. В Георгиевске 15 мая Пушкин начинает вести путевые записки, легшие позднее в основу «Путешествия в Арзрум» и пишет знаменитое стихотворение «На холмах Грузии...», обращенное к Н. Н. Гончаровой.

Далее маршрут поездки пролегает через Екатериноград (16—18 мая), Пришиб (18—19 мая), укрепление Урухское, Минарет, Ардон (19—20 мая), Владикавказ (21—23 мая), Ларс (23—24 мая), Дарьял, Казбеги, Коби (24—25 мая), Квишети, Пасанур, Ананур, Душет (25—26 мая)⁵. Эта часть пушкинской поездки довольно

¹ Литературное наследство, т. 58, стр. 88.

² Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, стр. 185—186.

³ Там же, стр. 187.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 188—189.

подробно описана в «Путешествии в Арзрум». Кроме того, некоторые путевые встречи, происшедшие между Екатериноградом и Душетом, отразились в стихотворениях, написанных во время поездки в Арзрум («Калмычке», «Благословен и день и час...»).

Напомним, что 26—27 мая датируется и выход в свет первой части «Стихотворений Александра Пушкина»¹. 27 мая Пушкин оставил Душет и в одиннадцать часов вечера прибыл в Тифлис (т. 6, стр. 658). Две недели, проведенные в Тифлисе с 27 мая по 10 июня, дали возможность Пушкину ознакомиться с историей города, обычаями и нравами местных жителей.

Еще одно упоминание современников об арзрумском путешествии Пушкина можно найти в письме В. В. Измайлова к П. А. Вяземскому от 3 июня: «Пушкин на полете к Югу, вероятно, к новой литературной славе»².

Такая трактовка арзрумской поездки Пушкина характерна для современников поэта, видевших в ней исток будущего его творческого подъема.

9 июня поэт в Тифлисе получил записку от генерала Н. Н. Раевского-младшего с извещением, что И. Ф. Паскевич разрешил ему ехать в Арзрум³ и что ему надо спешить к Карсу (т. 6, стр. 664). На следующий день Пушкин выехал из Тифлиса. По пути в Карс Пушкин побывал в казачьем посту Самиси (где ночевал 10 июня), на перевале Волчьих ворота, в Гергергах, на Безобдальском хребте, в Гумрах (где ночевал 11 июня). В Карс поэт прибыл вечером 12 июня, а покинул этот город на следующий день.

13 июня Пушкин, наконец, нагнал армию (т. 6, стр. 675), прошагал с нею в обход неприятелю, вечером был представлен главнокомандующему, ночевал в палатке Н. Н. Раевского (т. 6, стр. 676).

14 июня поэт принял участие в перестрелке с турками (т. 6, стр. 677—678), и упоминание об этом можно найти в книге современника Пушкина, историка русско-турецкой войны Н. И. Ушакова: «Перестрелка 14 июня 1829 года замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш Александр Сергеевич Пушкин. Он

¹ СПб, в типографии департамента народного просвещения. Цензурное разрешение от 25 мая. См. Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 218.

² Литературное наследство, т. 58, стр. 91.

³ И. Ф. Паскевич сообщил о своем разрешении тифлисскому военному губернатору С. С. Стрекалову (см. Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, стр. 189).

прибыл к нашему корпусу в день выступления на Саган-луг и был обласкан графом Эриванским. Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине «Инжа-су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу, находившуюся под начальством подполковника Басова. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настиг его и вывел насильно из передовой цепи казаков, в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственной новобранцу-воину, схватив пику подле одного из убитых казаков, устремился против неприятельских всадников. Можно поверить, что гонцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и бурке. Это был первый и последний военный дебют любимца Муз на Кавказе»¹

Два следующих дня — 15 и 16 июня — Пушкин провел в военном лагере в относительно спокойной обстановке, получив возможность общаться с беками азербайджанских полков, наблюдать за езидами (т. 6, стр. 678—679).

17 июня поэт стал очевидцем победного возвращения карабахского полка, захватившего неприятельские знамена (т. 6, стр. 679). 18 июня русское войско переменило расположение лагеря, а 19 июня произошло новое кровавое сражение, закончившееся поражением отряда арзрумского сераскира, спешившего на присоединение к Гагки-паше (т. 6, стр. 681—682). В этот же день Пушкин наблюдал за знаменитыми турецкими делибашами, и эти наблюдения легли в основу написанного 7 сентября стихотворения «Делибаш».

19 и 20 июня Пушкин становится очевидцем сражения русской армии с отрядом самого Гагки-паши, закончившегося пленением последнего (т. 6, стр. 683—684).

Характерно, что, описывая в своих путевых записках победоносный для русской армии ход военных событий, Пушкин заостряет внимание на страданиях и бедствиях, приносимых войной. В центре его внимания поэтому

¹ Н. И. Ушаков. История военных действий в азиатской Турции в 1829—29 гг. В 2-х частях. СПб, 1836, ч. 2, стр. 305—306.

большей частью попадают раненые, изувеченные и убитые.

Выступив в очередной раз с войском, а затем возвратившись в военный лагерь, Пушкин 21 и 22 июня переносит свои наблюдения на пленных и на окрестные пейзажи (т. 6, стр. 684—686).

24 июня отмечено начало наступления русской армии на Гасан-кала (т. 6, стр. 687—688); 25 июня — обед на подходе к Арзруму (т. 6, стр. 688); 26 июня — лагерь недалеко от Арзрума и переговоры с депутатами от Сераскира (т. 6, стр. 688—689); 27 июня — штурм и взятие Арзрума (т. 6, стр. 688—690).

В эти же дни, одновременно со штурмом Арзрума 26—27 июня в Санкт-Петербурге увидела свет вторая часть Стихотворений Александра Пушкина¹.

26 июня о прибытии Пушкина на Кавказ сообщила газета «Тифлиссские ведомости». Выше было сказано, что тифлиссские городские власти заблаговременно были предупреждены о поездке поэта. Можно предположить, что столь долгое умалчивание приезда Пушкина «Тифлиссскими ведомостями» мотивировано каким-то недошедшим до нас указанием сверху. В «Тифлиссских ведомостях» от 28 июня читаем: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе, желая видеть войну, он испросил дозволения находиться в походе при действующих войсках и 16-го июня прибыл в лагерь при Искан-су. Первокласный поэт наш пребывание свое в различных краях России означил произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам «Кавказского Пленника», в Крыму написал «Бахчисарайский фонтан», в Бессарабии—«Цыган», во внутренних провинциях описал он прелестные картины «Онегина». Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды о пребывании А. С. Пушкина в стане Кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного. Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани»².

¹ В типографии департамента народного просвещения. Цензурное разрешение от 25 июня. См.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 218—219.

² Газ. «Тифлиссские ведомости», 1829 от 28 июня, № 26. Рубрика «Разные известия».

14 июля Пушкин узнает о появлении чумы в Арзруме и решает покинуть войско (т. 6, стр. 698—699).

15 июля он посетил лагерь зачумленных (т. 6, стр. 699), а 19 июля простился с И. Ф. Паскевичем, подарившим ему на память турецкую саблю (т. 6, стр. 700), и покинул Арзрум (т. 6, стр. 700).

Интересно отметить, что именно в этот день, 19 июля, А. Х. Бенкендорф доложил Николаю I о самовольной поездке поэта и получил приказ узнать, кто разрешил это путешествие¹.

Дорога на Арзрум и пребывание в этом городе заняли, таким образом, более двух с половиной месяцев, насыщенных, как это было показано выше, множеством событий, встреч, знакомств. Походные условия, в которых протекали эти два с половиной месяца, не могли не сказаться на его творческой продуктивности. В указанный период Пушкин набросал только две небольшие записки, адресованные Б. Г. Чиляеву² и Ф. И. Толстому³, вел дневниковые записи и написал несколько выше-названных стихотворений кавказского цикла.

Путешествие из Арзрума в Москву заняло более трех месяцев. 1 августа поэт прибыл в Тифлис (т. 6, стр. 700), а 6 августа покинул его, о чем сообщил П. С. Санковский в «Тифлисских ведомостях»: «6-го августа А. С. Пушкин, возвратившийся из Арзрума, выехал из Тифлиса к Кавказским Минеральным водам. Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коими гений Пушкина, возбужденный воспоминаниями о закавказском крае, без сомнения, наделит нашу литературу»⁴.

Во Владикавказ поэт прибыл 10 августа⁵, о чем корреспондент «Северной пчелы» сообщил в тот же день, но заметка увидела свет только в номере от 12 сентября: «Сего числа был здесь проездом А. С. Пушкин. Он приехал к нам из Арзрума и на другой день отправился далее с намерением побывать на Кавказских Минеральных водах и потом отправиться через Моздок и Кизляр в Астрахань»⁶. Обратный маршрут Пушкина в этой пу-

1 Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, стр. 193.

2 Письмо от 14 мая.

3 Письмо датируется 27 мая—10 июня.

4 Газ. «Тифлисские ведомости», 1829 от 9 августа, № 32.

5 Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, стр. 194.

6 Газ. «Северная пчела», 1829 от 12 сентября, № 110.

бликации отмечен не совсем точно: поэт не думал отправиться в Астрахань, а 11 августа вместе с М. И. Пущиным и Р. И. Долоховым¹ отбыл по тому же пути, по которому приехал на Кавказ. Через двенадцать дней, 22 августа, «Северная пчела» вновь сообщила о посещении Пушкиным Арзрума: «Дальнейшие подробности об Арзруме, если буду иметь время, сообщу вам в последующих письмах: но скажу вам, что вы можете ждать чего-либо нового, превосходного от А. С. Пушкина, который теперь с нами в Арзруме»².

В этот же день, 22 августа, тифлисский военный губернатор С. С. Стрекалов сообщил московскому военному губернатору генералу Д. В. Голицыну об отъезде Пушкина из Тифлиса в Москву и об установлении за ним слежки³. 22 августа датируется и письмо матери поэта Н. О. Пушкиной к дочери О. О. Павлицевой-Пушкиной о получении письма от него из Арзрума (письмо это не сохранилось)⁴.

25 августа М. И. Пущин в письме из Кисловодска сообщил своему брату, другу Пушкина, декабристу И. И. Пущину о пребывании вместе с поэтом на Кавказских Минеральных водах⁵.

Поездка Пушкина в Арзрум продолжала волновать умы современников поэта. Не случаен тот факт, что о ней упоминается даже в письмах, датируемых последними днями августа. Так, 29 августа отец поэта С. Л. Пушкин писал своей дочери О. С. Павлицевой-Пушкиной: «...Александр отличается: тоже видел как Арзрум брали; вероятно, вдохновился и музой в придачу»⁶. Еще одно упоминание об арзрумской поездке поэта можно найти в письме М. П. Погодина к С. П. Шевыреву от 31 августа: «Пушкин при войске Паскевича — поэтом»⁷.

Тем временем Пушкин продолжал свой обратный путь, а самодержавно-крепостническая, сыскная служба продолжала слежку за ним. 6 сентября московский генерал-губернатор Д. В. Голицын писал московскому обер-полицмейстеру Д. И. Шульгину: «Вследствие отно-

1 Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, стр. 194.

2 Газ. «Северная пчела», 1829 от 22 августа, № 101.

3 Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, стр. 195.

4 Там же.

5 Там же.

6 Журн. «Исторический вестник», 1888, т. 32, апрель, стр. 36.

7 Журн. «Русский архив», 1882, кн. 3, стр. 38.

шения тифлисского военного губернатора... о состоянии известного поэта, отставного чиновника 10 класса Александра Пушкина под секретным надзором полиции, отправившегося на днях из Тифлиса в Москву, я рекомендую вашему превосходительству учредить секретный надзор за Александром Пушкиным»¹.

В свою очередь, Д. И. Шульгин 7 сентября сообщил полицмейстеру 2-го отделения Миллеру о необходимости надзора за поэтом², а последний уже 8 сентября отдал приказ об этом частному приставу Протопопову³. В этот же день, 8 сентября, Пушкин на Кавказских Минеральных водах предъявил вид, выданный ему в Санкт-Петербурге, о чем и была сделана отметка на обороте листа⁴.

В Москву Пушкин вернулся около 20 сентября⁵. Наступила осень — время творческого подъема Пушкина. Творческие планы, воплощаемые в жизнь осенью 1829 года, благодаря арзрумской поездке тематически были обращены к Кавказу и Востоку.

Речь идет о стихотворениях «Олегов щит» (2 сентября), «Дон» (7 сентября), «Делибаш» (7 сентября), «Кавказ» (20 сентября), «Монастырь на Казбеке» (20 сентября), «Обвал» (29—30 октября), о начатых в конце года главе «Странствия Онегина» (из «Евгения Онегина») и поэме «Тазит».

12 октября Пушкин уезжает в Малинники.

Арзрумские воспоминания в той или иной степени проскальзывают и в немногочисленных письмах, датированных осенью 1829 года и адресованных А. Н. Вульффу⁶, А. Х. Бенкендорфу⁷ и С. Д. Киселеву⁸.

С другой стороны, конец 1929 года прошел в хлопотах, связанных с необходимостью оправдывания в самовольной, недозволенной поездке. Так, возвратясь в Петербург 10 ноября, Пушкин нашел письмо, написан-

¹ Г. Костомаров. А. С. Пушкин под надзором полиции. — Красный архив, 1829, № 6, стр. 238.

² Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, стр. 195.

³ Там же.

⁴ П. В. Анненков. Материалы для биографии. А. С. Пушкина. СПб, 1855, т. I, стр. 216.

⁵ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина (1826—1830). М., 1967, стр. 346.

⁶ Датировано 16 октября.

⁷ Датировано 10 ноября.

⁸ Датировано 15 ноября.

ное Бенкендорфом еще 14 октября: «Милостивый государь, Александр Сергеевич! Государь император, узнав по публичным известиям, что Вы... странствовали за Кавказом и посещали Арзрум, высочайше повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие¹. Я же, со своей стороны, покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в Закавказские страны, не предупредив меня о намерении Вашем сделать сие путешествие»².

Тщательно обдумав создавшееся положение, Пушкин в ответном письме от 10 ноября, написанном по-французски, писал: «С глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум... По прибытии на Кавказ я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на проезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-Лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию, в качестве не то солдата, не то путешественника.

Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать иные побуждения» (т. 10, стр. 801—802).

Ноябрь поэт проводит в деревне, где пишет стихотворения «Зима! Что делать нам в деревне? Я встречаю...» (2 ноября) и «Зимнее утро» (3 ноября), в которых в определенной степени отразились грустные размышления над создавшимся положением.

¹ В делах III отделения жандармерии сохранился следующий приказ Николая I потребовать от Пушкина объяснений: «Кто ему разрешил отправиться в Арзрум, во-первых, это за граница, а, во-вторых, он забыл, что обязан предупредить меня обо всем, что делает, по крайней мере, касательно своих путешествий. Дойдет до того, что после первого же случая ему будет определено место жительства» (Дела III отделения об А. С. Пушкине, СПб, 1906, стр. 91).

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 16-ти тт. М., 1938, т. 14, стр. 49.

В достаточно сложной для Пушкина атмосфере масло в огонь подлили журналисты, требующие от него восхваления русского победоносного оружия и, констатируя отсутствие этого восхваления, обвиняли его в политической неблагонадежности.

Именно так следует понимать следующую реплику Ф. В. Булгарина на страницах официозной газеты «Северная пчела» от 16 ноября: «А. С. Пушкин возвратился в здешнюю столицу из Арзрума. Он был на блистательном поприще побед и торжеств русского воинства, наслаждался зрелищем, любопытным для каждого, особенно для русского. Многие почитатели его музы надеются, что он обогатит нашу словесность каким-нибудь новым произведением, входновленным под сенью военных шатров, в виду неприступных гор и твердынь, на которых могучая рука эриванского героя водрузила русские знамена»¹.

Этот реверанс со стороны журналиста, являвшегося платным агентом жандармерии, был своеобразным вызовом для Пушкина. Продолжая умалчивать о «могучей руке эриванского героя», Пушкин навлекал гнев самодержавной власти. Свои мрачные настроения от неудачи в личной жизни и противоречий с обществом поэт отразил в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (26 декабря).

Так, в обстановке правительственного недоверия и журналистских обвинений и доносов завершился третий десяток жизни Пушкина. Он вступил в четвертый, последний десяток своей жизни, полный надежд на счастье в личной жизни. Тридцатые годы — время завершения «Евгения Онегина», создания новой русской прозы, время взлета пушкинского реализма. В этом творческом подъеме не последнее место занимают произведения, в тематике и сюжете которых так или иначе отразились идеи, навеянные арзрумской поездкой.

2. К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ «ПУТЕШЕСТВИЯ В АРЗРУМ»

Среди обширного поэтического и прозаического литературного наследия А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» занимает обособленное положение. Прибегая к

¹ Газ. «Северная пчела», 1829 от 16 ноября, № 138.

новому для себя жанру путевых заметок, Пушкин сумел создать его новую, качественно отличную от других «путешествий» форму.

Выше указывалось, что у Пушкина были свои принципы написания путевых записок. Видимо, одним из звеньев в цепи этих принципов было использование литературных источников. Напомним, что в тексте «Путешествия в Арзрум» имеются цитаты из произведений Гомера, Плиния, Горация, Г. Р. Державина, Ч. Вульфа, Мориера, Ж. П. Турнфора, И. О. Потоцкого, К. Ф. Рылеева, Дм. Туманишвили, А. Н. Нахимова, Дениса Давыдова. Ни в каком другом произведении Пушкина нет такого обилия цитат. В этой связи вопрос о произведениях, явившихся в той или иной мере источниками пушкинского «путешествия», несомненно, вызывает большой интерес.

Жанр путевого очерка всегда привлекал внимание Пушкина, и в библиотеке поэта имелось множество «путешествий» самых различных авторов. Пушкин следил как за русской, так и за иностранной литературой «путешествий». И создавая «Путешествие в Арзрум», Пушкин ориентировался на известную ему очерковую литературу, принимая или отвергая те или иные ее черты и традиции.

Так, в черновом варианте предисловия к «Путешествию в Арзрум» Пушкин мотивирует свою поездку желанием «видеть сторону мало известную» (т. 6, стр. 741). Эта мотивировка в известной мере повторяла традиционную манеру объяснять причины поездки и публикации «путешествий» малоизученностью описываемого края. Поэтому в печатном тексте Пушкин от нее отказывается.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин прямо и косвенно говорит о различных «путешествиях» того времени, критически оценивая их. Так, уже в небольшом предисловии, он называет сразу два «путешествия» — «Путешествия на Восток, предпринятые по поручению французского правительства» В. Фонтанье и «Путешествие к святым местам» А. Н. Муравьева. Тут же обоим «путешествиям» дается краткая характеристика. Если о первой книге говорится, что в ней «автор — по-своему описывал поход 1829 года», а самого Фонтанье Пушкин иронически называет «военным человеком — купеческим консулом» (т. 6, стр. 640), то вторая оказывается про-

изведением, «произведшим... сильное впечатленье» (т. 6, стр. 639). Затем в первой главе «Путешествия в Арзрум» Пушкин, как указывал еще М. О. Гершензон¹, использовал книгу «Записки Н... Н...» (Н. А. Нефедьева — А. Г.) во время поездки из Астрахани на Кавказ и Грузию в 1827 году» (М., 1829)². Из этой книги Пушкин заимствовал описание Дарьяльского ущелья. Причем, даже вставил, как будет показано ниже, в свой текст цитату из нее, правда, не названную.

Из этой же книги Пушкин заимствовал сведения об обвале 1827 года и некоторые другие места. Эти заимствования свидетельствуют о том, что Пушкин ценил «путешествие» Нефедьева за достоверность сведений. Это одна из немногих книг, имеющих в двух экземплярах в библиотеке Пушкина³. Доводы Гершензона, основанные на сопоставлении текстов произведений Пушкина и Нефедьева, весьма убедительны, но в одном случае он допустил неточность. Приводя цитату из «Путешествия в Арзрум»: «Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года», Гершензон сопоставляет ее со словами автора «Записок» (стр. 113): «Такой обвал случился до нас за месяц и мы в конце июня ехали по громадам снега» и приходит к выводу, что «Пушкин проглядел подчеркнутые здесь слова и отнес самый обвал к концу июня», и что он «несомненно заимствовал у последнего (т. е. у Нефедьева — А. Г.), притом заимствовал оплошно»⁴. Это место действительно заимствовано Пушкиным у Нефедьева⁵, тем не менее

¹ М. О. Гершензон. «Путешествие в Арзрум» — в кн.: Статьи о Пушкине. Л., 1926, стр. 50—59.

² Подробнее об этом см. у Гершензона в указанной работе, а также у Л. П. Семенова в кн.: Пушкин на Кавказе. Пятигорск, 1937, стр. 75—77, 160—163.

³ Б. Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. — В кн.: Пушкин и его современники, СПб, 1904, т. 3, вып. IX—X, стр. 67—68.

⁴ М. О. Гершензон. «Статьи о Пушкине», стр. 56, 57. Эта же мысль повторена Б. В. Томашевским в комментариях к «Путешествию в Арзрум» (т. 6, стр. 809).

⁵ В примечаниях к «Путешествию в Арзрум» в 7 томе 9-томного юбилейного Полного собрания сочинений А. С. Пушкина (М., 1938, стр. 965—966, ответственный редактор М. А. Цявловский) указано, что «описание обвала взято Пушкиным из сочинения Гамба (т. 2, стр. 24). Вот это место, в переводе: «В двух местах от Дарьяла мы увидели справа, на другой стороне Терека, ледяные глыбы — остаток ужасной лавины, свалившейся с Казбека в 1817 г.: она покрыла больше двух верст и остановила течение Терека. Река вышла из берегов и сделала дорогу непроходимой для повозок

с выводом Гершензона о причинах происшедшей ошибки в датировке обвала мы не можем согласиться. При более внимательном чтении книги Нефедьева выясняется, что ошибка Пушкина произошла по вине издателей «Записок...» Дело в том, что книга Нефедьева по традиции «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина построена в форме дневниковых записей¹. Нефедьев аккуратно датирует все описываемые события. Проезд через обвал, случившийся за месяц, датируется 28 июля (стр. 110). Ошибочность этой даты легко доказывается. На стр. 83 автор описывает проезд из Ардана во Владикавказ под пометкой 27 июня. Следующая заметка посвящена переходу через Дарьяльское ущелье (помечено 27 июля на стр. 103). Далее идет рассказ о переезде через Коби, где и говорится об обвале (стр. 110, запись от 28 июля). Концом июля датированы также события, описанные на страницах 122 (29 июля) и 127 (30 июля). Следующий рассказ на стр. 145 помечен 6 июля. И далее до конца путешествия все даты приведены последовательно. Ясно, что события, описанные на стр. 103, 113, 122 и 127, должны быть датированы июнем, а не июлем, тем более, что все путешествие завершилось в Астрахани 31 июля (дата дана на предпоследней, 187 странице).

Пушкин, видимо, прочитав на стр. 103 дату 27 июля, под которой на стр. 113 описывается переход через обвал, и учитывая слова Нефедьева «обвал случился до нас месяц», решил, что обвал происходил в конце июня 1827 года.

Следующим в «Путешествии в Арзрум» названо произведение «Путешествия в степях Астрахани и

в течение 2-х лет. Кажется, эта катастрофа повторяется каждые семь или восемь лет. Казбек покрывается в это время огромными массами льда и снега, скопление которых кончается тем, что они теряют равновесие и, падая, покрывают громадные пространства». У Пушкина 1817 г. ошибочно передан как 1827 г. Эта версия, на наш взгляд, неправильна. Во-первых, Пушкин не мог в 1827 г. наблюдать последствия обвала, случившегося в 1817 г., а во-вторых, в «Путешествии в Арзрум» обвал датируется с указанием месяца, тогда как у Гамбы такого указания нет.

¹ Характерно, что в аннотации этой книги говорится: «Небольшая книжка, в которой автор описывает в форме дневника то, что видел на пути из Астрахани... в Тифлис и обратно». (В кн.: Объяснительный каталог библиотеки в Абастумане. (Кавказ и соседние с ним страны). Тифлис, 1894, стр. 126, Составитель К. Н. Бегичев.

Кавказа», Париж, 1829² известного польского писателя Я. Потоцкого, автора популярного и сегодня романа «Рукопись, найденная в Сарагоссе». «Путешествие...», как утверждает Пушкин, «столь же занимательно, как и испанские романы этого автора» (т. 6, стр. 652). Конечно, «занимательно» не значит достоверно, поэтому «путешествие» Потоцкого Пушкин использует только как конспект научных трудов Плиния. Книгу другого иностранного автора, известного ботаника Ж.-П. Турнфора, Пушкин использует в качестве научного источника. Из его книги «Отчет о путешествии на Восток» (1718) Пушкин берет сведения о необеспеченности Арзрума лекарствами (т. 6, стр. 692). Таким образом, Пушкин не только рассказывает о том, что он видел, но и удостоверяет описываемое документально.

Кроме того, в тексте своего «путешествия» Пушкин включает цитаты из различных литературных источников. В этой связи вопрос о произведениях, явившихся в той или иной мере источниками пушкинского «путешествия», несомненно, вызывает большой интерес, поскольку обильное цитирование — это одна из особенностей жанра «путешествие» первой трети XIX века.

В тексте пушкинского «путешествия» цитаты не воспринимаются как нечто инородное. Они, как правило, не велики и, в окружении пушкинских строк, сами становятся органической частью произведения, переосмысляясь в свете собственных творческих задач. Такое широкое цитирование вытекало из самой природы очеркового жанра. Наличие описательного элемента, характеризующего подлинную действительность, наличие публицистических элементов позволяют использовать в очерке «цитатный» материал в большей мере, чем в других прозаических жанрах.

Каждая цитата у Пушкина преследует определенную творческую задачу. Иногда текст источника пересказывается, в других случаях Пушкин дословно приводит его. Например, рассказывая русскому читателю о малоизвестных ему бескрайних северокавказских равнинах, Пушкин акцентирует на мотиве приволья с помощью цитаты из думы Рылеева «Петр Великий в Острогожске»: «Кобылиц неукротимых гордо бродят табуны». В другом случае при описании обряда погребения осетин, хороня-

¹ В журн. «Северный архив» (1828, ч. 31) были опубликованы отрывки из этой книги.

щих мертвеца в его бурке, Пушкин для большей наглядности приводит следующую цитату из стихотворения Ч. Вульфа «Погребение сэра Джона Мура»: «...подобно отдыхающему воину в его боевом плаще». Говоря о «приятности» грузинских песен, Пушкин иллюстрирует свои замечания, приведя в собственной обработке несколько строф из «Весенней песни» Дмитрия Туманшвили.

Как видно, цитаты из художественных произведений используются Пушкиным для наглядности, для разъяснения описываемого. При этом все они приводятся дословно, иногда с упоминанием имени автора или названия произведения.

Иную функцию носят цитаты из очерковых произведений. Как указывалось выше, к ним Пушкин прибегает как к фактическому материалу при описании тех или иных событий и достопримечательностей. Цитаты из очерковых произведений во всех случаях переделываются Пушкиным и становятся тем самым органической частью его собственного текста. Очерковых источников, из которых они берутся, Пушкин не указывает, правда, называет в некоторых случаях фамилии авторов (Потоцкого, Турнфора).

Так, при описании Дарьяльского ущелья Пушкин пересказывает, без указания источника, абзац из книги Н. А. Нефедьева «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и Грузию в 1827 году». Нефедьев, проезжая через Дарьяльское ущелье, записывает: «Здесь так узко, так узко, что не только видишь, но будто чувствуешь тесноту!»¹ Пушкин почти дословно повторяет это предложение, не указывая источника цитаты: «Здесь так узко, так узко, пишет один путешественник, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту» (т. 6, стр. 651). Этим же способом пользуется Пушкин и при описании нищенского состояния Востока и в частности Арзрума: «Один путешественник пишет, что из всех азиатских городов в одном Арзруме нашел он башенные часы, и те были испорчены» (т. 6, стр. 693—694). Как и при описании Дарьяльского ущелья ни источник, ни автор произведения не названы: в обоих случаях фамилия автора заменяют слова «один путешественник».

Как видно, используя очерковые источники как жан-

¹ Записки Н... Н... (Н. А. Нефедьева — А. Г.) во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию, стр. 104.

ровую традицию, Пушкин выбирал такого рода «путешествия», которые могли дать документальную основу его собственному повествованию.

3. «ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ» КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

«Путешествие в Арзрум» — это документальная запись всего встреченного по пути в Турцию.

Специфической особенностью очерка, по сравнению с другими жанрами, является то, что в нем вымысел имеет гораздо меньший удельный вес. Это предопределило дневниковую точность пушкинского «путешествия», в котором зафиксировано только виденное и пережитое¹. Отсюда понятно, почему это произведение столь тщательно исследовалось биографами поэта. Документальность «Путешествия в Арзрум», удивительная точность в описаниях сделали это произведение исторической хроникой военных событий 1829 года. Так, более поздний историк кавказских войн В. А. Потто в своей книге «История 44-го драгунского нижегородского полка» приводит выдержки из «Путешествия в Арзрум»², игнорируя при этом специальную работу Н. И. Ушакова «История военных действий в Азиатской Турции»³.

Но это, разумеется, не значит, что «Путешествие в Арзрум» является только документальной хроникой описываемых событий.

Так, наряду с рассказами о реальных встречах и беседах с людьми, существовавшими в действительности (Ермолов, Паскевич, Пущин, Раевский, Санковский

¹ Например, приведенный Пушкиным отзыв Ермолова о стихах Грибоедова («от их чтения скулы болят»), дословно зафиксирован в письме Ермолова к Д. В. Давыдову. Хвала стихотворения Пушкина, генерал писал: «Вот это поэзия! Это не стихи нашего знакомого Грибоедова, от жевания которых скулы болят» (Журн. «Старина и новизна», 1917, кн. 22, стр. 38—39)

² История 44-го драгунского нижегородского его императорского величества государя наследника Цесаревича полка (составитель В. Потто) СПб, 1893, т. 3, стр. 102—103, 105, 106, 107, 109, 121, 125.

³ Н. И. Ушаков. История военных действий в Азиатской Турции в 1828—29 гг., в 2-х ч. СПб, 1836. «Путешествие в Арзрум» в качестве документальной хроники русско-турецкой войны 1829 г. Использует и современный историк А. В. Фадеев в кн.: Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века М., 1958, стр. 307.

и др.), Пушкин вводит в «путешествие» вымышленное лицо — «янычара Амин-Оглу» и приписывает ему собственное стихотворение. Таким образом, достоверность в «Путешествии в Арзрум» соблюдена автором лишь в самом существе описываемого (реальная поездка, реальные встречи, реальные события), в выборе же других компонентов Пушкин прибегает к беллетристическим приемам.

Произведение Пушкина — это сплав художественного с документальным. Автор стремится к художественности, которая тут иного плана, чем в очерковых произведениях, рассмотренных нами в предыдущей главе.

Как же создается «художественное» в «Путешествии в Арзрум»? Прежде всего оно создается оригинальностью композиции. Один из композиционных приемов, использованных Пушкиным в «путешествии» — это «прием возвращения».

Еще В. Г. Белинский заметил, что в художественных произведениях Пушкина «конец гармонирует с началом»¹. Д. Д. Благой, говоря о поэмах Пушкина, расширил это замечание, заметив, что «одним из излюбленных композиционных приемов Пушкина является прием возвращения действия в конце произведения в то же или похожее место, в ту же или схожую обстановку, в которой оно начиналось. Тем самым поэт как бы обводит свое произведение некоей замкнутой композиционной кривой, создавая впечатление его органической целостности, завершенности в себе самом»². К этим словам нужно добавить, что Пушкин прибегает к этому «приему возвращения» не только в конце произведения, но и на всем его протяжении. Это дает ему возможность устанавливать «симметрические параллели и переклички» (Д. Д. Благой) не только между началом и концом, но и на протяжении всего повествования. Особенно это характерно для «Путешествия в Арзрум», в котором «прием возвращения» играет большую роль.

В предисловии к своему «путешествию» Пушкин пишет о высказываниях В. Фонтанье и русских журналистов относительно творческих результатов его кавказской поездки, а в конце произведения он говорит о критике Н. И. Надеждиным своей «Полтавы». Отвечая на

¹ В. Г. Белинский. Статьи о Пушкине (статья пятая). Полное собр. соч., т. 7, стр. 330.

² Д. Д. Благой. Мастерство Пушкина. М., 1955, стр. 105.

обвинения Фонтанье, назвавшего Пушкина автором сатиры на Арзрумский поход, поэт в предисловии пишет, что «человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать». Эти строки перекликаются с восточным приветствием паши, адресованным самому Пушкину: «Поэт брат дервишу. Он не имеет ни отечества, ни благ земных; и между тем, как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли, и ему поклоняются» (т. 6, стр. 691). В предисловии говорится также о «смелом переходе через Саган-Лу», о котором затем подробно рассказывается в «путешествии». Расположив главы «путешествия» сообразно внутренней необходимости, мотивированной постепенным ознакомлением с Кавказом, Пушкин получил возможность использовать «прием возвращения» на всем протяжении произведения.

Начинается «путешествие» с посещения бывшего «проконсула Кавказа» генерала А. П. Ермолова, для чего Пушкин сделал «200 верст лишних». Именно в беседе с Ермоловым (человеком компетентным в кавказских событиях) автор получает первые сведения о Кавказе. В дальнейшем, используя «прием возвращения», Пушкин как бы переосмысливает их.

Отношение Пушкина к Ермолову было двояким. С одной стороны, он, будучи близким к декабристам, включавшим Ермолова во Временное правительство, уважал последнего как героя войны 1812 года, покорителя Кавказа («смирись, Кавказ: идет Ермолов!»), оппозиционера правительству Николая I, с другой стороны, он не принимал тех кровавых методов, которыми усмирял горцев Ермолов. Это двоякое отношение нашло свое отражение и в «Путешествии в Арзрум». Рисуя портрет Ермолова, Пушкин пишет: «Улыбка неприятная, потому что не естественна». И разговоры с Ермоловым дают возможность в дальнейшем «приеме возвращения» двояко охарактеризовать его. С одной стороны, критика Ермоловым графа Паскевича («можно было бы сберечь людей и издержки») находит себе параллель в пушкинском описании гибели генерала Бурцова («Это происшествие могло быть губительно и для всего нашего малочисленного войска, зашедшего глубоко в чужую землю...»), а с другой стороны, отношение Ермолова к сти-

хотворным произведениям Грибоедова («от их чтения — скулы болят») перекликается с тем официальным непризнанием автора «Горя от ума», о котором Пушкин расскажет в дальнейшем при встрече с телом убитого Грибоедова. В свою очередь рассказ о судьбе не понятого обществом Грибоедова перекликается с размышлениями об отношении общества к поэту: дервиша, пришедшего приветствовать победителей, «насилу отгоняют», а самого Пушкина по возвращении в Россию критикуют в первом же попавшем в его руки журнале.

После посещения Ермолова Пушкин описывает свой приезд на Кавказ и свои первые впечатления. Характерно, что из этой части произведения Пушкин исключил большой трывок о своем путешествии по собственно России, сохранившийся в черновом варианте. Этот отрывок внес бы перебой в архитектуру «путешествия».

Во второй главе уже другой знаток Кавказа — редактор «Тифлиссских ведомостей» П. С. Санковский — знакомит автора с Грузией. Именно непосредственно после упоминания о беседах с Санковским Пушкин сообщает подробные историко-статистические сведения о Тифлисе и Грузии. «Санковский, издатель «Тифлиссских ведомостей», рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о кн. Цицианове, об А. П. Ермолове и проч. Санковский любит Грузию и предвидит для нее блестящую будущность. Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и двадцать тысяч жителей увести в плен (1795 г.). Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802» (т. 6, стр. 661). Замечание Санковского о «блестящей будущности» Грузии перекликается с мнением самого Пушкина о том, что «умственные способности» грузин «ожидают большей образованности».

Таким образом, первые две главы «Путешествия в Арзрум» построены на чередовании рассказов о беседах Пушкина со знатоками Кавказа и собственно авторскими замечаниями относительно этого края. Характерно, что и большинство очерковых и литературных источников использовано Пушкиным в первых двух главах. В остальных трех главах автор, «освоившись», передает уже исключительно собственные наблюдения, которые также перекликаются с предыдущими замечаниями

«приемом возвращения». Так, описание опустошенных и разоренных аулов горцев приводит Пушкина к рассуждению о необходимости иных, гуманных средств в отношении к коренным жителям Кавказа. Рассказ об отношении черкесов к своим пленным перекликается с повествованием о плененных русскими турках. Посещение тифлисской бани позволяет Пушкину сравнить ее с русской, а в дальнейшем и с арзрумской. Так, используя «прием возвращения», Пушкин переходит от общих предпосылок к частным.

«Прием возвращения» находит в «Путешествии в Арзрум» еще одно применение. На протяжении повествования Пушкин все время вспоминает о своих прошлых поездках и так или иначе сравнивает свои впечатления с предыдущими. Это, конечно, специфически очерковый прием и поэтому в других произведениях Пушкина его нет и не может быть. Приехав в Ставрополь, Пушкин вспоминает свою первую поездку на Кавказ: «В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры, ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи» (т. 6, стр. 644). И далее Пушкин по приезде на Кавказские воды сравнивает нынешнее их состояние с тем, что он видел 9 лет назад: «Здесь нашел я большую перемену: в мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники большей частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей, но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сиживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод» (т. 6, стр. 644—645). Далее Пушкин вспоминает свою крымскую поездку: «Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Четырдага»¹ (т. 6, стр. 653).

¹ С. в отрывке из письма к Д.: «Вот Чатырдаг», — сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал» (т. 6, стр. 633).

Пушкин приезжает в Тифлис, «азиатские строения и базар» этого города напоминают ему Кишинев. По взятии Арзрума отсутствие в последнем предметов необходимости позволяет Пушкину сравнить базар этого города с «мелочной лавкой первого уездного города Псковской губернии», куда поэт часто ездил.

Таким образом, вместо не имеющей художественного значения формы «зачина» и завершения произведения (начала и конца поездки), характерного для большинства «путешествий» массовой литературы, в «Путешествии в Арзрум» использована более художественно значимая композиционная форма — «прием возвращения».

Немаловажную роль в композиционной целостности «Путешествия в Арзрум» играет образ автора. «Ученые» «путешествия» XVIII века были лишены авторского восприятия: эти произведения сугубо документальны. В сентиментальных и романтических «путешествиях» первой трети XIX века образ автора заслоняет реальное содержание: чувства, переживания, воззрения, симпатии автора преобладают. В «Путешествии в Арзрум» возникает принципиально новый, художественно-реалистический образ автора. Автор в «Путешествии в Арзрум», не заслоняя описываемого, встает за повествованием, разъясняя и комментируя его. «Свое» Пушкин дает только в выводах. Автор «Путешествия в Арзрум» это не «русский дворянин, путешествующий по архангелскому праву «вольности» дворянской»¹, не простоватый Белкин, а сам Пушкин — поэт, человек близкий к декабристским кругам. Это видно в отношениях автора к кавказской действительности, в его прямых и косвенных упоминаниях о собственных произведениях («Кавказский пленник», «Отрывок из письма к Д.», «Полтава»), о своих предыдущих поездках, о своих знакомых (А. Раевский, Грибоедов, Н. Раевский, Мусин-Пушкин, М. Пушкин, Санковский, Вольховский, Сухоруков и др.).

Образ автора в «Путешествии в Арзрум» создает определенную направленность повествования.

Между этим образом и описываемыми событиями прослеживается органическая связь. Факты, излагаемые в пушкинском «путешествии», подобраны так, что по-

¹ Ю. Н. Тынянов. «О Путешествии в Арзрум» — в кн.: Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1968, стр: 203.

следовательно усиливают антиколониалистические размышления автора.

Созданию художественного образа подчинены и чисто языковые средства. Стремясь к «логической ясности и точности»¹, Пушкин в процессе работы над текстом строго отбирает их, отказываясь от чрезмерной словесной образности. Именно в этом направлении шла его работа над «Путешествием в Арзрум». Характерно в этом смысле описание перехода через невидимую границу, разделяющую Кавказ и Закавказье. В первоначальной редакции, относящейся непосредственно к времени поездки, читаем:

«Мгновенный переход от грозного дикого Кавказа к прелестной миловидной Грузии восхитителен. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина — с ее обитаемыми скалами, с ее цветущими нивами — с ее богатыми темно-зелеными садами — с ее синим прозрачным небом, с ее светлой Арагвой, милой сестрою свирепого Терека. Дыханье благовонного Юга начинает повевать на путешественника. — Видны развалины старинного замка, облепленного бедными саклями, как будто гнездами ласточек»².

Уже в конце 1829 года, подготавливая к печати «Военную грузинскую дорогу» (куда вошел и приведенный отрывок), Пушкин отказывается от дублирующих друг друга эпитетов (грозный — дикий, прелестная — миловидная), от мало что обозначающей метафоры (благовонный), от ненужного сравнения (как будто гнездами ласточек), оставляя только конкретные, строго мотивированные, создающие наглядную картину эпитеты:

«Мгновенный переход от **грозного** Кавказа к **миловидной** Грузии восхитителен. Воздух Юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее **светлой** Арагвой, извивающейся, как **серебряная** лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога. Мы спускались в долину. **Молодой** месяц показался на ясном небе» (т. 6, стр. 655—656). В этом отрывке эпитеты выделяют те свойства и призна-

¹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 581.

² А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 17-ти тт. М. — Л., 1937—1959, т. 8, ч. 2, стр. 1042—1043.

ки описываемого, которые наиболее запали в сердце автора. Кавказ — грозен, Грузия — миловидна. Умело подобранные эпитеты (светлая Арагва, извивающаяся серебряной лентой; молодой месяц на ясном небе) создают яркую художественную картину кавказского края.

Как заметил А. З. Лежнев, «Путешествие в Арзрум» — это самое ритмическое произведение Пушкина-прозаика¹. Эту ритмичность, по нашему мнению, Пушкин-очеркист создал чередованием «динамики» и «статики». Динамические части плавно сменяются статичными и наоборот. В динамических частях произведения каждая фраза передает какое-либо движение, и даже пейзаж лишен статичности: «Пушка **оставила нас. Мы отправились** с пехотой и казаками. Кавказ нас принял в свое святилище. Мы услышали **глухой шум** и увидели Терек, **разливающийся по разным направлениям. Мы поехали** по его левому берегу. **Шумные волны его приводят в движение колеса** низеньких осетинских мельниц, похожих на собачьи конуры. Чем **далее углублялись** мы в горы, тем **уже становилось ущелье. Стесненный Терек с ревом бросает** свои мутные волны **через утесы, преграждающие** ему путь. Ущелие **извивается** вдоль его течения. Каменные подошвы гор **обточены его волнами. Я шел пешком** и поминутно **останавливался, пораженный** мрачною прелестию природы». Или в другом месте: «Скалы с обеих сторон **стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко,** пишет один путешественник, что не только **видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба, как лента,** синее над вашей головой. **Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями,** напоминали мне похищение Ганимеда, странную картину Рембрандта... В иных местах Терек **подмывает** самую подошву скал, и на дороге, в виде плотины, **навалены** каменя. **Недалеко** от поста мостик **смело переброшен** через реку. На нем стоишь, как на мельнице. Мостик весь так и **трясется, а Терек шумит, как колеса, движущие жернов**» (т. 6, стр. 650).

Носителем динамики у Пушкина в основном выступает глагол. Это особенно заметно в следующем абзаце: «Переход от Европы к Азии **делается** час от часу чувствительнее: леса **исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет** и **являет** большую силу растительности,

¹ А. З. Лежнев. Проза Пушкина (опыт стилистического исследования). Изд. 2. М., 1966, стр. 132.

показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника; по тучным пастбищам «Кобылиц неукротимых гордо **бродят** табуны». Характерно, что цитата (из думы К. Ф. Рылеева «Петр Великий в Острогожске») подобрана Пушкиным так, что она не выделяется из общего течения его рассуждений, а является как бы продолжением их. И глагол «бродят» из этой цитаты так же, как и собственно пушкинские глаголы, является носителем динамики, движения.

Подробные исторические, экономические и статистические сведения даются в статичных частях. Статику Пушкин создает приведением цифровых данных. Цифры, приводимые Пушкиным, как бы тормозят действие: «Грузия прибегнула под покровительство России в 1783 году, что не помешало славному Аге-Мохамеду взять и разорить Тифлис и 20 000 жителей увести в плен (1795 г.), Грузия перешла под скипетр императора Александра в 1802 г. В Тифлисе главную часть населения составляют армяне: в 1825 году было их здесь до 2500 семейств. Во время нынешних войн число их еще умножилось. Грузинских семейств считается до 1500» (т. 6, стр. 661); «...вдруг увидели мы на склонении противоположной горы до 200 казаков, выстроенных в лаву, и над ними около 500 турков. Казаки отступали медленно; турки наезжали с большей дерзостью, прицелившись шагах в 20 и, выстрелив, скакали назад» (т. 6, стр. 677).

«Путешествие в Арзрум», таким образом, это не только документальное, дневниковое произведение, но и образец художественной прозы Пушкина. Художественности в нем Пушкин достиг, с одной стороны, особенностями композиции (разделение на главы, «прием возвращения», образ автора как создателя художественного), а, с другой стороны, отбором языковых средств, ритмикой. Пушкину удалось выйти за узкие рамки очерковой прозы и создать первое в русской литературе реалистическое художественное «путешествие».

4. МАСТЕРСТВО ПУШКИНА-ОЧЕРКИСТА

Тематика очерков, составляющих содержание глав «Путешествия в Арзрум» различна; главенствуют три

темы — Кавказ (русский Восток), военные события в азиатской Турции и сама Турция (зарубежный Восток)¹. Каждая из пяти глав посвящена какой-либо одной из указанных тем, но в то же время эти три темы все время переплетаются. В композиционном отношении цикл построен очень четко. Первая и вторая главы — это **этнографический** очерк. Кавказ, его история, его природа, его люди (калмыки, черкесы, осетины, грузины, армяне, азербайджанцы). Здесь же даются и многочисленные рассказы о встречах с представителями зарубежного Востока (с пленными турками, южноазербайджанским поэтом Фазилханом Шейдой, персидским принцем Хозрев-Мирзой). Кроме того, в этих главах читатель все время ощущает, что где-то поблизости идут бои за Кавказ. Об этом говорится и в страстном монологе о методах приобщения черкесов к цивилизации, и в упоминании о встрече с турецкими пленниками, и во встрече с прахом Грибоедова, и в описании переезда через русско-турецкую границу.

Третья и четвертая главы — это **батальный** очерк. Война изображена Пушкиным в будничном, повседневном плане. Иногда он даже снижает ее до обыденности. Здесь опять-таки даются сведения (теперь уже военного характера) о народах Кавказа (азербайджанцах, армянах) и Турции (турках, язидах, армянах).

И, наконец, пятая глава — это **ориентальный очерк, очерк о зарубежном восточном государстве**. Здесь русскому читателю даются подробные исторические, экономические и статистические сведения об Арзуме. Здесь вновь рассказывается о климате Армении и Грузии, о грузинских песнях. На военные события намекают рассказы о гибели Бурцева, о походе черкесов во главе с Бей-Булатом в Арзрум, а также упоминание на обратном пути поэта места при Саган-Лу, где стоял русский лагерь.

В «Путешествии в «Арзрум» ставятся важные политические и национальные проблемы. Большинство лиц, упоминаемых в произведении, по той или иной причине

¹ Выше указывалось, что в черновом варианте предисловия к «Путешествию в Арзрум» Пушкин сам объяснял свою поездку желанием «видеть войну и сторону мало известную». «Стороной мало известной» в XIX веке можно было назвать и Кавказ, и азиатскую часть Турции.

в немилости у Николая I. Начинается произведение с посещения опального Ермолова. Пушкин пишет, что в разговоре упоминались имена Грибоедова и врага другого царя — Ивана Грозного — князя Курбского. Следующее имя, упоминаемое в очерке — прикосновенный к делу декабристов граф Мусин-Пушкин¹. Затем во второй главе снова упоминается имя Ермолова, говорится о декабристе Н. Раевском и даются подробные сведения о жизни и деятельности Грибоедова.

Третья глава начинается с приезда поэта в лагерь Паскевича, но первые, о ком он упоминает здесь, — это декабристы Раевский и Бурцев. Но вот Пушкин переходит к описанию своего знакомства с Паскевичем. И здесь, оставляя в стороне этого «любимца фортуны», он подробно рассказывает о «государственных преступниках»: «Здесь имел я честь быть представлен графу Паскевичу. Я нашел графа перед бивачным огнем, окруженного своим штабом. Он был весел и принял меня ласково. Чуждый военному искусству, я не подозревал, что участь похода решалась в эту минуту. Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел, однако, время побеседовать со мною как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пущина, раненого в прошлом году. Он любим и уважаем как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня» (т. 6, стр. 675—676).

Успех русского оружия в кавказских войнах целиком приписывался любимцу Николая I генералу Паскевичу. Официозные газеты и правительственные историки всячески восхваляли Паскевича. Характерна, например, следующая заметка: «искусным продвижением и быстрым переходом через Саганлугский хребет главнокомандующий миновал все препятствия, какие неприятель мог бы противопоставить нам в горах, покрытых лесом...»². Пушкин не мог, конечно, по цензурным соображениям прямо сказать о том, что походом наряду с главнокомандующим руководили ссыльные декабристы, все удачные действия которых приписывались Паскеви-

¹ Правда, фамилии декабристов и «прикосновенных» (по цензурным соображениям Пушкин зашифровывал, обозначая их только начальной буквой).

² И. Т. Радожицкий. Письма из кавказского корпуса. — Газ. «Северная пчела», 1829 от 15 августа, № 98.

чу. Эту мысль он дает в приведенном выше абзаце. Конечно, в условиях николаевской реакции невозможно было в более открытой форме рассказать о роли декабристов в арзрумском походе. В штабе Паскевича, заседающем накануне выступления, много старых товарищей поэта, декабристов. Причем, Вольховский «запылен с ног до головы», «изнурен заботами», а недавно раненый Пущин «уважаем как... храбрый солдат». Ясно, что трудности похода падают на разжалованных декабристов, а лавры Паскевич пожинает один.

И в дальнейшем, рассказывая об участниках похода, Пушкин отмечает одних только опальных декабристов: Раевский, Семичев, Пущин, Бурцов, снова Раевский, снова Бурцов, Сухоруков, Коновицын, снова Пущин.

Важное место в идейной проблематике «Путешествия в Арзрум» занимает вопрос о будущем Кавказа и вытекающий из него национальный вопрос, т. е. проблема взаимоотношений русских с коренными жителями Кавказа.

Вообще пушкинское «путешествие» — это источник географических, исторических, этнографических сведений о Кавказе того времени. Кавказ — это край, к которому Пушкин всегда питал большой интерес.

По удачному выражению Н. В. Гоголя: «Судьба как нарочно забросила его туда, где границы России отличаются резкою величавою характерностью; где гладкая неизмеримость России перерывается подоблачными горами и обвеивается югом. Исполинский, покрытый вечным снегом Кавказ, среди знойных долин, поразил его; он, можно сказать, вызвал силу души его и разорвал последние цепи, которые еще тяготели на свободных мыслях. Его пленила вольная поэтическая жизнь дерзких горцев, их схватки, их быстрые, неотразимые набеги; и с этих пор кисть его приобрела тот широкий размах, ту быстроту и смелость, которая так дивила и поражала только что начинавшую читать Россию... Он один только певец Кавказа: он влюблен в него всею душою и чувствами»¹.

Как было отмечено выше, Пушкин настоятельно советовал отправляющемуся в кругосветное путешествие Ф. Ф. Матюшкину «не забывать всех подробностей жизни, всех обстоятельств встречи с разными племенами...»

¹ Н. В. Гоголь. Несколько слов о Пушкине. Собрание сочинений в 6-ти томах. М., 1952, т. 6, стр. 50—51.

Претворяя в жизнь эти замечания во время путешествия в Арзрум, Пушкин постоянно искал случаи для общения с жителями Кавказа.

Так, во второй главе поэт пишет: «Меня провожал молодой турок, ужасный говорун. Он всю дорогу болтал по-турецки, не заботясь о том, понимал я его или нет. Я напрягал внимание и старался угадать его. Кажалось, он побранивал русских и, привыкнув видеть всех их в мундирах, по платью принимал меня за иностранца» (т. 6, стр. 671).

В другом месте произведения Пушкин сам задает вопросы, стараясь понять духовную жизнь язидов: «...с любопытством смотрел я на язидов, слывающих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семейств обитают у подошвы Арарата. Я старался узнать от язидов правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая баснь; что они веруют в единого бога, что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив... Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются, и заблуждения их показались мне уж гораздо простительнее» (т. 6, стр. 678—679).

Стремясь понять местные народы, поэт наблюдал и записывал их обряды: «Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке... положили на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от аула. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов» (т. 6, стр. 649). Пушкин понимал, что без знания духовного и бытового мира горцев невозможен объективный подход к ним, ибо, как писал известный этнограф Д. Н. Анучин: «Незнакомство с этнографическими данными, непонимание быта, состояния и потребностей народа было у нас причиною многих административных и законодательных ошибок, как по отношению к инородцам, так и к собственной русской народности»¹.

¹ Л. Я. Штернберг. Д. Н. Анучин как этнограф. — Журн. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 13.

Поэтому в «Путешествии в Арзрум» автор уделяет много места быту и нравам горцев, их материальной и духовной культуре, обычаям и обрядам, передает разговорную манеру отдельных социальных слоев, делает замечания относительно экономики, торговли и политики.

В своем небольшом «путешествии» Пушкин передал многие жанры фольклора кавказцев: песни, предания, легенды. Пушкин первым ввел в русскую очерковую прозу живую разговорную речь народа. В допушкинских «путешествиях» главенствующее место занимал автор, эти произведения одноголосы, монологичны. В «Путешествии в Арзрум» зафиксирована манера разговора армян, калмыков, осетин, казаков с их своеобразным синтаксисом, фразеологией, диалектизмами. Причем, разговорная манера жителей Востока передается по-разному. Беседы с простой калмычкой, а также с погонщиками-грузинами, сопровождающими тело Грибоедова, переданы в форме поразительно краткого диалога: «Сколько тебе лет?» — «Десять и восемь» — «Что ты шьешь?» — «Портка» — «Кому?» — «Себя» (т. 6, стр. 644) или «Откуда вы?» — «Из Тегерана» — «Что вы везете?» — «Грибоеда» (т. 6, стр. 666). В обоих диалогах сохранена неправильная речь собеседников поэта («себя», «Грибоеда»). Беседы с образованными представителями мусульманского Востока только пересказываются. Не выделяя специально разговорную манеру последних, Пушкин; видимо, хотел показать, что люди везде одинаковы и манера говорить у них одинакова. Эта мысль дана в следующем абзаце: «...конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека!» Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч». Со стыдом принужден я был оставить важнo-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе и крашеным ногтям» (т. 6, стр. 653—654). Последнее замечание, безусловно, обращено к тем, кто привык видеть во всем восточном «экзотичное».

С другой стороны, Пушкин передает светскую манеру разговора. Так, зафиксированные в произведении беседы с автором Паскевича и Грибоедова даны преимущественно на французском языке.

Наряду с передачей манеры разговора представителей различных народностей Пушкин описывает и элементы материальной культуры кавказцев, их жилища, пищу, одежду. «На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее... Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться, и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылитины: я был и тому рад» (т. 6, стр. 643—644); «Мы остановились у одного дома, довольно плохой наружности... В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старушка. Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате...» (т. 6, стр. 673).

Глубокое знание жизни и быта кавказских племен помогло Пушкину предложить гуманный путь приобщения горцев к цивилизации. Этот путь он видел в распространении предметов цивилизации и в христианском миссионерстве: «Должно однако же надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением. Есть средство более сильное, более нравственное, более сообразное с просвещением нашего века: проповедание Евангелия. Черкесы очень недавно приняли магометанскую веру... Кавказ ожидает христианских миссионеров» (т. 6, стр. 648).

Таким образом, Пушкин стоял за разрешение кавказской проблемы мирным путем, пропагандировал содружество между народами России и Кавказа.

Как передовой человек своего времени, Пушкин

критически относился к николаевской реакции и свойственным ей способам колонизации народов России: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги» (т. 6, стр. 647).

Понимая, что колонизаторская политика порабощения кавказских народов порождала ненависть горцев к русским и способствовала таким образом не умиротворению, а, наоборот, озлоблению горцев, Пушкин показал, как чудовищные притеснения народов Кавказа вызывали естественную реакцию среди горцев, выражавшуюся в суровом насилии над пленными русскими:

«Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками» (т. 6, стр. 648).

В «Путешествии в Арзрум» показана изнанка административных методов, применявшихся ставленниками самодержавия по отношению к горцам. Одним из таких методов было взятие детей самых богатых и влиятельных горцев под залог, в аманаты: «В крепости видел я черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держали в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте. На иных видел я деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе» (т. 6, стр. 649—650).

Кавказская действительность получает у Пушкина социальное осмысление, он подходит к ней с социальных позиций. Так, рисуя пейзаж «миловидной» Грузии, Пушкин вместе с тем отмечает бедность ее жителей-крестьян: «Я ехал верхом, переменяя лошадей на казачьих постах. Вокруг меня земля была опалена зноем. Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями» (т. 6, стр. 665).

Рассказывая о прекрасных осетинках, он говорит об их нищенском одеянии: «женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам.

У ворот крепости встретил я жену и дочь заключенного осетинца. Они несли ему обед. Обе казались спокойны и смелы: однако ж при моем приближении обе потупили голову и закрылись своими изодранными чадрами» (т. 6, стр. 649).

Реалистический характер «Путешествия в Арзрум» особенно проявился в описаниях батальных сцен, в которых нет ни чудо-богатырей, ни эффектных штурмов турецких крепостей. Пушкинские описания шли вразрез с традиционно-напыщенной патетикой военных описаний, господствующей в прозе тех лет. Для сравнения можно привести заметку из газеты «Северная пчела»:

«Русский орел вспарил с первым дуновением ветра, махнул крыльями, и враги обратились вспять. Быстрые реки, высокие горы, дремучие леса и тесные лощины, защищаемые отчаянными мусульманами, не удержали русских воинов на пути к победе и славе. В Европе гр. Дибич-Забалканский, в Азии гр. Паскевич-Эриванский, герои, избранные государем для защиты отечества, повели русских на врага, и вскоре раздались звуки русских барабанов в горах неприступных»¹. Приподнятость стиля, «героика», встречающаяся в подобного рода официозных заметках и в официальных реляциях у Пушкина начисто отсутствует, зато он умело передает динамику боя, делая читателя непосредственным свидетелем событий²: «Турки бежали; казаки стегали нагайками пушки, брошенные на дороге, и неслись мимо. Турки бросались в овраги, находящиеся по обеим сторонам дороги; они уже не стреляли, по крайней мере ни одна пуля не просвистела мимо моих ушей» (т. 6, стр. 681).

Пушкин был далек от подчеркнуто эмоционального изображения войны и вместо романтизации подвигов русских героев дал точную хронику событий:

«Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину. Мы встретили ра-

¹ Газ. «Северная пчела», 1830 от 7 января, № 3.

² О том, что Пушкин был хорошо знаком с реляциями графа Паскевича, свидетельствует тот факт, что в его архиве сохранились их копии (см. Летописи гос. лит. музея, кн. 1, 1936. Публикация и комментарий П. С. Попова).

неного казака: он сидел, шатаясь в седле, бледен и окровавлен. Два казака поддерживали его. «Много ли турков?» — спросил Семичев. — «Свиньем валит, да же благородие», — отвечал один из них» (т. 6, стр. 677).

Будучи противником войны, Пушкин, изображая ее ужасы, постоянно описывает раненых и убитых, подводя читателя к мысли о ненужности кровопролития: «Мы встретили раненого казака: он сидел, шатаясь в седле, бледен и окровавлен»; «...я видел наших раненых, из коих человек 5 умерло...»; «...привели несколько пленных. Один из них был жестоко ранен»; «Лошадь моя остановилась перед трупом молодого турка, лежавшим поперек дороги. Ему, казалось, было 18 лет; бледное девическое лицо не было обезображено». Авторское отношение к военным событиям ясно выражено в следующем абзаце: «Из лесу вышел турок, зажимая свою рану окровавленную тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением его приколоть, может быть из человеколюбия. Но это слишком меня возмутило; я заступился за бедного турку и насилу привел его изнеможенного и истекающего кровью, к кучке его товарищей» (т. 6, стр. 684).

Этот метод описания жертв войны в дальнейшем использовал Л. Н. Толстой в «Войне и мире»: «Им стали встречаться раненые. Одного, с окровавленной головой, без шапки, тащили двое солдат под руки. Он хрипел и плевал. Пуля попала видно в рот или в горло. Другой бодро шел один, без ружья, громко охая и махая от свежей боли рукою, из которой кровь лилась, как из склянки, на его шинель»¹.

Как писал В. Б. Шкловский, «Пушкин действительно создал способ описания войны, вернее, Пушкин так увидел войну, что это помогло увидеть войну Толстому»².

Отличительная черта батальных картин «Путешествия в Арзрум» в том, что при всем своем патриотизме Пушкин одинаково сочувственно, без малейшей предвзятости рисует рядовых участников войны, как русских, так и турок. И, может быть, в этом плане можно, конечно с известными ограничениями, говорить о «нейтральности» (Ю. Тынянов) автора. Но его отношение к

¹ Л. Н. Толстой. «Война и мир» в 2-х кн., М., 1968, ч. 1, стр. 235—236.

² В. Б. Шкловский. О прозе. Пушкина («Путешествие в Арзрум»). — Журн. «Знамя», 1941, № 6, стр. 231.

описываемым батальным сценам, безусловно, не нейтрально. Это страстный антивоенный призыв, призыв, который прозвучал и в кавказских стихотворениях поэта этого времени¹.

В заключительной главе «Путешествия», проезжая по местам, где происходили бои, Пушкин не упускает случая напомнить читателю об их кровопролитном исходе: «Я ехал обратно в Тифлис, по дороге уже мне знакомой. Места, еще недавно оживленные присутствием 15000 войска, были молчаливы и печальны». Так косвенно автор показывает читателю итоги войны, уничтожающей все живое и оставляющей после себя тлен и пепел.

Тематика и проблематика «Путешествия в Арзрум» (декабристы, национальный вопрос, рассказ о гибели Грибоедова и Бурцова, намеренное умалчивание о «подвигах» Паскевича) были таковы, что они противоречили официальной точке зрения на Кавказ. Это предопределило то, что вплоть до смерти Николая I в 1885 году о Пушкинском «путешествии» в русской критике не упоминалось.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин остро полемизирует с романтической манерой изображения Кавказа. Эта полемика проходит через все произведение. «Экзотические» картины сознательно принижены автором. Встреча с «молодой», «собою очень недурной» калмычкой передана не в идиллических тонах, как это сделали бы романтики, а попеременно с описаниями неказистого

¹ Ср., например, его обращение к воюющим сторонам в стихотворении «Делибаш»:

«Делибаш! не суйся к лаве...
Эй, казак! не рвися к бою!..

Пушкин пытается предостеречь обе стороны от того трагического конца, который он дает в конце стихотворения:

«Делибаш уже на пике,
А казак без головы» (т. 3, стр. 199).

обеда, «уродливых, косматых коней»¹. Величавая природа Кавказа описывается вперемежку с «лачужками, где с трудом можно достать десяток яиц и молока», с изодранными одеждами их обитателей. С тонкой иронией Пушкин разъясняет читателям названия, служившие романтикам для восторженных излияний. Бешеная Балка — «овраг, во время сильных дождей превращающийся в яростный поток. В это время он был совершенно сух и громок одним своим именем». Дарьяльское ущелье свое название, по Пушкину, берет не от имени царицы Дарьи, как в романтических произведениях (у некоторых романтиков Дарья даже оказывается главарем разбойников)², а от слова дариал, которое «на древнем персидском языке значит ворота». Троицкие ворота у него — «арка, образованная в скале взрывом пороха».

Эту полемику Пушкин распространяет и на свое собственное романтическое изображение Кавказа (в поэме «Кавказский пленник»). Так, бурдюк, из которого Пушкину довелось попробовать кахетинское вино, воспетый во многих романтических произведениях, и, в том числе, в «Кавказском пленнике» («И гостю в чаще благовонной Чихирь отраднй подает»), в «путешествии» назван «вонючим». Вообще полемика с «Кавказским

¹ Достаточно для сравнения привести отрывок из «Поездки в Кавказские Минеральные воды» В. Х-ского: «Девы гор с потупленными очами, равнодушною миной, с досадною застенчивостью, сплелись руками, стали плясать... Черкешенки прелестны: большие выразительные черные глаза, греческий (но не попугайный римский) носик, маленький алый рот, зовущий к поцелуям, черные волосы и бархатистые дугой брови... Черкешенки стройны, как тополи. На голове, обвитой платком, блестит повязка, унизанная жемчугом, бисером и маленькими камнями. Маленькая ножка скрыта в кожаном башмачке с серебряными узорами, плотно обольнувшими около оной... Вот опасные соперницы для ветреных полек, столько тщеславящихся своею миниатюрною ножкою!»—Газ.—«Серверная пчела», 1832 от 28 декабря, № 303.

² Вот объяснения происхождению названия Дарьяльского ущелья, которые дают романтики: кн. Н. Голицын — «Тут, по преданиям, жила некогда какая-то разбойница Дарья, которая прелестными своими заманивала к себе проезжих, и, подвергнув их страшным истязаниям, свергала с вершины скалы в Терек. — Переезд через Кавказские горы. Журн. «Библиотека для чтения», 1837, т. 23, ч. 7, стр. 19; Н. А. Нефедьев: «иные говорят, что тут жила царица Дария, удалившаяся от гонения диких народов». Записки Н... Н... во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию, в 1827 году. — М., 1829, стр. 105.

пленником» начинается с первых страниц «путешествия» и находит свою кульминацию в следующем абзаце:

«Здесь (в Ларсе — А. Г.) нашел я измаранный список «Кавказского пленника» и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно».

Влияние этих верно «угаданных и выраженных» мест чувствуется в «Путешествии в Арзрум». Так, одними и теми же красками описано начало Военно-Грузинской дороги в поэме:

«...пустынные равнины
Лежат зеленой пеленой,
Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины;
Меж них уединенный путь
Вдали теряется угрюмой...» (т. 4, стр. 94).

И в «Путешествии»: «Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонам холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющиеся выше и выше».

Другие картины «Кавказского пленника», то, что «слабо, молодо, неполно», разнятся от очерковых описаний тех же мест.

Достаточно сравнить вышеприведенное описание природы в «Путешествии в Арзрум» («В Ставрополе увидел я на краю неба облака, поразившие мне взоры, ровно за девять лет. Они были все те же, все на том же месте. Это — снежные вершины Кавказской цепи») и в «Кавказском пленнике»:

«...отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков...6 (т. 4, стр. 98).

Полемика с романтическим изображением Кавказа перерастает в пятой главе, при описании Турции, в полемику с романтизацией Востока в целом: «Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти... В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии». Далее в этой главе при посещении гарема

Осман-паши Пушкин полемизирует с тем романтическим описанием гарема, который он сам дал в «Бахчисарайском фонтане». В поэме и дворец, и жены хана, и гарем, и фонтаны — все романтизируется:

«Бродил я там, где бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.

В то время сердце полно было:
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью,
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной!» (т. 4, стр. 169, 170).

В «Путешествии» описания гарема сознательно при-нижены, создается реалистическая картина: «...нас ввели в открытую комнату, убранную очень порядочно, даже со вкусом...» Если в поэме «фонтаны сладкозвучны из мраморной темницы бьют», то в «путешествии» говорится о «двух тощих фонтанах». В поэме жены хана — «прелестницы», в «путешествии» говорится, что среди обитательниц гарема «не было ни одной красавицы».

Таким образом, Пушкину удалось создать первый в русской литературе реалистический очерковый цикл «путешествий», знаменовавший собой «новый шаг, новое качественное явление в развитии русской литературы»¹. Интересно поэтому проследить, какое влияние оказал Пушкин-очеркист непосредственно на современных ему авторов-путешественников,

5. О ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТКЛИКАХ НА «ПУТЕШЕСТВИЕ В АРЗРУМ»

В литературоведении принято считать, что «Путешествие в Арзрум» не оказало сколько-нибудь существенного влияния на современную ему русскую очерковую прозу. Это мнение не верно. В кавказских очерковых произведениях некоторых современников Пушкина можно заметить своеобразные творческие отклики на «Путешествие в Арзрум». Авторы ряда кавказских очерковых произведений, прочитав «Путешествие в Арзрум»,

¹ Б. О. Костелянец. Русский очерк. — Вступительная статья к 3-томному сборнику «Русские очерки». — М., 1956, т. 1, стр. 22.

сознательно или подсознательно писали под его непосредственным воздействием. Сопоставление пушкинских описаний кавказского края и картин аналогичных мест этой окраины России у других авторов позволяет сделать вывод, что «Путешествие в Арзрум» не прошло незамеченным для очеркистов-современников. Причем, влияние пушкинского «путешествия» ощущается и в очерковых произведениях представителей так называемой «массовой» литературы (П. П. Зубов, князь Н. Б. Голицын, Н. А. Нефедьев), и в таком произведении русской классической литературы, как повесть «Бэла» М. Ю. Лермонтова (из романа «Герой нашего времени»). Конечно, степень влияния Пушкина-очеркиста на этих, различных по таланту писателей неодинакова. Если Зубов, стараясь скрыть свое название кавказского материала, попросту заимствовал факты пушкинского «путешествия», по-своему истолковывая их, а Голицын и Нефедьев во многом следовали творческой манере Пушкина-очеркиста и в своих описаниях только видоизменяли пушкинские, приводя аналогичные, то Лермонтов переосмыслил и углубил реалистические тенденции Пушкина-очеркиста.

Перечисленные авторы долгое время жили и служили на Кавказе и посвятили ему ряд произведений. Особенно много книг о Кавказе, как мы уже отметили выше, написал П. П. Зубов. Критики-современники неоднократно отмечали слабость, невыразительность его произведений¹. Так, анонимный критик «Библиотеки для чтения», рецензируя в одном и том же номере этого журнала сразу два произведения Зубова — «Картина последней войны России с Персией» и «Шесть писем о Грузии и Кавказе, написанные в 1833 году» — считает их слабыми, неудачными. В «Картине последней войны...» рецензент не критикует только те места, которые Зубов взял из военных репортажей, а в «Шести письмах...» — начало произведения. Факты для этого начала и были заимствованы П. П. Зубовым у Пушкина. Как известно, часть первой главы из будущего «Путешествия в Арзрум», «Военная Грузинская дорога», была опубликована в 1830 году². Ее-то использовал Зубов при написании

¹ См., например: Журн. «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», 1835, № 9, стр. 71—72; Журн. «Библиотека для чтения», 1835, т. 8, ч. 1—2, стр. 35—38.

² Литературная газета, 1830 от 5 февраля, т. 1, № 8, стр. 57—59.

«Шести писем...» Из шести писем этой книги два — первое и третье — посвящены, как и статья Пушкина, Военно-Грузинской дороге. Во втором письме рассказывается о побеге из плена очередного «кавказского пленника», некоего Б., а три последних, на которые, собственно, и обрушился рецензент «Библиотеки для чтения», посвящены мудрствованию о пользе русского владычества на Кавказе.

Из статьи Пушкина Зубов заимствовал ряд мест, например, описание перехода по Военно-Грузинской дороге. «Точно и кратко», без всяких преувеличений рассказывает Пушкин: «С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога, почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются: это называется **оказией**. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро в девять часов мы были готовы отправиться в путь. На сборном месте соединился весь караван, состоящий из пятисот человек или около. Пробыли в барабан. Мы тронулись. Впереди проехала пушка, окруженная пехотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдаток, переезжающих из одной крепости в другую; за ними заскрипел обоз двухколесных ароб. По сторонам бежали конские табуны и стада волов. Около них скакали нагайские проводники в бурках и с арканами. Все это сначала мне очень нравилось, но скоро надоело. Пушка ехала шагом, фитиль курился, и солдаты раскуривали им свои трубки»¹. Нарисована вполне будничная картина. Обоз с солдатками и, вероятно, с детьми, солдаты, прикуривающие от фитиля боевого орудия, — все это говорит о том, что конвой дается по привычке, «для порядка», а не по необходимости.

По-иному описывает эти места Зубов. Понимая, что большую часть читателей интересуют только кавказская экзотика, с ее всевозможными «страшными» историями, и рассчитывая завоевать симпатии этих читателей, автор «Шести писем...», пользуясь фактами пушкинской статьи, создает совершенно иное представление о Военно-Грузинской дороге, как о месте, таящем всевозможные опасности для путешественника: «Гремя почто-

¹ Литературная газета, 1830 от 5 февраля, т. 1, № 8, стр. 57.

вым колокольчиком до самого Екатеринограда, тут видите конец своего быстрого путешествия. Отсюда до самого Владикавказа дорога лежит через земли Малой Кабарды, следственно страну самых неприязненных горцев, что и заставило учредить конвойное сопровождение. Рано или поздно поехали, вы должны дожидаться того дня, когда придет российская почта, идущая на Кавказ.

Для сопровождения сей почты наряжается конвой из сорока или пятидесяти человек пехоты и тридцати или сорока казаков, при одном артиллерийском орудии, и при сопровождении сей колонны все путешествующие должны собраться. Первый звук барабана означает приготовление к походу, сигнал для запряжки лошадей и сближения с отрядом; второй отбытие колонны»¹.

То же самое в описании укреплений, встречающихся на пути. Пушкин с тонкой иронией описывает эти крепости, которые давно уже из-за переноса театра военных действий в глубь Кавказа потеряли свое стратегическое значение: «Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с заржавленными пушками, не стрелявшими со времен графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей... Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинарами. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрелись цветы, порожденные зараженным пеплом. Легкий, одинокий минарет свидетельствует о бытии исчезнувшего селения»². Проезжая по тому же месту спустя четыре года после Пушкина и в общем-то повторяя его описания, Зубов утверждает совсем иное: «Укрепления сии называются Минарет и Архон. Есть еще Дурдур... недалеко от Минарета, сие место в особенности опасно по частым набегам горцев... В самом деле месторасположение укрепления Минарет, так названного по полуразрушенному высокому минарету, принадлежавшему совершенно развалившейся мечети, весьма способствует к хищническим набегам. Большие горы кругом, лес на вершинах оных и теснины между гор

¹ П. П. Зубов. Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году. М., 1834, стр. 10—11.

² Литературная газета, 1830 от 5 февраля, т. 1, № 8, стр. 57.

на большое пространство, замаскированные лесом, очень способны укрыть хищников от наблюдательного взора, пока им представится благоприятный случай безнаказанно совершить злодеяние»¹.

Другой автор-путешественник, князь Голицын, также писал о Военно-Грузинской дороге. Его очерк «Переезд через Кавказские горы»¹ несколько более самостоятелен, чем книга Зубова «Шесть писем...» Правда, большая часть «Переезда...» посвящена изображению чувств и переживаний автора во время бури и описанию Военно-Грузинской дороги Голицын уделил мало места, но тем не менее, в этих двух-трех страницах он показал себя человеком, понимающим красоту кавказской природы. Хотя автор и подчеркивает, что описывается поездка 1827 года, его очерк «Переезд через Кавказские горы» носит следы влияния «Путешествия в Арзрум». Это позволяет сделать вывод о том, что непосредственно перед публикацией, в 1837 году, Голицын прочел очерк Пушкина, напечатанный за год до этого. Так, по примеру Пушкина, рассказывающего в своем «путешествии» различные истории, происшедшие с русским извозчиком, погибшим во время обвала, с русским драгуном, утонувшим в огромном кувшине вина, с персидским принцем, на коляску которого напали горцы — Голицын сообщает историю, случившуюся с русским уланом, который «обманутый мелководьем» Терека, решил перебраться через него вброд: «...едва только лошадь его вступила в пенистую воду, как ни коня, ни седока более не видели: их в одно мгновение увлекло силою течения и раздробило в прах об огромные камни...»³. Вслед за Пушкиным Голицын дает весьма простое объяснение названию Бешеной балки, долго служившей романтикам для восторженных излияний. По Голицыну, это «малый, но черный ручеек, стремящийся из гор и исчезающий в Тереке»⁴.

Н. А. Нефедьев, посвятивший Кавказу несколько произведений, показал в них достаточное знание местности, научной литературы об этом крае. Нефедьев совершил свою поездку 1827 года вместе с приятелем Пушкина Н. В. Всеволожским. Человек, близкий к пуш-

¹ П. П. Зубов. Шесть писем..., стр. 15.

² Журн. «Библиотека для чтения», 1937, т. 23, ч. 7, стр. 18—26.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Там же.

кинскому кругу, он знал творчество великого поэта и в своих «Записках...» цитирует «Черкескую песню» из «Кавказского пленника» (стр. 183—184). Несомненно, что и «Путешествие в Арзрум» не прошло мимо его внимания. Следы прочтения пушкинского очерка заметны в другой книге Нефедьева «Взгляд на армянскую область» (из путевых заметок)», увидевшей свет в 1839 году. Если в «Записках...» Нефедьев коренному населению Кавказа почти не уделяет внимания, то после прочтения «Путешествия в Арзрум» в своей новой книге он подробно описывает быт и нравы курдов, армян. Как мы указывали выше, Пушкин в своем очерке интересуется достоверностью молвы о языдах. По пушкинскому примеру Нефедьев в свою очередь пытается выяснить правдивость слухов о курдах: «На слова мои, что о курдах идет дурная молва, султан относил это к поступкам их во время зависимости от Персии и уверял, что в настоящее время они ведут себя исправно»¹. Любопытно, что и Пушкин, и Нефедьев свидетельствуют о лживости молвы о кавказских горцах.

Влияние Пушкина-очеркиста заметно также в нефедьевском изображении чувств, испытываемых человеком на границе отечества. У Пушкина-реалиста при описании переправы через Арпачай на турецкую сторону нет ни малейшего намека на романтику. Восторг от встречи с границей «необъятной России» сменяется грустным размышлением о невозможности из-за оков самодержавия побывать в зарубежных государствах: «Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России» (т. 6, стр. 670—671). Иначе, в романтически-эмоциональной манере описывает свои переживания при переезде через границу Нефедьев. Если Пушкин, мечтая побывать за рубежом, «весело» переходит границу, то Нефедьев не только не хочет вступить на

¹ Н. А. Нефедьев. Взгляд на армянскую область (из путевых заметок). СПб, 1839, стр.. 9

чужую землю, но и опасается, как бы его не перенесла какая-нибудь «враждебная сверхъестественная сила»: «Как сильно, как безотчетно бьется сердце, когда стоишь на краю милой отчизны! Это испытал я в первый раз в Гумрах на Арпачае. Там, где одна черта отделяла меня от Турции, мне было как будто страшно, чтобы какая-нибудь враждебная, сверхъестественная сила не перенесла меня на берег чуждый и не разлучила с землею отечественною. То же чувство повторилось во мне и здесь (т. е. на границе с Персией — А. Г.). Я с трепетом становился на перевозной паром, стоящий у берега и готовый перевести меня через заветные волчьи в Персию»¹.

Иначе использовал опыт пушкинского путешествия М. Ю. Лермонтов в своей повести «Бэла». «Бэла» близка «Путешествию в Арзрум» в полемичности по отношению к романтикам, в точности и достоверности описаний. Лермонтов по примеру пушкинского «путешествия» предпосылает своему роману «Герой нашего времени», составной частью которого является «Бэла», четко сформулированное предисловие, в котором объясняет цель написания произведения. «Можно с полной уверенностью сказать, что особое впечатление должно было произвести на Лермонтова появившееся в «Современнике» в 1836 г. «Путешествие в Арзрум» Пушкина. Коллебания кончились: «Бэла» написана человеком, который не только прочитал «Путешествие в Арзрум», но и увидел в нем настоящее решение стиливых проблем². Оба великих писателя интересовались нравами и обычаями кавказцев. Так, Пушкин дал подробное описание обряда погребения у осетинцев. В свою очередь, автор «Бэлы» устами Максима Максимыча рисует картину свадебного обряда чеченцев: «В ауле множество собак встретило нас громким лаем. Женщины, увидев нас, прятались, те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы. У князя в сакле собралось уже множество народа. У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли со всеми почестями и повели в кунацкую...

«Как же у них празднуют свадьбу?» — спросил я

¹ Н. А. Нефедьев. Взгляд на армянскую область, стр. 64—65.

² Б. М. Эйхенбаум. М. Ю. Лермонтов. Очерк жизни и творчества. — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Сочинения в 6-ти тт., т. 6, М. — Л., 1957, стр. 779.

штабс-капитана. Да обыкновенно. Сначала мулла прочитает им что-то из Корана, потом дарят молодых и всех их родственников; едят, пьют бузу, потом начинается джигитовка, и всегда какой-нибудь оборвыш, засаленный, на скверной, хромой лошаденке, ломается, паяспичает, смешит честную кампанию; потом, когда смеркается, в кунацкой начинается, по-нашему сказать, бал. Бедный старичишка бренчит на трехструнной... вроде нашей балалайки. Девки и молодые ребята становятся в две шеренги, одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором»¹.

Как видно, если Пушкин, первооткрыватель Кавказа в русской литературе, еще не может до конца понять, что скрывается за тем или иным действием горского обряда («никто не мог объяснить мне сих обрядов»), то идущий по его следам Лермонтов великолепно объясняет каждый штрих свадебного обряда.

Сходно у обоих писателей и реалистическое описание дороги, пейзажа. Вслед за Пушкиным, дающим обыденные объяснения географическим названиям, служившим романтикам для восторженных излияний (Бешеная Балка, Дариальское ущелье, Троицкие ворота), Лермонтов, в свою очередь, в «Бэле» дает весьма простое объяснение названию еще одного излюбленного для романтических излияний объекта — Чертовой долины: «Итак, мы спускались с Гуд-горы в Чертову долину... вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, — не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт», ибо здесь когда-то была граница Грузии»².

Приведенные выше сопоставления позволяют сделать вывод о том, что «Путешествие в Арзрум» не прошло незамеченным для современных Пушкину авторов. Правда, прямое воздействие пушкинского «Путешествия» на современный ему путевой очерк оказалось сравнительно небольшим, но историко-литературное значение «Путешествия в Арзрум» не только в прямом воздействии на русский очерк 30-х годов, но и в том,

¹ М. Ю. Лермонтов, т. 6, стр. 210.

² Там же, стр. 225.

что оно, будучи наиболее ярким проявлением тенденций, свойственных русской литературе тех лет, способствовало ее дальнейшему росту.

Итак, «Путешествие в Арзрум» занимает особое место в литературе «путешествий» и резко отличается от других произведений этого жанра.

Пушкин расширил тематику русского путевого очерка, дал образец очеркового цикла «Путешествия». В его «Путешествии» главенствуют сразу несколько тем: Кавказ, его народности, отношения между представителями различных национальностей, военные события, зарубежный Восток. Пушкин показал, как надо пользоваться литературными и научными источниками. Если авторы допушкинских «путешествий» обращались к источникам в основном для того, чтобы скрыть свое незнание или неумение апеллировать мнением авторитетного ученого и писателя, то Пушкин использует источники только для дополнения или подтверждения своих записей. Новаторство Пушкина-очеркиста, точность и достоверность наблюдений, лаконизм и вместе с тем выразительность языка, гармоничная слаженность композиции сделали «Путешествие в Арзрум» новой, реалистической страницей в истории русского очерка.

Точно так же работал Пушкин и над последующими своими прозаическими произведениями. Эта тщательная, скрупулезная работа и сделала прозу Пушкина одним из интереснейших явлений в истории русского эпоса, не только положившим начало дальнейшему развитию русского реализма, но и независимо от своего историко-литературного значения, оказавшимся высочайшим образцом художественности.

Глава II

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СОВРЕМЕННОКИ ПУШКИНА

Пушкинское окружение неизменно привлекает внимание исследователей творчества и биографии великого поэта. На страницах специальных изданий, в газетах и журналах часто можно встретить публикации, дополняющие наши представления о друзьях и знакомых Пушкина. И это не случайно. Уточнение пушкинского окружения порой вносит серьезные коррективы в имеющиеся материалы, восполняет некоторые пробелы нашего литературоведения, важной составной частью которого давно уже признано пушкиноведение.

Наиболее авторитетное издание в этой области — монографическое исследование Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1976) — содержит документальные данные о 2500 современниках, с которыми общался поэт в течение своей непродолжительной жизни» (стр. 1), но, думается, что даже этот труд нельзя считать исчерпывающим.

Современные исследователи творчества Пушкина должны считать своим долгом, с одной стороны, дополнить этот список новыми именами, а с другой — углубить наши представления о тех 2500 современниках великого поэта, сведения о которых вошли в книгу Л. А. Черейского.

Не должны в этом смысле стоять в стороне и азербайджанские пушкиноведы. Напомним, что книга

Л. А. Черейского содержит сведения о четырех азербайджанцах — поэте-просветителе Аббас Кули-ага Бакиханове (стр. 21), южноазербайджанском поэте Фазиль-хане Шейда (стр. 438), полковнике мусульманского иррегулярного полка Фараджулла-беке (стр. 439) и офицере 1-го конного мусульманского полка Фаргат-беке (стр. 439), познакомившимися с Пушкиным в 1829 году во время его поездки в Арзрум, творческие результаты которой были проанализированы нами в предыдущей главе.

О названных четверых азербайджанских знакомых Пушкина наши литературоведы уже писали. Речь идет о написанных в 30-е—50-е годы монографиях И. К. Ениколопова («Пушкин на Кавказе», Тбилиси, 1938), М. Г. Рафили («М. Ф. Ахундов», Баку, 1957, стр. 52—73), одна из глав которой озаглавлена «Пушкин и его азербайджанские друзья», Ш. К. Курбанова («Пушкин и Азербайджан». Баку, 1959), несколько страниц которых посвящены интересующей нас теме.

Сегодня, спустя почти три десятилетия после выхода в свет последнего из перечисленных изданий, думается, есть необходимость вернуться к биографиям азербайджанских знакомых и современников Пушкина, чтобы, не повторяя положений предшественников, с учетом вновь обнаруженных фактов, которые они не могли знать, дополнить наши представления о них.

1. АББАС КУЛИ-АГА БАКИХАНОВ (1794—1847)

Бакиханов широко известен как один из немногочисленных ученых-энциклопедистов первой половины XIX века, оставивший заметный след в литературе и филологии, географии и истории, педагогике и философии Азербайджана. Потомок бакинских ханов, он, будучи глубоко сведущим в литературе и культуре Востока, с ранних лет проявлял стремление близко ознакомиться с европейской цивилизацией. Стремясь постичь культуру и литературу разных народов, Бакиханов неустанно и успешно изучал языки и много путешествовал.

Обширные познания и редкие способности Бакиханова быстро привлекли внимание русских властей на Кавказе, и уже в 1820 году он был определен на службу командующим отдельным кавказским корпусом гене-

ралом А. П. Ермоловым. Таким образом, Бакиханов оказался одним из первых азербайджанских писателей, поступивших на русскую службу и благодаря этому получивший уникальную для того времени возможность близкого ознакомления с культурой и литературой русского народа.

Именно благодаря своему служебному положению Бакиханов свел близкое знакомство с А. С. Пушкиным, А. С. Грибоедовым, В. К. Кюхельбекером, А. А. Бестужевым-Марлинским, Я. П. Полонским и другими видными деятелями русской литературы.

Степень знакомства Бакиханова с перечисленными русскими писателями была, разумеется, различной. И хотя бумаги и записки Бакиханова не хранят сведений или воспоминаний о встречах с названными русскими писателями, но зато в дневнике А. С. Грибоедова, в очерковых произведениях А. А. Бестужева-Марлинского, в незавершенной поэме В. К. Кюхельбекера, в примечании к одному из азербайджанских стихотворений Я. П. Полонского и в письмах родственников А. С. Пушкина знакомства эти документально зафиксированы.

Конечно, отношения Бакиханова с перечисленными русскими писателями были различны, на характере некоторых из них не могли не сказаться служебные контакты. Так, отношения с находившимся на дипломатической службе русским посланником в Иране А. С. Грибоедовым чисто внешне, для посторонних, не могли не носить официального характера, поскольку дипломат и переводчик при командующем были тесно связаны прежде всего служебными обязанностями. В своих донесениях и записках к главнокомандующему кавказской армией И. Ф. Паскевичу Грибоедов подчеркивает сухость и официальный характер отношений с Бакихановым: «остались он (шах Ирана Аббас-Мирза — А. Г.), я и мой переводчик»¹; «Переводчик мой пространно объяснил ему (Аббас-Мирзе) — А. Г.), чего требует наше правительство по данным направлениям»²; «Я поручил нашему Аббас-Кули вступить в разговор с курдами (не эриванскими), которые на обратном пути были у меня в конвое. Они тайно просили его, чтобы рус-

¹ А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. Петроград, 1917, т. 3, стр. 225.

² Там же, стр. 256.

ский главнокомандующий написал доброе слово пухану»¹.

Однако в дневниковых записях, естественно, не предназначенных для чужих глаз. Грибоедов не скрывает дружеский характер своих отношений с Бакихановым, вспоминая «палатку Аббас-Кули над рекою» (от 3 июня 1827 года), «рассказ Аббас-Кули, что елизаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами» (от 26 июня 1827 года) и т. д.²

Еще одно свидетельство дружеского характера отношений Грибоедова и Бакиханова можно найти в неоконченном «Начале поэмы о Грибоедове» (1822) В. К. Кюхельбекера. Дошедший до нас отрывок построен как рассказ ученого Абаса (т. е. Бакиханова) о Грибоедове.

Дружеский характер носили и отношения Бакиханова с опальным писателем-декабристом А. А. Бестужевым-Марлинским. Закономерен поэтому дружеский характер строк Марлинского, обращенных к Бакиханову. Так, в очерковой зарисовке «Военный антикварий» (1829) читаем: «Дверь отворилась, и вошел храбрый майор татарской нашей конницы, Аббас-Кули, человек весьма просвещенный и милый».

Об учености Бакиханова Марлинский говорит и в «Письмах из Дагестана» (1831): «С нашей стороны командующий войсками послал для переговоров майора Аббас-Кули-Баки-Ханова, мусульманина, известного своей ученостью, достаточной преданностью... После многих споров и возражений чиркейцы предались великодушью русского правительства» (т. 2, стр. 43).

Довольно в близких отношениях был Бакиханов и с поэтом Я. П. Полонским, сотрудником газеты «Закавказский вестник». Именно для Полонского Бакиханов сделал подстрочный перевод популярной народной песни «Атма даш» («Не бросай в меня камнями»), которая под названием «Татарская песня»³ приобрела популяр-

¹ А. С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. Петроград, 1917, т. 3, стр. 266.

² Там же, стр. 87.

³ Публикацию «Татарской песни» Полонский сопроводил следующим примечанием: «Татарская песня эта была доставлена покойным Абас-Кули-Ханом одному польскому поэту Ладо Заблоцкому, он перевел эту песню по-польски прозой, я, как умел, — русскими стихами» (Я. П. Полонский. Полное собрание сочинений. СПб. 1896, т. 1, стр. 126).

ность среди русских читателей и уже в прошлом веке неоднократно перепечатывалась.

Иными словами, и с Грибоедовым, и с Кюхельбекером, и с Бестужевым-Марлинским, и с Полонским у Бакиханова сложились добрые, дружеские отношения. В этой связи немаловажный интерес представляет характер его взаимоотношений с Пушкиным. К сожалению, ни Пушкин, ни Бакиханов об этих взаимоотношениях не упоминают (кстати, азербайджанский просветитель замалчивает и о своем знакомстве с другими вышеперечисленными деятелями русской литературы, хотя, может быть, какие-то его заметки о них до нас просто не дошли). К счастью, в письмах родного великого поэта его знакомство с Бакихановым нашло свое всестороннее отражение.

Знакомство Пушкина с Бакихановым состоялось, по всей вероятности, во время арзрумского похода посредством генерала Н. Н. Раевского-младшего. В «Путешествии в Арзрум» читаем: «В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика» (т. 6, стр. 678).

Пользуясь как военный переводчик большим уважением И. Ф. Паскевича, Бакиханов после отъезда последнего с Кавказа в начале 1830-х годов, не поладив с новым главнокомандующим кавказской армией бароном Розеном, решает уйти с военной службы и сосредоточиться на дипломатической деятельности. Стремясь заручиться поддержкой графа И. Ф. Паскевича, переведенного к этому времени по службе в Польшу и покорившего варшавское восстание 1832 года, он едет в Варшаву, куда прибывает в сентябре 1833 года. По его просьбе граф И. Ф. Паскевич ходатайствует перед министром иностранных дел графом Нессельроде об определении Бакиханова на дипломатическую службу. Ответа министра пришлось ждать около пяти месяцев. За это время Бакиханов познакомился с семьей проживавшей в Варшаве сестры Пушкина О. С. Павлицевой-Пушкиной и стал вхож в их дом.

В конце апреля 1834 года граф Нессельроде ответил согласием взять Бакиханова на службу, и последний выехал в Петербург. Об отъезде Бакиханова из Варшавы в Петербург Пушкиным сообщила О. С. Павлицева-Пушкина (письмо это не сохранилось). Приехав в Петербург в 20-х числах мая, Бакиханов первым де-

лом посетил дом Пушкиных, о чем свидетельствует переписка родных великого поэта, хранящаяся в Пушкинском доме АН СССР.

Так, в письме матери поэта Н. О. Пушкиной от 25 мая 1834 года читаем: «Абас Кули ага представился нам несколько часов спустя после твоего письма, какой интересный человек, как он прекрасно выражается, я люблю его манеру держаться, он мне бесконечно нравится. Я благодарю тебя, что ты его прислала к нам. Он долго был в дороге потому, что остался одну неделю в Риге и еще где-то. Леон¹ и Александр были очень обрадованы видеть его... Абас Кули нам много говорил о тебе...»²

Свои впечатления от знакомства с Бакихановым изложил в письме к дочери от 26 мая и С. Л. Пушкин: «Абас обедает у нас, он так привязчив, так приветлив, так полон предупредительности, что мы с ним как старые друзья. Я навестил его... Я надеялся сегодня, в день рождения Александра, познакомить его с Вяземским...»

Между тем посещение министерства иностранных дел не оправдало надежды Бакиханова. Нессельроде предложил ему работу не на родине, а в Петербурге, хотя был заранее предупрежден И. Ф. Паскевичем, что «самый климат Петербурга не допускает его постоянного пребывания там...»³.

Этим, видимо, и объясняется тот факт, что в июне Бакиханов редко посещает дом Пушкиных. Упоминание о пребывании Бакиханова в Петербурге в июне можно найти только в двух письмах Н. О. Пушкиной. Причем, если первое из них (от 8 июня) содержит сетования по поводу того, что Бакиханов почти не бывает у Пушкиных: «Я очень рассержена, что почти не вижу

¹ Речь идет о младшем брате поэта Л. С. Пушкине, участнике русско-турецкой войны, с которым Бакиханов познакомился во время арзрумского похода.

² Письмо адресовано к О. С. Павлицевой-Пушкиной. Подлинник на французском. Здесь и далее письма родных Пушкина цитируются по машинописи Лидии Слонимской. Письма С. Л. и Н. О. Пушкиных к их дочери О. С. Павлицевой за 1828—1835 гг. (Пушкинский Дом, фонд 244, оп. 20, № 169).

³ См. Э. М. Ахмедов. Документы и свидетельства о Бакиханове. — Труды Института литературы и языка им. Низами. Баку, 1958, т. XIII, стр. 195.

Абас Кули Ага, он обедал один раз у нас, затем был еще два или три раза, не застав меня, последний раз он остался несколько часов с папой», то второе (от 19 июня) уже сообщает о его отъезде из столицы: «Абас-Кули простился с нами, ему не терпится покинуть Петербург, он уезжает в Одессу»¹.

Материалы, свидетельствующие о связях последующих лет жизни Бакиханова с именем Пушкина пока еще не обнаружены. В этой связи не лишне напомнить, что письма Бакиханова 30-х и 40-х годов до нас дошли в весьма незначительной степени.

Трудно предположить, что человек, близко знавший Пушкина и его родных, никак не среагировал на его гибель. Последующие поиски могут восполнить этот существенный пробел нашего литературоведения.

2. ПОЭТ ФАЗИЛЬХАН ШЕЙДА (1797/1798—1852)

С сожалением приходится констатировать, что в многовековой истории азербайджанской литературы есть немало незаслуженно забытых имен, о творческой деятельности которых современный читатель знает очень мало.

Произошло это из-за многолетнего застоя литературно-критической и литературоведческой мысли, характерного для Азербайджана вплоть до конца прошлого столетия, из-за неудовлетворительного состояния тогдашнего издательского дела. «Мы ленивы и нелюбопытны...», — с горечью заметил Пушкин в «Путешествии в Арзрум», и эти его слова полностью соотносимы к современным великому поэту деятелям азербайджанской культуры. Именно эти «лень и нелюбопытность» породили многие белые пятна в истории азербайджанской литературы, ликвидировать которые — долг совре-

¹ Отец поэта С. Л. Пушкин сделал следующую приписку в письме от 19 июня: «Абас-Кули простился с нами очень нежно. Он обнял меня несколько раз. Я уверен, что имею право к дружбе, которую он питает к тебе и Леону, но это для меня приятнее, я люблю его от всего сердца. Он действительно очень интересный и безусловно таков, каким ты его нам описала, и я чувствовал себя с ним совсем свободно».

менных исследователей. Количество этих белых пятен было бы еще больше, если бы судьба не столкнула некоторых азербайджанских поэтов прошлого с представителями инонациональной культуры, благодаря записям которых дошли до нас сведения об их жизни и творчестве. Так, ничтожно мало знали бы мы сегодня о творчестве замечательного поэта-лирика Мирза Шафи Вазеха (1796—1852), не включи немецкий поэт и ориенталист Ф. Боденштедт его стихотворения в свою книгу «Песни Мирза Шафи». Известно, что и сегодня со значительной частью литературного наследия Мирза Шафи мы знакомы только благодаря Ф. Боденштедту, и азербайджанский читатель на родном языке читает его произведения в переводе с немецкого. Не касаясь вопроса о плагиате Ф. Боденштедта, заметим, что именно этот поэт раскрыл нам одну из ярких страниц родной литературы. К сожалению, это далеко не единственный случай. Точно так же ничтожно мало знали бы мы о поэте Южного Азербайджана Фазильхане Шейда, не доведись ему встретиться с Пушкиным в горах Кавказа. Эта встреча, вызвавшая к жизни пушкинский стихотворный экспромт «Благословен и день и час...», оказалась воистину знаменательной — в судьбе Фазильхана Шейда. Наши литературоведы, неоднократно писавшие о встрече Фазильхана с Пушкиным, изучили этот эпизод из жизни южноазербайджанского поэта, но в то же время они почти не касались его оригинального творчества¹. Между тем о значимости этого творчества говорит тот факт, что единственное опубликованное на русском языке (да и то в прозаическом переложении) произведение Фазильхана Шейда — «Ода для поднесения государю императору» (альманах «Подснежник» на 1830 год, стр. 49—53) — запомнилось русским читателям прошлого века.

Характерен в этом смысле следующий диалог из произведения известного русского писателя прошлого века А. Н. Апухтина (1840—1893) «Неоконченная повесть»: «Справедливо сказал известный персидский поэт Фазильхан в своей оде к покойному государю: «Твое решение есть решение судьбы всемогущей; повеления твои суть главы в книге предопределения».

¹ Следует отметить, что в тогдашней персидской и азербайджанской поэзии было несколько Фазильханов и несколько Шейда, что также затрудняет поиски.

1. Фазильхан Шейда

2. Рисунок А. С. Пушкина

Дольский протянул свои толстые ноги и лениво произнес: — Да, я знаю эту оду, в ней есть и такая строфа: «Не только мир тебе подвластен, но даже и Паскевич».

Обе эти цитаты слово в слово повторяют соответствующее место из вышеназванной оды Фазильхана Шейда. Таким образом, герои А. Н. Апухтина более чем полвека после публикации оды Фазильхана Шейда цитируют ее по памяти.

Эти и другие стороны творчества Фазильхана Шейда и должны привлечь внимание азербайджанских литературоведов. Отсутствие сколько-нибудь серьезных исследований об этом поэте и привело, на наш взгляд, к тому, что в современных комментариях к вышецитированным строкам, принадлежащим перу Р. А. Шацевой, читаем: «По-видимому, имеется в виду придворный певец кокандского правителя Умархана, поэт Фазли Намангани (1 пол. XIX в.), известный своими панегирическими сочинениями. По обычаю, пребывавшие в Петербург от среднеазиатских правителей посольства наряду с подарками преподносили царям и их наследникам стихотворное послание. Была ли напечатана ода Николаю I, о которой идет речь, сейчас трудно установить» (А. Н. Апухтин. Сочинения. М., 1985, стр. 533).

Как видно, Фазильхан Шейда, достаточно известный среди читателей конца XIX века, оказался забыт современным исследователем.

Мы склонны видеть в этом вину нашего литературоведения, оставившего вне поля своего зрения наследие Фазильхана Шейда.

Что же мы знаем о поэте Фазильхане Шейда?

Родился он в конце восемнадцатого столетия в столице Южного Азербайджана Тебризе. В нашем литературоведении принято считать, что Фазильхан Шейда родился в 1792 году (см., например, Л. А. Черейский, Пушкин и его окружение. Л., 1976, стр. 438), но эта дата появилась после чисто механического подсчета произведенного на основе указания востоковеда Н. В. Ханькова, что поэт умер в 1852 году шестидесяти лет от роду (Кавказ, 1852, № 19). В недавно обнаруженной в рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде автобиографии Фазильхана Шейда, датированной 1829 годом, поэт заявляет, что ему «тридцать один-тридцать

два года»¹. Иными словами, можно считать, что Фазильхан Шейда родился между 1797 и 1798 годами.

Настоящее имя будущего поэта было Молла Фатуллах Мамед Гусейн оглы. Имя Фазильхан и псевдоним Шейда (Влюбленный) были взяты им после отказа от духовной карьеры.

Можно предположить, что в середине 1820-х годов поэзия Фазильхана Шейда пользовалась определенной популярностью, чем, видимо, и мотивировалось то, что он стал учителем детей наследного принца Аббас-Мирзы, придворным поэтом одного из них — Хозрев-Мирзы и был включен в свиту последнего при его отправлении с особой миссией в Петербург по поводу трагических событий в Тегеране в 1829 году, во время которых было разгромлено русское посольство и убит А. С. Грибоедов.

Именно благодаря этому и произошла вышеупомянутая встреча Фазильхана Шейда с Пушкиным, направляющимся в Арзрум. Встреча эта, несомненно, запомнилась обоим поэтам. Характерно, что Пушкин отразил ее и в прозе («Путешествие в Арзрум»), и в поэзии (незаконченное стихотворение «Благословен и день и час...»), и в рисунке (об этом несколько позже).

В «Путешествии в Арзрум» читаем: «Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что он провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазил-Хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! **Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и проч.** Со стыдом принужден я был оставить важно-шутливый тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по его бараньей папахе и по крашеным ногтям» (т. 6, стр. 653—654).

В этом небольшом отрывке Пушкин дал удивитель-

¹ Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980, стр. 314. Публикация А. З. Розенфельда.

но емкую характеристику Фазильхану Шейда, охватив и внешний и внутренний мир 'своего нового знакомого.

Встреча эта, происшедшая неподалеку от поста Коби, где Пушкин ночевал 25 мая 1829 года, отразилась и в его поэзии.

На листе, условно обозначенном 1061 в тетради № 2382 над отметкой: «25 мая Коби» набросано следующее незаконченное стихотворение:

Благословен и день и час,
Когда в горах Кавказа
Судьба соединила нас.¹

Своеобразное продолжение этого отрывка датировано 27 мая 1829 года:

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на Север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы... имена.
Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след...
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах (т. 3, стр. 145).

Стихотворение это несомненно обращено к Фазильхану Шейда. Об этом свидетельствуют и благословение запомнившейся Пушкину встречи с ним, и обращение к адресату как к сотоварищу по поэзии, и упоминание имен Саади и Гафиза, и словосочетание «фантазия восточная».

Как видно, встреча с Фазильханом Шейдой, первым реальным восточным поэтом, встреченным по пути на Восток, особенно запомнилась Пушкину. Известно, что в процессе поэтического творчества Пушкин часто набрасывал рисунок того человека, о котором думал, «думал по самым разным поводам, с самыми разными чувствами»².

Набрасывая в своей тетради три начальные строки стихотворного обращения к Фазильхану Шейда и отмечая на листке время и место написания этих строк, Пушкин, естественно, думал о своем новом знакомом.

¹ См. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М. — Л., 1935, стр. 398.

² Т. Г. Цявловская. Рисунки Пушкина. М., 1983, стр. 132.

Можно предположить, что человек в бараньей папахе, изображенный в левом верхнем углу листка непосредственно под незаконченным стихотворным отрывком и есть Фазильхан Шейда. Во всяком случае определенное сходство между пушкинским рисунком и сравнительно недавно обнаруженным А. З. Розенфельдом¹ портретом Фазильхана Шейда имеется.

Что же касается Фазильхана Шейда, то и для него встреча с Пушкиным была безусловно памятной, тем более, что, как видно из вышеприведенного отрывка из «Путешествия в Арзрум», он был осведомлен о творчестве Пушкина.

Однако поскольку литературное наследие Фазильхана Шейда до нас дошло лишь в незначительной степени, то и его строчки о Пушкине, если они и были написаны, нам остаются неизвестными.

О последующей жизни Фазильхана Шейда мы знаем, что в Петербурге, где миссия пребывала с 4 августа по 18 октября 1829 года, он познакомился с плодовитым стихотворцем графом Д. И. Хвостовым, посвятившим ему стихотворения «Свидание русского поэта с персидским в Таврическом дворце августа 8 дня 1829 года» и «Фазильхану Шейда (по случаю воздухоплавания Робертсона, на котором автору случилось быть с персидским поэтом 1829 года августа 19 дня)»².

Видимо, при участии Д. И. Хвостова одно произведение Фазильхана Шейда — «Ода, сочиненная в Санкт-Петербурге Фазильханом Шейда, поэтом принца Хозрева Мирзы, для поднесения государю императору 1829 года» — было переведено на русский язык прозой и опубликовано в альманахе «Подснежник» на 1830 год» (стр. 49—53). В этой же оде автор просит русского подданства: «Хотя Фазиль не оказал еще тебе никакой услуги, но по великодушию своему прими его в число рабов твоих» (стр. 51—52).

Не получив ответа на эту просьбу, Фазильхан Шейда вернулся на родину, но после прихода к власти нового шаха, он в 1838 году бежал в Баку, а оттуда в Тифлис, в тогдашний центр Закавказского края. В Тиф-

¹ Средневский Восток. История. Культура. Источниковедение, стр. 313. Ср. приложения 1 и 2.

² Д. И. Хвостов Полное собрание стихотворений. СПб, 1830, т. 5, стр. 115—116 и 117—119.

лисе поэт преподает восточные (арабский и персидский) языки во вновь открытом мусульманском училище. Приняв в 1842 году русское подданство, он приступает к сотрудничеству с известным востоковедом того времени Н. В. Ханыковым, называвшим его своим «всегдашним и неутомимым сотрудником в археологических исследованиях» и высоко ценившим его способности («оказавшим мне важные услуги глубоким знанием своим арабского языка»)¹.

Последние годы жизни Фазильхана Шейда прошли в глубокой нищете и безысходной бедности. Поэт умер 1 марта 1852 года, оставив вдову и трех детей без средств к существованию. Автором единственного некролога о Фазильхане Шейда был все тот же Н. В. Ханыков, отметивший заслуги поэта перед Российским государством².

3. ПОЛКОВНИК ФАРАДЖУЛЛА-БЕК (ДАТЫ РОЖДЕНИЯ И СМЕРТИ НЕ УСТАНОВЛЕННЫ)

Среди азербайджанцев, участников русско-турецкой войны 1828—1829 годов, особенно выделялся Фараджулла-бек, один из офицеров, лично завербованных близким знакомым Пушкина, человеком декабристских взглядов генералом Н. Н. Раевским-младшим. Уроженец Карабаха, Фараджулла-бек служил в составленном из карабахцев первом конно-мусульманском иррегулярном полку и довольно быстро дослужился до чина полковника. Тот факт, что среди сотен участников арзрумского похода Пушкин выделил именно Фараджуллу-бека, нарисовав его портрет в альбом к Ек. Н. Ушаковой и собственноручно подписав его, конечно, не случаен.

Смелый и бесстрашный человек Фараджулла-бек выделялся в многонациональной по составу русской армии. Характерно, что именно он после побед русской армии в Лазистане был послан 1 августа 1829 года с известием об этом в Петербург, к самому Николаю I. В следующем, 1830 году, за отвагу и героизм полков-

¹ Газ. «Кавказ», 1850, от 26 июня.

² Газ. «Кавказ», 1852, № 19.

ник Фараджулла-бек Угурлу оглы был награжден орденом «Святой Анны», о чем сообщила первая русская газета на Кавказе «Тифлиссские ведомости», в номере от 10 апреля 1830 года.

Заметим, что Фараджулла-бек, принадлежал к известному в Карабахе роду. Его отец капитан Угурлубек Мехтигулу оглу лицо, известное в азербайджанской истории. В роду Фараджуллы-бека можно найти и военачальников, и поэтов, и общественных деятелей, некоторые из которых были близко знакомы с М. Ф. Ахундовым, А. Бакихановым, К. Закиром, И. Куткашенлы и другими известными людьми того времени.

Что же касается самого Фараджулла-бека, то его безупречная служба в русской армии продолжалась не один десяток лет. Человек высоких моральных качеств, блестящий офицер, он был выделен не только Пушкиным, но и тогдашним руководством кавказской армии, и на протяжении ряда лет занимал довольно почетный пост начальника Зангезурского округа.

4. ОФИЦЕР ФАРГАТ-БЕК (ДАТЫ РОЖДЕНИЯ И СМЕРТИ НЕ УСТАНОВЛЕННЫ)

Вторым воином-азербайджанцем, чей портрет запечатлел Пушкин в альбоме Ек. Н. Ушаковой с собственноручной надписью, был офицер первого конного мусульманского полка русской армии Фаргат-бек. В материалах о русско-турецкой войне 1829 года его имя упомянуто дважды: в письме начальника мусульманских провинций генерала И. Абхазова, адресованном генералу Н. Н. Раевскому-младшему, и в пушкинском стихотворении «Из Гафиза (Лагерь при Евфрате)», непосредственно к нему обращенном. Поскольку в вышеупомянутом письме имя Фаргат-бека только называется, следует тщательнее рассмотреть посвященное ему пушкинское стихотворение.

Стихотворение это в первопечатном варианте (альманах «Царское село» на 1830 год) содержало точное указание на дату и место создания: «5 июля 1829 года. Лагерь при Евфрате»; рукопись содержит иное название: «Шеер I. Фаргат-беку». Шеер (правильнее Шеир)

на азербайджанском языке означает стихотворение¹. Видимо, этим стихотворением Пушкин открывал оставшийся неосуществленным поэтический цикл об азербайджанских участниках арзрумского похода. Наличие различных названий и подзаголовков говорит о том, сколь большое значение этому стихотворению придавал Пушкин, подчеркивая, что оно написано в стиле восточной поэзии («Из Гафиза», «Шеер I»), создано непосредственно на Востоке («Лагерь при Евфрате», «5 июля 1829 года»), — ср. в «Путешествии в Арзрум»: «Арзрум славится своею водою. Евфрат течет в трех верстах от городах», (т. 6 стр. 693), обращено к конкретному азербайджанскому воину, участнику боевых событий («Фаргат-беку»).

Точное указание на время (5 июля 1829 года) и место (лагерь при Евфрате) действия лишний раз подчеркивает реальность его адресата Фаргат-бека, в котором Пушкин, видимо, нашел типические черты, характерные для азербайджанских воинов, участников арзрумского похода. Чертами этими, как показано в первых двух четверостишиях стихотворения являются жажды славы, красота, молодость, бесстрашие:

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встретит;
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей! (т. 3, стр. 119).

Что же касается заключительного четверостишия, то оно, на наш взгляд, представляет характерную для Пушкина попытку воссоздания восточного стиля. Как известно, заключительные строки произведений ориентальных поэтов, как правило, содержат своеобразную мораль-концовку, которой автор обращается к самому себе. Такого рода морали-концовки имеются во всех² стихотворениях кавказского цикла:

¹ Подробнее см. Шихали Курбанов. Пушкин и Азербайджан Баку, 1959, стр. 65—66.

² В стихотворении «Кавказ» также имелась подобная концовка-мораль, но она осталась в черновике:

Так буйную вольность законы теснят,
Так чуждые силы его тяготят...» (т. 3, стр. 465).
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...» (т. 3, стр. 465).

«Друзья! Не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой.
В блестящей зале, людной ложе
Или в кибитке кочевой» (т. 3, стр. 115 «Калмычке»);

«Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?...
Делибаш уже на пике,
А казак без головы». (т. 3, стр. 140. «Делибаш»);

«Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..» (т. 3, стр. 141).

«Монастырь на Казбеке»).

Такой же концовкой завершается и стихотворение «Из Гафиза»:

«Не боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!» (т. 3, стр. 119).

Заклучая подобными моральями-концовками свои кавказские стихотворения, Пушкин и совершал тот синтез элементов лирики Востока и Запада, о котором в последние годы писал ряд советских литературоведов (И. С. Брагинский, Н. М. Нельман, Л. М. Лобикова, Д. И. Белкин).

Бесстрашным красивым молодым человеком предстает со страниц пушкинского стихотворения Фаргат-бек. Сведений об этом уроженце Карабаха («с карабахскою толпою») до нас дошло немного. Из вышеназванного письма И. Абхазова известно, что он является «сыном Мелик-Аслана из Карабаха»¹.

Выходцы из Карабаха, из которых был сформулирован первый конный мусульманский полк, довольно успешно сражались в составе русской армии и часто поощрялись различными боевыми орденами и другими наградами. Храбрость, бесстрашие и военная сноровка азербайджанцев, и в частности карабахцев, были отме-

¹ В недавно опубликованной статье «Кто такие Фаргат-бек и Фараджулла-бек?» Бегляр Мамедов утверждает, что Фаргат-бек является сыном приближенного Ибрагимхалилхана Шахвердан-бека (газ. «Адабият вэ инджесенет» от 17 апреля 1987 г., стр. 3, на азербайджанском языке), не приведя сколько-нибудь серьезных доказательств и никак не опровергая свидетельство генерала И. Абхазова.

чены и Пушкиным: «Первые в преследовании были наши татарские (азербайджанские — А. Г.) полки, коих лошади отличаются быстротою и силою» (т. 6, стр. 681); «17 июня утром услышали вновь мы перестрелку и через два часа увидели карабахский полк возвращающимся с осмью турецкими знаменами» (т. 6, стр. 679).

На всем протяжении арзрумского похода Пушкин с неизменным вниманием присматривался к представителям тех кавказских народов, с которыми его сводила поездка. При этом великий, поэт (как это было показано в предыдущей главе) сосредотачивал свое внимание на наиболее характерных чертах тех или иных кавказских народов. Можно предположить, что свои впечатления от общения с воинами-азербайджанцами Пушкин и сосредоточил в вышеприведенном стихотворении, и Фаргат-бек, таким образом, оказался человеком настолько запоминающейся внешности и яркого характера, что сумел вызвать к жизни и блестящий образец его поэзии, и замечательный рисунок, исполненный уже по возвращении из Арзрума.

5. М. Ф. АХУНДОВ (1812—1878)

Творческое наследие Ахундова обширно и многогранно. Писатель и драматург, поэт и теоретик литературы, философ-материалист и языковед, он сыграл выдающуюся роль в развитии и родной литературы, и литератур-народов Ближнего Востока.

Впитав в себя богатые традиции многовековой азербайджанской литературы, обогатив себя глубоким знанием истории родного народа, Ахундов включил в круг своего творческого внимания и достижения мировой литературы, охватив обширный период от глубокой древности до современного себе периода. Это явилось благодатной почвой для быстрого и стремительного становления его творчества.

Особую роль в этом становлении сыграла прогрессивная русская литература. И это не случайно. Как писал Ф. Энгельс, «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... играет ци-

визиторскую роль для Черного и Каспийского морей»¹.

Это понимали передовые деятели кавказских литератур и в том числе Ахундов. Еще юношей, окончив духовное медресе в Гяндже и сдав испытания на знание моллы, он отказался от духовной карьеры и начал изучать русский язык в Нухинском училище. С 1834 года Ахундов в Тифлисе занимает должность переводчика с восточных языков в канцелярии главнокомандующего гражданской части.

Именно в это время, с середины 1830-х годов, и совершает будущий основоположник азербайджанского реализма свои первые шаги в литературе. Напомним, что одновременно это был и начальный период литературно-критической деятельности В. Г. Белинского, дебютировавшего в изданиях Н. И. Надеждина — журнале «Телескоп» и газете «Молва» статьями «Литературные мечтания» (1834), «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835), «Ничто и ни о чем, или отчет г. Издателю «Телескопа» за последнее полугодие русской литературы» (1835). Эти статьи закладывали основы русской реалистической критики, своеобразно предвзято знаменитые будущие ежегодные обзоры Белинского современной себе русской литературы. В «Литературных мечтаниях» критик дал глубочайший обзор многовековой истории отечественной литературы вплоть до текущего ее состояния, выделив при этом творческие заслуги из писателей прошлого М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина и Г. Р. Державина, а из современных — А. С. Пушкина.

Статья «О русской повести...» содержала важное и необходимое для того времени разграничение поэзии на «идеальную» и «реальную» с подчеркиванием значительности последней. Статья «Ничто и ни о чем...» представляла собой критику тогдашней реакционной литературы. Кроме того, именно этими тремя статьями начал критик свою многолетнюю борьбу против эпического романтизма и впервые провозгласил Н. В. Гоголя «Главою русской литературы».

Особый эффект произвели «Литературные мечтания» с их дерзновенным и неожиданным заявлением: «У нас нет литературы...»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. М., 1962, т. XXVII, стр. 241. Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу от 23 мая 1851 года.

Как писал в своих «Литературных и житейских воспоминаниях» И. С. Тургенев, «вскоре после появления его первых критических статей в «Молве» и «Телескопе» в Петербурге начали ходить слухи о нем как о человеке весьма бойком, горячем, который ни перед чем не отступал и нападал на «все» — на все в литературном мире, конечно»¹.

Эта «ни перед чем не отступающая» критика завоевывала себе все больше почитателей. По признанию того же И. С. Тургенева, «в кругу приятелей я с большей еще резкостью отзывался о самом Белинском и об его статье... но в глубине души что-то продолжало шептать мне, что он был прав...»

Так постепенно критика Белинского находила себе все новых почитателей, принося ему громкую известность и широкую читательскую популярность. Отзвуки этой известности докатились и до Кавказа, заинтересовав молодого Ахундова. Ознакомившись с «Литературными мечтаниями», он сделал свой выбор в пользу реализма. Более того, когда в январе 1837 года трагически оборвалась жизнь гения русской литературы А. С. Пушкина, Ахундов в своей знаменитой «Восточной поэме на смерть Пушкина», характеризуя допушкинскую литературу, основывался на основных положениях «Литературных мечтаний» Белинского.

Как было отмечено выше, Белинский в этой статье, анализируя историю русской литературы, выделил трех писателей прошлого — Ломоносова, Державина и Карамзина. Именно их троих называет в качестве предшественников Пушкина Ахундов. Совпадают у обоих авторов и характеристики этих деятелей русской литературы. Так, о Ломоносове в «Литературных мечтаниях» читаем: «Ломоносов — это Петр нашей литературы; вот, кажется мне, самый верный взгляд на него... Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему, а писатели только творят на немсообразно с теми законами. И в сем последнем случае нельзя довольно надивиться гению Ломоносова: у него есть строфы и целые стихотворения, которые по частоте и правильности языка весьма приближаются к нынешнему времени... он был великий поэт» (т. 1, стр. 30, 31).

¹ И. С. Тургенев. Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1956, т. 10, стр. 274.

Как видно, в обширной деятельности ученого-энциклопедиста Ломоносова великий критик выделяет его поэтическую деятельность. Эта же сторона его творчества высвечена точным и лаконичным стихом Ахундова:

«Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в ней господствует один».¹

Столь же высоко отозвался автор «Литературных мечтаний» и о деятельности Державина: «Державин — какое имя!... Дивное явление! Бедный дворянин, почти безграмотный, дитя по своим понятиям, неразгаданная загадка для самого себя; откуда получил он этот вещий, пророческий глагол, потрясающий сердца и восторгающий души, этот глубокий и обширный взгляд, охватывающий природу во всей ее бесконечности... Невозможно исчислить неисчислимых красот созданий Державина. Они разнообразны, как русская природа, но все отличаются одним общим колоритом: во всех них воображение преобладает над чувством и все представляется в преувеличенных, гиперболических размерах» (т. 1, стр. 34, 36).

Эти замечания сопоставимы с соответствующим местом ахундовской поэмы:

«Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней державный властелин» (стр. 19).

Следующим писателем, выделенным Белинским, оказался Карамзин:

«Карамзин отметил своим именем эпоху в нашей словесности; его влияние на современников было так велико и сильно, что целый период нашей литературы от девяностых до двадцатых годов по справедливости называется периодом **Карамзинским**. Одно уже это достаточно доказывает, что Карамзин, по своему образованию, целою головою превышал своих современников. За ним еще и по сию пору, хотя не твердо и не определенно, кроме имени историка, остаются имена писателя, поэта, художника и стихотворца» (т. 1, стр. 42).

Характерно, что и в ахундовской характеристике подчеркнута именно образованность Карамзина:

¹ М. Ф. Ахундов. Избранное. М., 1956, стр. 19. Перевод Павла Антокольского.

«Он (А. С. Пушкин — А. Г.) смело осушал тот драгоценный кубок, Что наполнял вином познания Карамзин» (стр. 19).

Не трудно заметить, что, характеризуя Ломоносова, Державина и Карамзина, Ахундов сопоставляет их деятельность с дворческими достижениями Пушкина, что дает возможность четко подчеркнуть новаторский и преобразовательский характер последнего.

В этом смысле Ахундов идет дальше Белинского, который при жизни Пушкина говорит о пушкинском периоде как о явлении прошедшем:

«За Карамзинским периодом нашей словесности последовал период Пушкинский, продолжавшийся почти ровно десять лет. Говорю Пушкинский, ибо кто не согласится, что Пушкин был главою этого десятилетия, что все тогда шло от него и к нему?... Чрезмерное влияние Пушкина происходило оттого, что, в отношении к России, он был сыном своего времени в полном смысле сего слова, что он шел наравне с своим отечеством, был представителем развития его умственной жизни; следовательно, его владычество было законно» (т. 1, стр. 52, 53).

Напомним, что в дальнейшем Белинский в знаменитых «Сочинениях Александра Пушкина», включающих одиннадцать статей, дал более развернутую и четкую характеристику творчества Пушкина, но этот цикл был написан в 1843—46 годах.

Создавая свою «Восточную поэму», Ахундов, ориентирувавшийся на Белинского, мог знать его пушкинскую концепцию только по «Литературным мечтаниям». Важно поэтому отметить, что, солидаризируясь с данными Белинским характеристиками деятельности предшественников Пушкина, Ахундов, не соглашаясь с его несколько односторонней оценкой значения творчества последнего, более четко и развернуто характеризует ее:

Ты помнишь Пушкина, забывчивый! Ты слышал,
Что Пушкин всех певцов, всех мастеров глава.

Ты помнишь Пушкина, о чьих могучих строфах
Из края в край неслась стоустая молва.

Ты помнишь Пушкина. Как жаждала бумага,
Чтоб он чертил на ней крылатые слова!

Сверкающий узор той речи переливной
Изменчив, словно крыл павлиньих синева...

Пусть Николай царит от Волги до Китая,
Но покорил весь мир лишь Пушкин-исполин (стр. 19).

Успех «Восточной поэмы», которая наряду с лермонтовским стихотворением «Смерть поэта» была признана лучшим поэтическим откликом на смерть Пушкина, принес Ахундову известность.

Еще при жизни автора русские переводы этого произведения были опубликованы на страницах журналов «Московский наблюдатель» (1837, кн. 11) и «Русская старина» (1874, сентябрь).

С другой стороны, именно после «Восточной поэмы» Ахундов становится последовательным пропагандистом реализма, прокладывая новые пути отечественной литературе. Закономерным результатом этого явились шесть его комедий, написанных с 1850 по 1856 год и тогда же переведенных на русский язык и поставленных на сцене. Эти комедии — «Повесть о Молле Ибрагим-Халиле, алхимике», «Повесть о мусье Жордане...», «Повесть о медведе, победителе разбойника», «Приключения везира Ленкоранского ханства», «Приключения скряги», «Правозаступники в Тавризе» — отличаются правдивостью содержания, жизненностью образной системы, реалистичностью языка. Повествуя об азербайджанской действительности первой половины прошлого столетия, они беспощадно и резко обличают жадность, скупость, жестокость, лицемерие, ханжество, плутовство, обман, корысть, характерные для общества, судопроизводства и духовенства того времени. Закладывая основы новой драматургии, они вместе с прозаическими «Обманутыми звездами» явились первенцами и одновременно высшим достижением азербайджанского реализма, сыграв выдающуюся роль в преодолении национальной литературой существенного отставания. Вызванные к жизни авторским стремлением приближения родного народа к цивилизованному миру, названные произведения выполнили эту почетную миссию.

Выбор Ахундовым жанра комедии не был случайным: он придавал особое значение драматическому роду в современной себе литературе. Характерна в этом смысле следующая мысль, изложенная Ахундовым в одном из писем: «Прошла эпоха «Гюлистана»... В настоящее время подобные произведения не принесут пользы народу. Теперь полезными, отвечающими вкусу

читателя и интересам нации произведениями являются драма и роман».

Руководствуясь этим, Ахундов и обратился к жанру комедии. Его комедии поражают четкостью и конкретностью раскрытия доминирующей в них идеи.

Так, в первых по времени создания комедиях — «Повесть о Молле Ибрагим-Халиле, алхимике» и «Повесть о мусье Жордане, ученом ботанике, и деревне Мастали-Шахе» — Ахундов резко обличает алхимиков, знахарей, служителей культа, которые в корыстных целях используют невежество, отсталость и суеверие простого люда.

Особой остроты бичующий смех Ахундова достигает в комедии «Приключение скряги», направленной против «темного царства» торговцев-ростовщиков.

В образе главного персонажа комедии Гаджи Кара сосредоточены типические черты скупого, характерные для соответствующих, ставших классическими, героев Шекспира, Мольера, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, но вместе с тем это чисто национальный характер, само имя которого сразу же после публикации произведения стало нарицательным в Азербайджане.

Создавая новую национальную литературу, Ахундов не забывал и о ее лучших образцах прошлого. Характерен в этом смысле тот факт, что, приняв участие в выпущенном на русском языке альманахе «Зурна» (Тифлис, 1855), включавшем произведение кавказских писателей, Ахундов поместил на его страницах не свое оригинальное произведение, а выполненный им перевод стихотворения крупнейшего азербайджанского поэта XVIII века Молла-Панаха Вагифа «Идеал красавицы по восточным понятиям». Выбор Ахундова не был случайным: исконно народная и по форме, и по содержанию поэзия Вагифа была созвучна его собственным стремлениям к сближению литературного языка с народным. Выход альманаха «Зурна» был доброжелательно встречен Н. Г. Чернышевским, считавшим, что «все, что они (кавказские литераторы — А. Г.) ни напишут, заслуживает полного участия и одобрения, как зародыш и залог более удовлетворительного развития тифлисской литературы в будущем»¹.

Передовой человек своего времени Ахундов не огра-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., М., 1948, т. 2, стр. 144.

ничил свою деятельность художественными произведениями. Новаторский характер его творческих поисков проявился и в разработке нового алфавита, более отвечающего нормам родного языка (конец 1850-х—60-е годы), и в основных положениях его антирелигиозного философского труда «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джалал-уд-Довле и ответ сего последнего», написанного в шестидесятые годы, которому автор придавал особое значение в борьбе против мракобесия и фанатизма, а потому до последних дней жизни боролся за его публикацию на разных языках.

Начатая в середине тридцатых годов прошлого века творческая деятельность Ахундова продолжалась до последних дней его жизни, до конца семидесятых. Это были годы упорных и постоянных творческих исканий, в результате которых были продолжены новые пути развития прозы, поэзии и драматургии Азербайджана, заложено начало национальной философской и эстетической мысли.

В трудных условиях довелось творить основоположнику азербайджанского реализма. Его жизненный и творческий путь охватил и мрачное тридцатилетие — эпоху царствования Николая I, и характеризующиеся реакционным внутривосточным курсом годы правления Александра II.

Только вера в счастливое будущее родного народа помогла Ахундову довести до конца свои разносторонние творческие поиски, открыть новую, яркую страницу в многовековой истории отечественной литературы.

Глава III

ОРИЕНТАЛИЗМ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС

В истории мировой литературы трудно найти писателя, чей авторитет и среди современников, и среди потомков был столь высок, как у Пушкина. Его признавали своим предтечей романтики и реалисты, представители «чистого искусства» и символисты, имажинисты и представители пролетарской литературы.

Критики самых различных литературных направлений, порой враждебных и антагонистических, неизменно высоко оценивали пушкинское наследие (знаменитая антипушкинская статья Д. И. Писарева «Белинский и Пушкин» (1865), вызванная к жизни конкретной историко-литературной ситуацией, является тем исключением, которое подтверждает правило).

Благодатное влияние пушкинских традиций четко ощутимо в жанрово-тематических исканиях разных поколений русских писателей. Не был в этом смысле исключением и ориентализм пушкинской эпохи, о традициях которого в творчестве как современников великого поэта, так и представителей последующих поколений русских писателей и пойдет речь в настоящей главе.

1. ТРАДИЦИИ ДВУХ «ЮЖНЫХ» ПОЭМ В РУССКОМ РОМАНТИЗМЕ

Цикл романтических «южных» поэм был начат Пушкиным в начале 1820-х годов. В известной степени отправным моментом в создании этих произведений оказалось творчество английского поэта-романтика Дж. Г. Байрона, создателя знаменитого цикла «восточных» поэм. Первая ссылка, которую принято называть «южной», дала возможность А. С. Пушкину посетить некоторые окраины России, сопредельные с восточными странами Турцией и Ираном, результатом чего и явились так называемые «южные» поэмы — «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы».

Хронологически первым Пушкин посетил кавказский край, и поэтому цикл открывается поэмой именно об этой окраине России — «Кавказским пленником» (1820—1821). И хотя эта первая поэма во многом уступает более поздним и совершенным «Бахчисарайскому фонтану» и «Цыганам», но ее роль в истории русской литературы оказалась гораздо значительней. Достаточно напомнить о многочисленных подражаниях «Кавказскому пленнику», появлявшихся в русской литературе на протяжении всей первой половины прошлого столетия, в которых в той или иной форме обыгрывалась сюжетная основа поэмы. При этом следует отметить, что авторов подавляющего большинства новоявленных произведений о пленниках в основном интересовали не этнографические и краеведческие материалы, а интересовал новый романтический герой — Пленник, европеец, волей судьбы и случая оказавшийся вдали от соплеменников в различных уголках восточных окраин, и в центре их внимания оказывались именно описания чувств и переживаний героя, а не места действия.

Характерно, что и второй центральный герой пушкинской поэмы — Черкешенка — в произведениях эпигонов «Кавказского пленника» утрачивает национальную принадлежность, оказываясь в то же время во многом слепленной с пушкинской героини. Известно, что Пушкин к моменту создания «Кавказского пленника» полностью еще не освоил ориентальный мир, увидев лишь поблекший, европеизированный Восток, и потому, видимо, и героиня его безмянна, и портрет ее только очерчен.

Рассмотрим два наиболее полные описания героини, данные в поэме автором и Пленником:

«Очнулся русский. Перед ним
С приветом нежным и немым
Стоит Черкшенка младая»

(т. 4, стр. 110);

«Другого юношу зови...
Он будет верен, он оценит
Твою красу, твой милый взгляд,
И жар младенческих лобзаний,
И нежность пламенных речей»

(т. 4, стр. 120).

В обоих описаниях неопределенность образа очевидна. Примечательно, что подобная неопределенная героиня становится фигурой, кочующей из одной поэмы эпигонов Пушкина в другую:

«Свежа, как цвет равнины юга,
Мила, как радостный привет,
Приветлива, как взоры друга»¹.

«Прелестной девы взор простой
Блестел невинностью святою,
Уста красавицы младой
Дышали райской чистотою»²;

«Пред ним покоилась она
В сон сладостный погружена...
Уста горят огнем небесным,
И кольца черные кудрей
Струятся по плечам прелестным»³;

«На ней, как облако, вуаль
Во мраке зыблет ветерок:
Из белых роз на ней венки
Не смеет спорить с белизной
Ее высокого чела»⁴.

Однако даже без конкретного описания пушкинская Черкшенка стала традиционным синонимом восточной красоты в русской поэзии, и это слово, означающее национальную принадлежность, стало неким символом женского совершенства. Не случаен тот факт, что знаковый Пушкина, поэт Ф. И. Туманский, в одном из сво-

¹ П. Иноземцев. Ссылный. Харьков, 1833, стр. 27.

² Николай Волиад (Данилов). Огин, СПб, 1830, стр. 54.

³ В. Яковлев. Мщение черкеса. СПб, 1835, стр. 6—7.

⁴ В. Лизогоб Зюлейка. М., 1845, стр. 24.

их стихотворений сравнивает понравившуюся ему девушку — однофамилицу великого поэта — С. Ф. Пушкину — с Черкешенкой:

«Она черкшенка собою, —
Горит агат в ее очах,
И кудри черные волною
На белых лоснятся плечах.
Любезна в ласковых приветах,
Она пленяет простотой,
И живостью в своих ответах
И милой резвой остротой.
В чертах лица ее восточных
Нет красоты — видна душа
Сквозь пламень взоров неспорочных
Она как радость хороша»¹.

Напомним, что во второй половине 20-х годов этой своей однофамилицей был увлечен и сам Пушкин, и поэтому особенно интересен его поэтический ответ на это стихотворение («Ответ Ф. Т.***»), датированный 1826-м годом, где поэт, которого уже не устраивало подобное неопределенное описание красоты, вносит уточнения в портрет, созданный Ф. Туманским:

«Нет, не черкшенка она, —
Но в доли Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.
Нет, не агат в глазах у ней, —
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока»

(т. 2, стр. 343).

О традиционности романтического представления красоты черкешенок свидетельствуют и соответствующие места из произведений других русских поэтов, обращавшихся к теме Востока. Так, в поэме «Эрпели» (1830) А. Полежаев, описывая отношение русской светской молодежи к Кавказу, писал:

«Не восхищался ли, как прежде,
Одним названием Кавказ?
Не дал ли крылышек надежде
За чертовщиною лететь,

¹ К. И. Тюнькин. Нет, не черкшенка она... — альманах «Прометей», т. 10, М., 1974, стр. 180.

Как то: Черкешенок смотреть,
Плеляться день и ночь горами
О коих с многими глупцами
По географии я знал,
Эльбрусом, борзыми конями,
Которых Пушкин описал...»¹

Характерна также реплика Печорина из лермонтовского «Героя нашего времени», заявившего при виде некрасивых женщин на черкесской свадьбе: «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках»².

Из «Кавказского пленника» русские читатели впервые могли почерпнуть сведения о кавказском крае (как части русского Востока), его природе и людях. Видное место в поэме занимают описания природы Кавказа, о популярности которых у читательской публики писал еще сам Пушкин в статье «Опровержение на критики» (1830): «Кавказский пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам» (т. 7, стр. 170. Подчеркнуто мной — А. Г.).

Еще более сильное впечатление на современников поэта произвели и картины жизни и быта местных народов, которые сам он считал «лучшей частью» своего произведения: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают лучшую часть моей повести» (т. 10, стр. 50). В этих привлекающих внимание точностью и конкретностью деталей картинах подробно показаны быт, нравы, обычаи народов Востока, переданы их песни и обряды, описаны их одежда, оружие, времяпрепровождение. Отметив, что «европейца все вниманье народ сей чудный привлекал», поэт подчеркивает, что Пленник «наблюдал» такие черты характера местных жителей, как мужество, отвага, трудолюбие, свободолюбие, гостеприимство. Эта авторитетная для тогдашних читателей пушкинская характеристика создавала в их сознании принципиально новый тип восточного человека, отличный от трафаретных кровожадных туземных образов. Пушкин-романтик шел гораздо дальше своих коллег по творче-

¹ А. И. Полежаев. Сочинения. М., 1955, стр. 249—250.

² М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений. В 4-х тт. М., 1948, т. 4, стр. 14—15. Не случайно герой другого лермонтовского произведения — рассказа «Кавказец», одно время мечтал о плененной Черкешенке (т. 4, стр. 162).

скому методу, и поэтому при очевидности романтического метода отображения Востока его поэмы удивительно жизненны и отдельные их сцены могут быть названы преддверием реализма, хотя и достаточно отдаленным.

В нашем литературоведении давно установлено определенное сходство «Кавказского пленника» с поэмой Дж. Г. Байрона «Корсар», касающееся не только основной сюжетной линии (европеец попадает в мусульманский край, и в него влюбляется прекрасная дочь Востока), но и обрисовки персонажей и даже некоторых сцен и ситуаций.

При очевидности этих совпадений следует все же отметить полную самостоятельность пушкинского изображения Востока. Например, только собственные наблюдения могли вызвать к жизни следующее поэтическое описание восточного праздничного обряда:

«Бывало, в светлый Баиран
Сберутся юноши толпою;
Игра сменяется игрою:
То полный разобрав колчан,
Они крылатыми стрелами
Пронзают в облаках орлов;
То с высоты крутых холмов
Нетерпеливыми рядами,
При данном знаке, вдруг падут...»

(т. 4, стр. 117).

Подобные картины и подсказали В. Г. Беллинскому тот примечательный вывод о «Кавказском пленнике», к которому он пришел в одиннадцатой статье «Сочинений Александра Пушкина»: «Истинным героем ее был не столько пленник, сколько Кавказ; история пленника была только рамкою для описания Кавказа»¹.

Вторым этапным произведением в развитии восточной темы в русской романтической литературе стала следующая пушкинская ориентальная поэма — «Бахчисарайский фонтан» (1821—23). Крым, который был вторым после Кавказа остановочным пунктом маршрута поездки Пушкина, ко времени посещения его поэтом (1820) во многом оставался цитаделью Востока. Не случайно именно в Крыму создавали свои восточные произведения И. М. Муравьев-Апостол, И. Козлов, А. Мицкевич и многие другие. Здесь перед Пушкиным

¹ В. Г. Беллинский. Полное собрание сочинений. В 13-ти тт. М., 1959, т. 7, стр. 548.

Восток открылся во всей своей красе, соответственно и в «Бахчисарайском фонтане», как писал еще В. Г. Белинский: «Лучшая сторона поэмы это описания, или, лучше сказать, живые картины мухаммеданского Крыма... Они непобедимо очаровывают краткою и роскошною поэзиею, которой запечатлена соблазнительно прекрасная природа Таврии: краски нашего поэта всегда верны местности...»¹ Пушкинское обращение к Востоку в «Бахчисарайском фонтане» предварило разработку поэтики русского романтизма, начатую П. А. Вяземским именно в предисловии к этой поэме под названием «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова»: «Она (народность — А. Г.) не в правилах, но в чувствах. Отпечаток народности, местности — вот что составляет, может быть, главное существование древних и утверждает их право на внимание потомства»².

Эти «отпечатки народности», «местности» особенно сильны в «Бахчисарайском фонтане», чем и объясняется большой успех поэмы у читателей и наличие ее традиций в русской романтической литературе. Это был шаг вперед в постижении Востока. Если в первой поэме главных героев — Пленника и Черкешенки — подробно из двух раскрыт только первый — европеец, а вторая — представительница Востока — лишь вскользь обрисована, то в «Бахчисарайском фонтане», наоборот, из трех главных героев — европейки Марии и азиатов Заремы и Гирея — внимание автора преимущественно обращено к двум последним, восточным людям: это касается и внешней характеристики этих героев, и описания их духовного мира.

Так, отдавая дань традиции, установленной собственным «Кавказским пленником», автор вводит в «Бахчисарайский фонтан» образ «девы гор» — грузинки Заремы, описание которой, более детализированное и очерченное, чем это имело место в первой поэме, также в различных вариациях будет повторено в произведениях многочисленных эпигонов:

«Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 381.

² Русская критика XVIII—XIX вв. Хрестоматия (составитель В. И. Кулешов). М., 1978, стр. 80.

Яснее дня, чернее ночи.
Чей голос выразит сильнее
Порывы пламенных желаний?
Чей страстный поцелуй живей
Твоих язвительных лобзаний?»

(т. 4, стр. 181—182).

Зарема — значительно более углубленное трактование образа восточной девы, чем Черкешенка. Дело, конечно, не только в том, что героиня «Кавказского пленника» безмянна, но и в том, что, в отличие от Черкешенки, безропотно смиряющейся с любовью Пленника к другой и даже помогающей ему вернуться к ней, Зарема борется за свою любовь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами. В этом смысле активность Заремы противопоставлена не только Марии, но и в гораздо большей степени Черкешенке. Пробравшись глубокой ночью к Марии, уговаривая ее «оставить Гирея», Зарема одновременно угрожает ей кинжалом. Подобное поведение героини более подходит к особенностям темперамента и психологии восточной женщины, скованной мусульманскими традициями в четырех стенах гарема или родного дома. Характерно, что, несмотря на наличие большого количества подражаний «Бахчисарайскому фонтану», мотив страстной, всепоглощающей любви пленницы гарема к своему господину в них не повторяется. Видимо, эпигоны Пушкина не могли ничего извлечь из этого отвлечения сюжетного остова «Бахчисарайского фонтана», а избирая местом действия своих произведений гарем, ограничивались описанием трагедии неразделенной любви обитательницы гарема к его владельцу.

Еще более колоритна фигура другого ориентального героя поэмы — крымского хана Гирея — одного из первых образов восточного мужчины в русской литературе. С первых же строк автор знакомит читателей с этим восточным деспотом, «бичом народов». Этот герой, на наш взгляд, появился во второй поэме Пушкина не случайно: известно, что предшествовавший ей «Кавказский пленник» вызвал к жизни огромное количество произведений со схожим сюжетом, воспевающим «дев гор». Образ Гирея, видимо, был задуман для противопоставления этим традиционным образам яркого представителя восточного деспотизма и варварства. Не случайно именно с описания Гирея и начинается поэма:

«Гирей сидел, потупя взор,
Янтарь в устах его дымился,
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Все было тихо во дворе;
Благоговей, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.
Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, идут вон» (т. 4, стр. 177).

Эти строки пользовались огромной популярностью у русских читателей на протяжении целого ряда десятилетий. По свидетельству А. И. Герцена, многие военные, застав своих друзей или знакомых курящими, всякий раз произносили «Янтарь в устах его дымился»¹. Наряду с подобным читательским восприятием эти строки не раз подвергались поэтической интерпретации со стороны самых различных поэтов. Любопытно, что первую такую интерпретацию создал автор упомянутого выше предисловия к пушкинской поэме П. Вяземский в своем произведении «Визирь Гасан (сказка)», датированном 1823 годом:

«В киоске пышной, золотой,
Под шумом резвого, блестящего фонтана,
Дремал визирь Гасан, любимец, друг султана,
К подушке бархатной склоняся головой.
Послушные рабы вокруг него стояли,
И робкое в груди дыханье притаив,
Свой взор на сонного Гасана устремив,
Покой и тишину в местах сих охраняли»².

Другой пример, в очерке «Взгляд на семейный быт башкирца» забытого сегодня писателя В. Зефирова, читаем:

«Абдул сидел, потупя взор,
Мосол во рту его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вокруг Абдула нашего теснился»³.

¹ А. И. Герцен. Былое и думы. Собрание сочинений. В 30-ти тт. М., 1956, т. 8, стр. 228.

² П. А. Вяземский. Избранные сочинения. М.—Л., 1935, стр. 168.

³ Газ. «Оренбургские губернские ведомости», 1851, № 3.

Нескладность последней строки объясняется тем, что автор-очеркист не обладал поэтическим талантом, а, видоизменяя пушкинскую строку, хотел, чтобы читатели точнее представили его героя.

Более интересна поэтическая интерпретация цитированных пушкинских строк в поэме русскоязычного бакинского поэта Р. М. Амирова «Слезы царицы (восточное предание)», хотя и созданной в начале нашего века, но тем не менее безусловно восходящей к «Бахчисарайскому фонтану»:

«Нахмурив взор, поджавши ноги,
В палатке Узун-хан сидел;
Рабы теснились на пороге,
Но он на них и не глядел.
Ничто не утешало хана:
Ни сень развесистых садов,
Ни влага дивного фонтана,
Ни нежный аромат плодов,
Ни знаменитые победы,
Ни страх пред ним его врагов,
И даже щедрые обеды
Среди любовниц и певцов»¹.

Таким образом, пушкинские ориентальные сцены воспринимались русскими писателями-романтиками как чисто восточный материал и творчески использовались ими для создания схожих сцен. Это, конечно, не случайно. Пушкин еще будучи романтиком во многом постиг дух Востока, что ярко отразилось в его произведениях. Постигая этого он добивался двумя путями — непосредственным ознакомлением с этим краем и чтением ориентальных произведений западноевропейских писателей и образцов восточной поэзии. Эти произведения также глубоко осмысливались Пушкиным, использовавшим их в творческих целях.

В «Бахчисарайском фонтане», так же, как и в «Кавказском пленнике», поэт не ограничивается только показом любовной интриги: здесь описана жизнь «простых татар», даны некоторые пейзажные зарисовки. Правда, эти описания не занимают много места, но в них ощущается глубокое постижение Востока:

«Настала ночь; покрылись тенью
Тавриды сладостной поля;

¹ Р. М. Амиров. Слезы царицы (Восточное предание). Баку, 1908, стр. 1.

Вдали, под тихой лавров сенью
Я слышу пенье соловья;
За хором звезд луна восходит;
Она с безоблачных небес
На доли, на холмы, на лес
Сиянье томное наводит
Покрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая,
Из дома в дом, одна к другой,
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги»

(т. 4, стр. 185).

Такого рода восприятие восточного гарема весьма характерно для русских романтиков. Некто Н. Ск...н противопоставил даже гарем поэзии выдающихся поэтов Востока: «Непроницаемая таинственность гарема, конечно, много придает ему красок в глазах посторонних..., не отнять прелестей, которые существуют не в одних поэтических изданиях Фердуси, Саади или Гафиза»¹.

Хотя в поэмах и стихотворениях последователей Пушкина подобные пейзажные и бытовые картины встречаются чрезвычайно редко, так как их авторы концентрируют свое внимание исключительно на любовном конфликте (главным образом, европейца и восточной красавицы, то есть восходящем к «Кавказскому пленнику»), но, конечно, и пейзажные и бытовые картины пушкинских поэм не прошли незамеченными: отголоски их ощутимы в небольших стихотворных зарисовках, прозаических повестях и очерках, созданных русскими романтиками под влиянием пушкинских поэм. Так две пушкинские «южные» поэмы — «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан» — способствовали идейно-образному обогащению русского романтизма.

2. ОРИЕНТАЛЬНЫЕ РИФМЫ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ

Пушкинская эпоха выдвинула новый, отличный от поэзии предшествующих лет подход к рифме. Тон в этом задавал сам Пушкин, тщательно работавший над рифмой своих стихов. «Рифма, звучная подруга», —

¹ Н. Ск...н. Второй вечер на биваке. — Журн. «Сын Отечества», 1839, т. 9, стр. 32.

так нежно и дружески обращался он к ней в своих стихах. Бесценные сокровища — пушкинские рукописи, хранящиеся в Пушкинском Доме в Ленинграде, — показывают сколь тщателен и многогранен был поиск той или иной рифмы.

Знакомясь с творчеством неизвестного ему ранее поэта, Пушкин с особым вниманием рассматривал именно его рифмы. Так, поблагодарив начинающего поэта Владимира Бенедиктова за присланную ему книгу «Стихотворений» 1835 года издания, Пушкин отметил, что у него «удивительные рифмы — ни у кого нет таких рифм». И в этом, и в других случаях речь не шла о простой оригинальности: рифма, по мысли Пушкина, должна таить мысль, должна быть нешаблонной, необезличенной. Не случаен тот факт, что в своем любимом детище, в «энциклопедии русской жизни», романе в стихах «Евгений Онегин» (1823—30) великий поэт в двух местах сыронизировал по поводу подобных рифм:

«И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
Читатель ждет уж рифмы, розы,
На, вот возьми се скорей»

(т. 5, стр. 93);

«Мечты, мечты! Где ваша сладость?
Где вечная к ней рифма младость?»

(т. 5, стр. 138).

И действительно, «морозы — розы», «младость — сладость», а также некоторые другие, набившие оскомину рифмы весьма часто встречаются в русской любовной лирике 20—30-х годов, причем почти у всех ее представителей.

Так, рифму «сладость — младость» (с вариантом «радость») в своих произведениях использовали и сам Пушкин (в раннем творчестве), а также М. Дмитриев, В. Туманский, Д. Ознобишин, В. Коншин, Н. Кукольник, П. Катенин, В. Тепляков, А. Муравьев, С. Шевырев, К. Масальский, М. Лермонтов, В. Кюхельбекер, И. Иванов, Н. Волинад (Данилов), П. Вяземский, Е. Баратынский, А. Дельвиг, И. Козлов, Д. Веневитинов, Ф. Тютчев, А. Подолинский и другие.

С другой стороны, рифму «морозы — розы» можно

встретить у таких поэтов, как В. Туманский, В. Тепляков, С. Шевырев, Е. Бернет, И. Дмитриев, М. Дмитриев, П. Катенин, А. Полежаев и другие, а также у раннего Пушкина:

С обращением Пушкина к восточной теме в его лирику приходят новые понятия, символы и слова, в определенной степени способствующие обогащению стиха вообще и рифмы в частности. Так, с начала 1820-х годов в русскую лирику вошла традиционная восточная символика любви — образы соловья и розы, ставшие особо популярными в 30-е гг. Слова «соловей» и «роза» становятся общеупотребительными в русской поэзии. И хотя слово «роза», как показано выше, имело в русской поэзии свою традиционную рифму — «мороза», но в эти годы у этого слова появляется новая рифма, более подходящая для описания трагедии любви — «слеза». «Розы» — «слезы» — эту рифму можно встретить не только у Пушкина, но и у Ф. Глинки, Д. Ознобишина, И. Бороздны, С. Конфетина, В. Туманского, П. Катенина, М. Дмитриева, Г. Данилевского, Ф. Тютчева и других.

Освоение романтизмом пушкинской эпохи темы Востока ввело в лексику поэтических произведений ряд понятий с ориентальной орнаментовкой, например, «Восток», «пророк», «гарем», «Кавказ» и другие.

Со временем перечисленные слова также становятся неизменными атрибутами русской поэзии, постоянно встречаясь в произведениях самых различных поэтов. Столь частое их употребление предопределило поиск соответствующих рифм. Это был процесс долгий и сложный, о чем красноречиво свидетельствует поиск соответствующей рифмы особенно часто встречающемуся в тогдашних стихотворениях слову «Восток», обозначающему географическое понятие, ориентальный мир. Русские поэты часто употребляя это слово, сопровождали его различными словами — рифмами:

«Восток» — «поток» (М. Дмитриев, 1822; В. Григорьев, 1823, 1825; П. Шаликов, 1828; Ф. Немчинов, 1830; В. Соколовский, 1832; В. Тепляков, 1833, К. Бахтурин, 1836; М. Лермонтов, 1838, 1841).

«Востока» — «глубоко» (М. Дмитриев, 1845; В. Тепляков, 1829; М. Лермонтов, 1841; Н. Волинад (Данилов), 1830).

«Востока» — «недалеко» (варианты: «далеко» — «издалека») (Д. Ознобишин-Делибюрадер, 1840; А. Бестужев-Марлинский, 1826; А. Хомяков, 1826; М. Лермонтов, 1837, 1841).

«Восток» — «челнок» (П. Ободовский, 1827).

«Восток» — «рок» (В. Тепляков, 1928; Е. Розен, 1831; Д. Озноби-

шин-Делибюрадер, 1841; М. Лермонтов, 1832; Е. Баратынский, 1825—28).
«Востока» — «одинок» (В. Соколовский, 1832; Ф. Тютчев, 1823—26; М. Лермонтов, 1832; 1839).
«Восток» — «платок» (К. Масальский, 1828).
«Восток» — «песок» (М. Лермонтов, 1840).
«Восток» — «скачок» (М. Лермонтов, 1841).
«Востока» — «ока» (вариант «черноока») (М. Лермонтов, 1831, 1838, 1841; В. Кюхельбекер, 1845; В. Григорьев, 1824; А. Полежаев, 1832).
«Востока» — «широкой» (А. Муравьев, 1825—26).
«Восток» — «пророк» (П. Ободовский, 1823).
«Восток» — «ветерок» (В. Кюхельбекер, 1818; И. Козлов, 1825).
«Восток» — «огонек» (М. Лермонтов, 1832).

Однако, более подходящей оказалась рифма «Восток» — «пророк», удачно соединившая два постоянных понятия и потому получившая особое звучание и широкое распространение.

Эта рифма была введена в русскую поэзию пушкинским «Бахчисарайским фонтаном»:

«Как милы темные красы
 Ночей роскошного Востока!..
 Для обожателей Пророка!» (т. 4, стр. 186)¹.

Затем, кочуя из одного произведения в другое, она появляется в стихах и поэмах В. Теплякова (1824), К. Рылеева (1824), В. Туманского (1825, 1836), В. Олина (1826), А. Вельтмана (1829), М. Коркунова (1829), Е. Розена (1831), Л. Якубовича (1831), М. Лермонтова (1831, 1832, 1836, 1838, 1840), И. Бороздны (1836), К. Бахтурина (1836), Д. Ознобишина-Делибюрадера (1841).

Постоянные рифмы требуют и другие восточные слова-реалии, довольно часто использованные в конце стихотворной строчки и в этих случаях нуждающиеся в соответствующей рифме. В качестве рифмы к родительному падежу слова «гарем», например, обычно использовались имя Зарема, ставшее, как об этом уже говорилось, после пушкинского «Бахчисарайского фонтана», традиционным именем восточной героини, и слово «эдем», обозначающей рай.

¹ В стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят» (датируется 1830-ми годами), где сделана явная попытка стилизации под восточную поэзию, Пушкин вторично прибегнул к этой рифме:

«Стамбул отрекся от пророка;
 В нем правду древнего Востока
 Лукавый Запад омрачил» (т. 6, стр. 694).

Эти рифмы впервые также приводились в «Бахчисарайском фонтане»:

«Они поют. Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема?»
(т. 4, стр. 181);

«Являлась мне, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустелого гарема»
(т. 4, стр. 194);

«Спорхнувший с неба сын эдема...
) бедной пленнице гарема...»
(т. 4, стр. 187).

Эта же рифма использована Пушкиным в стихотворении «Фонтану Бахчисарайского дворца» (1824):

«Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?»
(т. 2, стр. 202).

К «Бахчисарайскому фонтану» восходят и другие рифмующиеся восточные слова-реалии — «хан» и «Коран» (вариант «Алкоран»), постоянно встречающиеся в ориентальной стихотворной речи того времени и со временем ставшие неразлучной рифмованной парой.

В «Бахчисарайском фонтане» эта рифма встречается два раза:

«Порядок вечный. Воля хана
Ему единственный закон;
Святую заповедь Корана
Не строже наблюдает он»
(т. 4, стр. 190).

ср. также:

«Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла веру прежних дней)»
(т. 4, стр. 190).

С легкой руки Пушкина эти рифмы стали переходить из одного стихотворения в другое, обогатив русскую традиционную стихотворную рифму. Приведем для сравнения соответствующие места из поэмы «Огин» (1830), подписанной фамилией-перевертышем Н. Волинад, то есть Данилов:

«Ты украшение гарема;
И как посланница Эдема...»¹;

из стихотворения А. Полежаева «Ренегат» (1832);

«И наслит красой блестящий свой гарем!
И снова обретет потерянный Эдем!...»²;

из поэмы В. Кюхельбекера «Иван, купеческий сын» (1832—42):

«Не будет Зареме
Удачи ни в чем;
Что медлишь в гареме?
Царевна, пойдем!»³;

из стихотворения В. Туманского «Дом на Босфоре» (1836):

«И правоверного приемлет
В ревнивый свой чертог решетчатый гарем.
На персях счастья там он дремлет,
Там предвкушает он Эдем»⁴;

из поэмы В. Лизогуб «Зюлейка»:

«Как весело, шумно в обширном гареме...
И рой одалисок, прекрасней Заремы»⁵;

из стихотворения П. Вяземского «Бахчисарай (Ночью при иллюминации)»:

«Вот стены темного гарема!
От страстных дум не отрешась,
Еще здесь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь»⁶.

1 Н. Волинад (Данилов). Огин, СПб., 1830, стр. 57.

2 А. Полежаев. Стихотворения. М., 1832, стр. 202.

3 В. Кюхельбекер. Избранные произведения. В 2-х томах, М., 1967, т. 2, стр. 582.

4 Поэты 1820—30-х годов. В 2-х тт. Л., 1972, т. 1, стр. 306.

5 В. Лизогуб. Зюлейка. М., 1845, стр. 5.

6 Русская поэзия XIX века. В 2-х тт. М., 1974, т. 1, стр. 331.

Более того, с легкой руки Пушкина и сам фонтан Бахчисарая стал излюбленным объектом романтических излияний. Это было своеобразное святилище русских романтиков, и воспевание его в стихах стало традицией. Характерно, что начало этой традиции положил сам Пушкин, написавший в 1828 году отдельное стихотворение — «В прохладе сладостной фонтанов», где дана яркая картина Востока времен царствования Гирея, на фоне которого высказаны мысли автора о назначении поэта и поэзии:

«В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.
На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.
Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.
Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры» (т. 3, стр. 81).

Как видно, цитированное стихотворение тематически примыкает к поэме «Бахчисарайский фонтан», точно так же во всех стихотворных посвящениях фонтану Бахчисарая неизменно обыгрывались идеи и образы пушкинского произведения. Например, Дм. Новиков, автор анонимно изданной книги «Песни Золотого рожка» (1828), посетив Бахчисарай, написал следующие строки:

«Его и Пушкин любил,
Младой певец Бахчисарая...
Сераль роскошного Гирея,
Фискаль гарема, злой свнух
И девы пленницы сам-друг
Ни думать, ни жалеть не смея,
В уединенной тишине,
Под стражей бдительной и холодной,
На лоне скуки безотрадной
Нам представлялись и во сне...¹

¹ Песни Золотого рожка (Отысканная рукопись неизвестного сочинителя). М., 1828, стр. 42.

Ссылку на Пушкина можно найти и в стихотворении И. Бороздны «Бахчисарайский дворец»:

«И предо мною слез фонтан,
Которому на стражу дан
Поэзии могучий гений!
Здесь знаменитый бард Невы,
И славный Вайделот Литвы
Обвороженные, бродили —
И черпали и жадно пили,
Ключ поэтический! твою
Животворящую струю.
А из курильниц золотых,
Дымяся, обвивали их
Индийской амбры ароматы —
И в чаше розовых кустов
В садах, в убежище прохлады,
Звучали песни соловьев!»¹

То же самое можно сказать о стихотворении И. Козлова «К Н. И. Гнедичу (Стансы на Кавказ и Крым)»:

«Там северный певец в садах Бахчисарая
Задумчиво бродил, мечтами окружен;
Там в сумраке пред ним мелькнула тень младая —
И струи раздался звон.»²

Иными словами, посещение Бахчисарая непременно ассоциировалось у русских романтиков с крымской поэмой Пушкина, и созданные в этом крае произведения полны реминисценций из «Бахчисарайского фонтана». Особенно это характерно для вышецитированного стихотворения П. Вяземского «Бахчисарай (Ночью при иллюминации)», в котором не столько описывается Бахчисарай, сколько пересказывается пушкинская поэма. Вяземский как бы заставляет читателя заново перечитать ее, вспомнить трагедию Марии и ревность Заремы. Рядом с этими образами в стихотворении Вяземского возникает их певец — сам Пушкин, автор «печальной чести рассказа»:

«Во дни счастливых вдохновений
Тревожно посетил дворец
Страстей сердечных и волнений
Сам и страдалец и певец...

¹ Журн. «Московский наблюдатель», 1836, ч. 8, стр. 313—314.

² И. И. Козлов. Полное собрание сочинений. Л., 1960, стр. 98.

Тень и его здесь грустно бродит,
И он, наш Данте молодой,
И нас по царству теней водит,
Даруя образ им живой.

Под плеск фонтана сладкозвучный
Здесь плачется его напев,
И он — сопутник неразлучный
Младых бахчисарайских дев¹.

Таким образом, авторитет Пушкина в литературном освоении Востока был среди современников великого поэта столь высок, что вновь вводимые им рифмы быстро завоевывали право на жизнь, становясь традиционным атрибутом русской романтической поэзии, способствуя дальнейшему углубленному освоению им ориентальной тематики.

3. ОРИЕНТАЛИЗМ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА И ТВОРЧЕСТВО И. С. ТУРГЕНЕВА

Среди множества ярких дарований, подаренных человечеству русской литературой XIX века, Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) занимает особое место одного из основоположников и ярчайших представителей русского реализма, вдохновителя прогрессивной молодежи, видного очеркиста и романиста, ведущего деятеля натуральной школы, тонкого стилиста и могучего художника слова.

На протяжении всего своего околопуловекового творческого пути, охватившего такие важнейшие вехи истории русской литературы, как борьба с эпигонским романтизмом, создание натуральной школы, утверждение метода критического реализма, Тургенев оставался в первых рядах передовых деятелей российской словесности, будучи единомышленником и соратником виднейших из них.

Вместе с тем и сегодня, когда уже было отмечено столетие со дня смерти писателя, приходится говорить о том, что ряд проблем, связанных с его творчеством, все еще ожидает своего исследователя.

В кругу этих проблем важнейшей представляется нам обращение Тургенева к теме Востока. Отметим, что с темой этой Тургенев тесно соприкоснулся уже с первых

¹ Русская поэзия XIX века, 2-х тт. М., 1974, стр. 332, 333.

своих шагов в литературе, с 1830-х годов, когда в русских литературных и читательских кругах шумным успехом и громкой славой пользовались многочисленные произведения А. А. Бестужева-Марлинского, посвященные русскому Востоку, Кавказу, что отметил и сам Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях» об этом времени: «Пушкин был еще жив, в полном расцвете сил..., но, правду говоря, не на Пушкине сосредоточивалось внимание тогдашней публики... Марлинский все еще слыл любимейшим писателем»¹. Эта популярность кавказских произведений Марлинского и способствовала тому, что в творчестве раннего Тургенева ясно проявляется определенный интерес к Востоку, пронесенный им сквозь всю жизнь и в дальнейшем органически включенный в сферу собственных творческих исканий.

Характерно, что в начальный, романтический период своего творчества Тургенев, а вслед за ним и его герои, под влиянием прочитанных произведений Марлинского, ищут на Востоке экзотику и пышную красоту. Так, в поэме «Параша (рассказ в стихах)», датируемой 1843 годом, характеризуя свою героиню, Тургенев пишет:

«Она читала жадно... и равно
Марлинского и Пушкина любила...
Не восклицала: «Ах, как это мило!»
А любовалась молча» (т. 10, стр. 136).

И именно под впечатлением прочитанных книг этих писателей Параша, взглядываясь в окрестный пейзаж, думает совсем о другом:

«И вот — искал ее молящий взор
Других небес — высоких, пышных гор...
И тополей и трепетных олив.
Искал земли пленительной и дальней».
(т. 10, стр. 137).

«Пышные горы», «пленительные земли» — эпитеты, характерные для основополагающих произведений романтической литературы — южных поэм А. С. Пушкина и кавказских повестей Марлинского, повествующих о далеком и манящем Востоке.

¹ И. С. Тургенев. Собрание сочинений в 12-ти тт. М., 1958, т. 10, стр. 268. (Далее цитируется это издание с указанием в тексте тома и страницы). Ср. с письмом к Л. Н. Толстому от 16 декабря 1856 года: «Кстати, знаете ли Вы, что я целовал имя Марлинского на обертке журнала?.. (т. 12, стр. 253).

Эту же особенность кавказских произведений Марлинского выделяет другая героиня Тургенева — Софья Кирилловна Заднепровская из повести «Два приятеля» (1854): Скажите, пожалуйста, отчего Марлинский в последнее время впал в такую немилость? Это, по-моему, в высшей степени несправедливо... Он поэт, он уносит воображение в мир... в какой-то очаровательный, чудесный мир; а в нынешнее время все стали описывать ежедневное». (т. 5, стр. 355).

Стараясь опереться на опыт своих предшественников, Тургенев внимательно вчитывается в их романтические ориентальные произведения, и следы этого прочтения можно найти как в художественном творчестве, так и в письмах и литературно-критических статьях писателя.

Правда, было бы преувеличением утверждать, что это прочтение сыграло особо заметную роль в становлении творческого кредо Тургенева, но его постоянное обращение к таким романтическим ориентальным произведениям, как кавказские повести Марлинского, пушкинские «Цыганы», лермонтовский «Беглец», «Тифлиссские сакли» Я. П. Полонского, «Набег» и «Рубка леса» Л. Н. Толстого, «Охота на Кавказе» Н. Н. Толстого заслуживает пристального внимания и изучения.

Характерно, что и в последний период своего творчества Тургенев вновь вернулся к своему юношескому увлечению. Речь идет о рассказе «Стук!... Стук!... Стук!...» (1871), повествующему о 1830-х годах и вновь заострявшему внимание читательской публики на популярности Марлинского в указанное время: «...в тридцатые годы он (Марлинский — А. Г.) гремел, как никто, — и Пушкин, по понятию тогдашней молодежи, не мог идти в сравнение с ним. Он не только пользовался славой первого русского писателя; он даже — что гораздо труднее и реже встречается — до некоторой степени наложил свою печать на современное ему поколение. Герои а ля Марлинский попадались везде, особенно в провинции и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговаривали, переписывались его языком; в обществе держались сумрачно, сдержанно — «с бурей в душе и пламенем в крови... (т. 8, стр. 7—8).

Будучи одним из юношей 30-х годов. Тургенев, как видно, и сам испытал бурное увлечение Марлинским, прошедшее только после чтений «уничтожающей» кри-

тики этого писателя В. Г. Белинским. Одним из первых поняв принципиальную важность этой критики, ниспровергающей не столько одного Марлинского, сколько «целое направление, ложное и пустое», «авторитета мнимой силы и величавости» (т. 12, стр. 252), Тургенев отрекается от прежнего своего идола, но не отрекается от темы Востока.

Характерно, что входят и в дальнейшем в круг его читательских интересов восточные произведения, но уже те, которые созданы реалистами. Здесь и произведения, в которых романтизм еще только преодолевается (лермонтовские «Мцыри» и «Демон»)¹, и произведения, сыгравшие основополагающую роль в становлении реалистического освоения темы Востока (пушкинское «Путешествие в Арзрум», «Казачи» Л. Н. Толстого).

Внимательно вчитываясь в эти произведения, Тургенев охотно цитирует их, удачно включая те или иные особенно запомнившиеся места в нить собственных творческих находок.

Так, в рецензии «Смерть Ляпунова». Драма в пяти действиях в прозе. Соч. С. А. Гедеонов» (1847) читаем: «Заметим кстати, что почти все наши писатели старой школы, с легкой руки г. Загоскина, заставляют говорить народ русский каким-то особенным языком с шуточками да прибауточками. Русский человек говорит так, да не всегда и не везде: его обычная речь замечательно проста и ясна. Это нам напоминает рассказ Пушкина о том, как он на Кавказе встретил персидского посла, заговорил с ним по-восточному, и как был пристыжен, услышав его простой, вежливый ответ» (т. 11, стр. 68).

Напомним, что речь идет о вышерассмотренном эпизоде из пушкинского «Путешествия в Арзрум», повествующего о встрече автора с персидским (точнее, южно-азербайджанским) поэтом Фазильханом Шейдой, сопровождавшим ехавшего с дипломатической миссией персидского принца Хозрева Мирзу: «Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазил-Хан отвечал на мою неуместную затейливость простою,

¹ О том, какое значение придавал Тургенев этим произведениям, говорит тот факт, что поэму «Мцыри» он сам перевел на французский язык (т. 11, стр. 334—335), а на появление английского перевода поэмы «Демон», выполненного А. Стифеном, отозвался сочувственной рецензией (т. 11, стр. 386—387).

умной учтивостью порядочного человека» (т. 6, стр. 653).

Следует отметить, что «Путешествие в Арзрум», впервые опубликованное автором в журнале «Современник» (1843, кн. 1), к 1847 году, ко времени написания Тургеневым рецензии на драму «Смерть Ляпунова» не переиздавалось. Тургенев, таким образом, цитировал пушкинское произведение по его первому изданию.

Через десять лет в очерковом произведении «Из-за границы (письмо первое)», Тургенев, говоря о времяпрепровождении русских за границей еще раз процитировал «Путешествие в Арзрум»: «иностранныцы смотрят на нас с тайной недоверчивостью, почти с недоброжелательностью, а мы, как Пушкин сказал, **ленивы и нелюбопытны**»; но ведь и путешествие, если кто хочет извлечь из него пользу, точно такой же труд, как все в жизни» (т. 11, стр. 320).

Подчеркнутые нами слова восходят к другому известному эпизоду из «Путешествия в Арзрум», когда при встрече с печальной процессией, сопровождавшей тело убитого А. С. Грибоедова, Пушкин свои размышления об авторе комедии «Горе от ума» заключает следующим образом: «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих апсак! Написагь его биографию было бы делом его друзей, но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» (т. 6, стр. 668).

Цитированные отрывки ярко показывают, насколько близко был знаком Тургенев с прозой Пушкина, тематически обращенной к Востоку. Неменьшим его вниманием пользовались восточные стихотворения Пушкина, свидетельство чего можно найти в одном из писем Тургенева к С. Т. Аксакову:

«Помните, еще покойный Загоскин играл с нами.

Иных уж нет, — а те далече,

Как Сади некогда сказал. -

Кстати, давно Вы не читали Восточных стихотворений Пушкина? Перечтите их — я от них безумствую» (т. 12, стр. 105)¹.

¹ Письмо от 14 ноября 1853 года. В примечаниях (авторы — Г. В. Вялый, Н. В. Измайлов, Б. М. Эйхенбаум) указано, что под восточными стихотворениями Пушкина «Тургенев имеет в виду «Подражания Корану» (т. 12, стр. 166). На наш взгляд, ни процитированное письмо, ни другие материалы не дают основания для такого вывода. Речь, скорее всего, идет о кавказских стихотворениях Пушкина, созданных почти одновременно с приведенными строками из «Евгения Онегина».

И хотя цитированные в этом письме пушкинские строчки взяты, как известно, не из восточных стихотворений Пушкина, а из его «Евгения Онегина», само их соседство лишней раз подтверждает тот факт, что с оригинальной поэзией Востока (в данном случае, с лирикой довольно популярного в России прошлого века персидского поэта Саади) Тургенев знакомился только посредством русских и западноевропейских литераторов. Характерно, что и с творчеством другого не менее популярного в России прошлого века персидского поэта Гафиза Тургенев был знаком через поэтический посредник, которым оказался «Западно-Восточный Диван» немецкого поэта И.-В. Гете. К любимившимся в интерпретации Гете строкам Гафиза Тургенев охотно обращается в своих записях. Так, в посвященной В. Г. Белинскому второй главе «Литературных и житейских воспоминаний» читаем:

«Однажды он (Белинский — А. Г.) целых шесть недель носил у себя в кармане книжку гетевского «Западно-Восточного Дивана...». Я ему как-то цитировал оттуда стих: «Можно ль жить, когда живут другие?» (т. 10, стр. 301).

Еще более интересно обращение писателя к «Западно-Восточному Дивану» в письме к П. В. Анненкову: «Все, что Вы говорите о современном историческом романе, — абсолютно верно. Знамение времени! Невольно вспоминается изречение Гете: «Раздавленная дребедень расплзается вширь, но не твердеет» (т. 12, стр. 488).

Как видно, в обоих случаях память Тургенева в нужный момент выдает соответствующий гафизо-гетевский текст, подходящий к описываемому моменту.

Под впечатлением этих произведений Тургенев решает внести свою лепту в освоение восточной тематики, по-новому передав известные ситуации. С этой точки зрения, симптоматичным представляются его «Отрывки из воспоминаний своих и чужих» (1882), во второй части которых — в «Отчаянном» — впервые в творчестве писателя место действия частично перенесено на Кавказ. Этому рассказу, в образе героя которого Миши Полтева, Тургенев, по свидетельству его приятеля И. Павловского, вывел русского революционера-народника, писатель придавал особое значение¹. Тем интереснее перенесения места действия на Кавказ. На кавказских

страницах «Отчаянного» читатель как бы заново сталкивается со знакомыми ситуациями романтических восточных произведений, но рассказанными по-новому, реалистически. Подобно Л. Н. Толстому, тонкими реалистическими штрихами переделавшему в своем рассказе «Кавказский пленник» романтическую сюжетную коллизию одноименной пушкинской поэмы (вместо разочарованного романтического Пленника у Толстого вполне реальные герои — Жилин и Костылин, а вместо «девы гор», Черкешенки, которая влюбляется в Пленника, в рассказе выведен подросток Дина, предоставленный по малолетнему возрасту самому себе).

В тургеневском «Отчаянном» также повествуется о кавказском пленнике, но до чего разительная картина! В тургеневском пленнике нет ничего от романтического героя. Заклучив пари с офицерами относительно достоинств своего персидского клинка, Миша добровольно отправляется к немирному горцу Абдулке, знатоку клинков, и, как и его литературные предшественники, попадает в плен. Смелостью и удачью Миша завоевывает уважение Абдулки и по возвращении четко, без прикрас, описывает свою одиссею: «Ничего... добрый человек Абдулка. Сперва точно кандалы велел мне на ноги набить и даже на кол посадить собирался. Только я объяснил ему, зачем приехал, и шашку показал. «И не задерживай ты меня, говорю; выкупа, говорю, за меня не жди; гроша у меня за душою нет — и родных не имеется». Удивился Абдулка; посмотрел на меня единым своим глазом. «Ну, говорит, делибаш ты, урус; должен я тебе верить?» — «Верь, говорю; я не лгу никогда». И точно Миша никогда не лгал). Опять посмотрел на меня Абдулка. «А пить вино умеешь?» — «Умею, говорю; сколько дашь, столько и выпью». Опять удивился Абдулка, аллаха помянул. И велел он своей — дочке, что ли, хорошенькая такая, только взгляд, как у чекалки, — притащить бурдюк. И начал я действовать. «А шашка твоя, говорит, фальшивая; вот возьми настоящую. И те-

¹ Характерно, что в письме к П. В. Шенкову, положительно оценившему «Отчаянного», Тургенев выражал надежду, что «В России его пьмут; за границей, полагаю, увидят в нем одно безобразие и варварство. Но ведь я пишу не для «заграницы» (т. 8, стр. 583).

перь мы с тобой кунаки». А пари вы, господа, проиграли; платите!» (т. 8, стр. 357).

Как видно, типичную ситуацию романтических поэм Тургенев не только рассказал по-новому, но и весьма удачно вплел в нить своего повествования, тематически довольно далекого от Востока.

От частичного переноса места действия на Восток Тургенев идет к созданию чисто ориентального произведения. Симптоматично, на наш взгляд, что создание такого восточного произведения происходит в последний период творчества писателя. Речь идет о «Восточной легенде» (1878) из цикла «Стихотворения в прозе». Общеизвестно, что в цикле этом отчетливо проявился интерес Тургенева к «разнообразным вопросам жизни». «Восточную легенду», таким образом, следует рассматривать как отражение ориентальных интересов писателя. И хотя название произведения созвучно многочисленным восточным, а также арабским, татарским и т. д. сказаниям и преданиям русских писателей XIX века¹, но содержание «Восточной легенды» не имеет аналогов в предшествующей литературе. Тургеневское произведение отличается глубиной авторского проникновения в поэтику восточной словесности. В нем, на наш взгляд, сильно ощутимы следы прочтения оригинальных восточных преданий, в частности, знаменитых сказок «Тысячи и одной ночи». Напомним, что героями целого ряда из этих сказок являются знаменитых халиф Харун ар-Рашид и его визирь Джаффар, которые и выведены в «Восточной легенде» (у Тургенева соответственно «богоспасаемый хариф» и «великий Джаффар, солнце вселенной»); место действия также совпадает — знаменитый Багдад.

Незатейливое содержание «Восточной легенды» — Джаффар спасает дряхлого старца из рук разбойников и тот в благодарность предлагает ему выбрать одно из трех яблок, предупредив, что, съев белое яблоко, он станет умнее всех людей, красное — богаче всех, желтое — будет нравиться старым женщинам — напоминает те восточные сказки и притчи, герои которых в различных вариациях выбирают один из трех предложен-

¹ Например, М. Ю. Лермонтов. Три пальмы (восточное сказание); некто В. Г. Роза — восточное предание; анонимная Таир. Восточная притча; П. А. Вяземский. Язык и зубы (восточный аполог) и т. д.

ных им предметов, путей или желаний, и выбор зачастую происходит между умом, богатством и любовью. Более того, само понятие, три яблока также фигурирует в восточных сказках (например, в книге «Тысяча и одна ночь», сказка, рассказанная в течение 19—20 ночей так и называется — «Рассказ о трех яблоках»¹) и, видимо, имело в ориентальном мире определенную магическую окраску.

Тургеневская «Восточная легенда», таким образом, имеет точки соприкосновения и с литературой Востока, и с традициями русской ориенталистики.

В этом небольшом произведении, как в зеркале, отразился тургеневский подход к освоению темы Востока, заключающийся, с одной стороны, в постижении восточной словесности, а с другой — в усвоении традиций русского ориентализма первой трети прошлого века.

4. ОСВОЕНИЕ КАВКАЗА РОМАНТИКАМИ В ВОСПРИЯТИИ Л. Н. ТОЛСТОГО (А. А. БЕСТУЖЕВ-МАРЛИНСКИЙ)

Писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский наряду с А. С. Пушкиным по праву считается основоположником кавказской темы в русской литературе. Его многочисленные кавказские произведения, написанные в различных литературных жанрах, заново, вслед за Пушкиным, открывали русскому читателю Кавказ, прививали интерес и любовь к нему.

Считая, что «Пушкин приподнял только угол завесы величественной картины» Кавказа², Марлинский своим творчеством хотел более тщательно, более подробно ознакомить русских читателей с этой окраиной России. Кавказские произведения Марлинского, основанные на непосредственных наблюдениях над жизнью и бытом местного населения, при очевидности романтического метода писателя, глубоко правдивы по своему содержанию.

Литературное освоение Кавказа Марлинским шло в двух планах — художественном и очерковом. С одной стороны, Марлинский посвящает этому краю повести и

¹ Книга тысячи и одной ночи. В 8-ми тт. М., 1958, т. 1, стр. 178—186. Перевод М. М. Салье.

² А. М. (А. А. Бестужев-Марлинский). Часы и зеркало.— Газ. «Северная пчела», 1830 от 30 января.

рассказы («Аммалат-бек», «Мулла-Нур», «Часы и зеркало»), с другой — произведения очеркового жанра: путевые записки («Путь до города Кубы», «Горная дорога из Дагестана в Ширван через Кунакенты», «Последняя станция к старой Шемахе», «Переезд от Топчи в Куткаши», «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы»); зарисовку («Шахгуссейн», «Рассказ офицера, бывшего в плену у горцев», «Военный антикварий», «Красное покрывало»); письма («Письмо к доктору Эрману», «Письма из Дагестана»).

Эти произведения Марлинского были одним из толчков всеобщего интереса к Кавказу, который отчетливо проявляется в России в 30-х годах XIX века. И, безусловно, именно своим кавказским произведениям обязан Марлинский шумным успехом и громкой славой в литературных и читательских кругах 1830-х годов.

Вышеприведенная запись И. С. Тургенева середины 30-х годов прошлого века («Пушкин был еще жив..., но, правду говоря, не на Пушкине сосредотачивалось внимание тогдашней публики. Марлинский все еще слыл любимым писателем...») вполне может быть отнесена и к последующим годам. Несмотря на уничтожающую критику В. Г. Белинского в 30-х—40-х годах XIX века, творчество Марлинского еще много лет продолжало привлекать внимание читателей, завоевывало себе новых почитателей и последователей. Правда, подавляющее большинство этих последователей шли по пути слепого эпигонства, подражательства, и в результате никто из них не смог оставить сколько-нибудь заметного следа в истории русской литературы. Однако среди поклонников таланта Марлинского в эти годы встречаются и имена тех, кто в дальнейшем стали видными русскими писателями. Так, страстным поклонником творчества Марлинского был великий русский писатель-реалист И. А. Гончаров. По свидетельству его друга и биографа: «Гончаров в юности был такой же мечтатель, как все мы, юноши тридцатых и сороковых годов. Он восторженно читал Марлинского»¹. Влияние Марлинского, в частности, ощущается в ранней повести Гончарова «Счастливая ошибка».

¹ Г. Н. Потанин. Воспоминания о Гончарове. — Журн. «Исторический вестник», 1903, № 4, стр. 106.

Внимательным читателем и тонким ценителем творчества Марлинского был и выдающийся русский писатель Лев Николаевич Толстой. Толстой по собственному признанию еще в раннем детстве зачитывался произведениями Марлинского: «Когда-то в детстве или первой юности я читал Марлинского, и разумеется с восторгом, читал тоже не с меньшим наслаждением кавказские сочинения Лермонтова. Вот все источники, которые я имел для познания Кавказа...»¹. Под влиянием прочитанных произведений будущий писатель мечтает о «горных потоках», «голубоглазых черкешенках», о «бурке, кинжале и шашке». Эти мечты не оставляют Толстого и в последующие годы. Наконец, в 1851 году он едет на Кавказ. Одной из причин этой поездки были образы, навеянные творчеством Марлинского. Главный герой повести Толстого «Казачьи Оленки» Дмитрий Оленкин, образ во многом автобиографический, по дороге на Кавказ все свои мечты о будущем соединяет «с образами Амалат-беков, черкешенок, гор, обрывов, страшных потоков и опасностей»². Можно с полной уверенностью сказать, что и сам автор ехал на Кавказ с подобными мечтами, и имя героя одноименной повести Марлинского Амалат-бека упомянуто здесь отнюдь не случайно: Толстой продолжал увлекаться его творчеством.

Другой причиной поездки Толстого на Кавказ было то, что условия жизни в Москве и в Ясной Поляне не удовлетворяли его, он ехал, чтобы отвлечься от светской суевы. Все это ему полностью удалось. На Кавказе он много работал над собой, начал писать — писать, как он сам признавался, для денег, а в результате кавказские произведения сделали его известным писателем. Успех этих произведений («Казачьи Оленки», «Рубка леса», «Набег», «Разжалованный») объясняется тем, что в них впервые после «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина и «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова кавказская действительность была отображена реалистическими красками. Вместе с тем надо сказать, что почти во всех произведениях Толстого имеются реминисценции из творчества писателя-романтика Марлинского.

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание, т. 3, М.—Л., 1928, стр. 215.

² Л. Н. Толстой. Собрание сочинений в 14-ти тт., М., 1951, т. 3, стр. 155 (в дальнейшем это издание цитируется с указанием в тексте тома и страницы).

Это нисколько не умаляет достоинств кавказских произведений Толстого, поскольку романтические произведения Марлинского были основаны, как это было отмечено выше, на непосредственных наблюдениях автора.

По приезде на Кавказ Толстой задумывает написать цикл произведений под названием «Кавказские очерки» и составляет их план. Уже в этом чувствуются определенные отголоски творчества Марлинского, большинство произведений которого издавались в 30-е годы XIX века именно под таким названием. Однако Толстой не останавливается только на очерковом отображении кавказской действительности и, подобно Марлинскому, приступает к ее художественному воплощению. Примечательно, что герой одного из первых художественных произведений Толстого о Кавказе рассказа «Набег» Розенкранц оказывается человеком «образовавшимся по Марлинскому и Лермонтову»: «Эти люди смотрят на Кавказ не иначе, как сквозь призму героев нашего времени, Мулла-Нуров и т. п., и во всех своих действиях руководствуются не собственными наклонностями, а примером этих образцов» (т. 2, стр. 12). Толстой не случайно в этом контексте упоминает рядом имена Печорина (из романа Лермонтова «Герой нашего времени») и Мулла-Нура (из одноименной повести Марлинского) — это были герои лучших кавказских произведений того времени.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о большом, непреходящем интересе Толстого к творчеству Марлинского кавказского периода. Однако некоторые литературоведы считают, что Толстой в своих кавказских произведениях, развенчивая экзотичность эпигонского романтизма, обрушивался и на Марлинского. Поводом для таких выводов послужили две записи Толстого. Первая из них сделана им в самом начале пребывания на Кавказе: «Чтобы поставить воображение читателя на ту точку, с которой мы можем понимать друг друга, начну с того, что черкесов нет — есть чеченцы, кумыки, абахези и т. д., но черкесов нет. Чинар нет, есть буг, голубоглазых черкешенок нет... и мало ли чего нет. От многих еще звучных слов и поэтических образов должно вам будет отказаться, ежели вы будете читать мои рассказы. Желал бы, чтобы для вас, как и для меня, взамен погибших, возникли новые образы,

которые бы были ближе к действительности и не менее поэтичны»¹.

Как видно, Толстой с первых дней пребывания на Кавказе выступил против романтических штампов и измышлений. Но правомерно ли считать, что приведенные выше слова Толстого направлены против Марлинского? Можно с полной уверенностью ответить — нет. Во-первых, Марлинский нигде не говорил, что на Кавказе живут черкесы. Более того, рассуждения Толстого о черкесах почти дословно совпадают с соответствующим местом статьи «Замечания на статью «Путешествие в Грузию», помещенной когда-то в одном из московских журналов», опубликованной за подписью Марлинского в «Сыне отечества» и вплоть до работ советских литературоведов приписываемой его перу: «...надобно заметить, что черкесы вовсе не существуют на Кавказе... за Кубанью живут не черкесы, а шапсуги, котухайцы, убыхи, бзедухи, абазехи и множество других племен»², и, конечно, никакой критики в адрес автора «Мулла-Нура» не содержат. Не встречаются в произведениях Марлинского и «голубоглазые черкешенки»; горянка Селтанета, главная героиня повести «Аммалатбек», к примеру, черноока³.

Другой выпад против Марлинского исследователи видят в следующем отрывке из повести Толстого «Казак»: «Никаких здесь нет бурок, стремнин, Аммалатбеков, героев и злодеев... Люди живут, как живет природа... Других законов у них нет» (т. 3, стр. 246). Исследователи упускают из виду то обстоятельство, что действие «Казак» происходит там, где «Аммалатбеков, героев и злодеев» и не может быть — в станице гребенских казаков, то есть в той части Кавказа, которая подвластна России. Аммалатбек же и ему подобные горцы воевали с русскими и, естественно, герой толстовской повести подобных людей в казачьей станице не встретил.

¹ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Юбилейное издание, т. 3, М.—Л., 1928, стр. 216.

² Журн. «Сын отечества», 1838, т. 1, стр. 4. Автор статьи — Павел Бестужев, младший брат Марлинского, который основательно правил статью. — См. «Воспоминания Бестужевых», М.—Л., 1951, стр. 105.

³ А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в 2-х тт., т. 1. М., 1958, стр. 447 (в дальнейшем цитируется это издание с указанием в тексте тома и страницы)

Толстой как внимательный читатель не мог не обратить внимания на следующую особенность кавказских произведений Марлинского, выделяющую их среди русской кавказоведческой литературы. В совершенстве владея азербайджанским языком, Марлинский широко вводил в свои произведения азербайджанские слова или выражения, и в скобках или примечаниях давал их русский перевод и подробные разъяснения. Толстой не владел никаким кавказским языком, но тем не менее он, по примеру Марлинского, вводит в текст своих произведений слова из различных кавказских языков и, давая перевод использованным им словам, не указывает, к какому собственно языку они относятся: «Курпей на кавказском наречии значит овчина», «Маштак на кавказском наречии значит небольшая лошадь», «Балка на кавказском наречии овраг, ущелье» (т. 2, стр. 9). Не случайно главный герой «Кзакаов» Дмитрий Оленин, имеющий, как было отмечено выше, много общего с самим Толстым, также не знает кавказских языков и обычаев и в результате этого попадает впросак: «Дядя Ерощка поклонился образом, расправил бороду и, подойдя к Оленину, подал ему свою черную толстую руку.

— Кошкильды, — сказал он. — Это по-татарски значит: здравия желаем, мир вам по-ихнему.

— Кошкильды! Я знаю, — отвечал Оленин, подавая ему руку.

— Э, не знаешь, не знаешь порядков! Дурак! — сказал дядя Ерощка, укоризненно качая головой. — Коли тебе кошкильды говорят, ты скажи: алла рази бо сун, спаси бог. Так-то, отец мой, а не кошкильды. Я тебя всему научу». (т. 3, стр. 189).

Влияние Марлинского ощущается в батальных сценах Толстого. Декабрист Марлинский, испытавший на себе все тяготы солдатской службы, будучи непосредственным участником кавказской войны, смог, используя свои наблюдения над армейским бытом, первым в русской литературе создать яркие образы простых солдат, красочно и колоритно описать бои. Марлинский описывал войну русских с горцами без предвзятостей. Поэтому, признавая историческую необходимость присоединения Кавказа к России, он вместе с тем в своих произведениях часто выступал против тех погромов горских аулов, которые по приказу царского самодержавия устраивала русская армия. Не имея возможности из-за

цензурных ограничений открыто протестовать против действий царской армии, Марлинский осуждал их косвенно, описывая трагические результаты походов и набегов: «Еще перепалка играла по лесу, прилежащему к деревне, а дело грабежа и разрушения уже началось. Добыча в вещах, в деньгах, в рогатом скоте была огромна... Солдаты, татары, турки, вытаскивали ковры, паласы, вонзали штыки в землю и в стены, ища кладов, рыли, добывали, находили их, выносили серебро, украшения, богатые кольчуги, бросали одно для другого, ловили скот, били, кололи засевших в саклях мятежников... медом и маслом хоть пруд пруди... ветер взвивает муку вместо пыли» («Письма из Дагестана» — т. 2, стр. 32—33).

Толстой, на протяжении всей своей жизни выступавший противником войн, своими батальными сценами всячески подчеркивает мысль о ненужности кровопролития и, во многом следуя Марлинскому, с осуждением изображает разгром кавказского аула: «Через минуты драгуны, казаки, пехотинцы с видимой радостью рассыпались по кривым переулкам, и пустой аул мгновенно оживился. Там рушится кровля, стучит топор по крепкому дереву и выламывают дощатую дверь; тут загорается стог сена, забор, сакля, и густой дым столбом подымается по ясному воздуху. Вот казак тащит кулю муки и ковер, солдат с радостным лицом выносит из сакли жестяной таз и какую-то тряпку; другой, расставив руки, старается поймать двух кур...» («Набег», — т. 2, стр. 24).

Как видно, оба русских писателя-гуманиста, понимая, что солдаты грабят по приказу, а не по необходимости, подчеркивают факты ломки, продажи, обмена награбленного. Этим Марлинский и Толстой обвинили царизм и командование кавказской армии, поощряющих грабежи и разбой.

Таким образом в ранних кавказских произведениях Толстого ясно ощущается влияние Марлинского. В круг интересов Толстого входят такие произведения Марлинского, как повести «Аммалат-бек» и «Мулла-Нур», очерковые «Письма из Дагестана», а также приписываемая в прошлом веке его перу статья «Замечания на статью «Путешествие в Грузию», помещенную когда-то в одном из московских журналов.

В дальнейшем Толстой-реалист шагнул далеко вле-

ред от романтических произведений Марлинского. Но несмотря на это Толстой, создавший шедевры русской реалистической литературы, на протяжении всей своей писательской деятельности сохранял интерес к творчеству Марлинского. Так, отзвуки прочтения батальных сцен Марлинского ощущаются не только в кабардинских произведениях Толстого, но и в его гениальном романе-эпосе «Война и мир». Конечно, было бы неправомерно сопоставлять реалистический роман Толстого с романтическими произведениями Марлинского, однако в некоторых батальных сценах «Войны и мира» ощущается влияние Марлинского-баталиста.

В уже цитируемых «Письмах из Дагестана» Марлинский, подчеркивая храбрость и бесстрашие русских солдат, писал: «В молодых солдатах виделось более любопытства, чем беспоконья. Иные, правда, слишком заботливо осматривали кремни свои, иные кланялись пулям, которые жужжали как шмели, — но над такими смеялись. «Видно, знакомая пролетела?», «Эй ты, саратовец... что ты словно перед попом раскланялся? Что бережешь свою шапку? Батюшка царь богат, другую даст! Лови, лови за хвостик!» и тому подобные остроты слышались по цепи» (т. 2, стр. 31).

Толстой в свою очередь тоже подчеркивает бесстрашие русских солдат, их умение с шуткой на устах сражаться и смотреть смерти в лицо. В Бородинском сражении, во многом решившем исход Отечественной войны 1812 года, солдаты в описании Толстого не только храбры и бесстрашны, но и веселы и остроумны. Описания Толстого напоминают батальные картины Марлинского, а в некоторой степени дословно повторяют их: «...чаще и чаще на батарею попадали снаряды и залетали, жужжа и свистя, дальние пули. Но люди, бывшие на батарее, как будто не замечали этого; со всех сторон слышался веселый говор и шутки.

— Чиненка, — кричал солдат на приближающуюся, летевшую со свистом гранату. — Не сюда! К пехотным! — с хохотом прибавлял другой.

— Что, знакомая? — смеялся другой солдат на пришедшего мужика под пролетевшим ядром» (т. 6, стр. 239).

В конце своего творческого пути, создавая повесть «Хаджи-Мурат», повествующую о кавказских событиях, Толстой вновь обратился к творчеству Марлинского.

Так, в этой повести Толстой говорит о песнях, которые поют горцы перед своей гибелью в сражении (т. 14, стр. 115, 127—128), первым в русскую литературу смертные песни горцев ввел Марлинский своей повестью «Амалат-бек» (т. 1, стр. 469—470).

5. ГАФИЗ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Первая треть XIX века — это период, когда особенно проявилась всеми признанная «всемирная отзывчивость русских писателей», стремление постичь лучшие образцы инонациональных литератур и, отталкиваясь от последних, создавать оригинальные, национально самобытные произведения. Излюбленными авторами русской читательской публики указанного периода были в Европе английский поэт Дж. Г. Байрон и немецкий поэт И.-В. Гете, а на Востоке — персидский поэт Гафиз. Процесс ознакомления, осмысления и освоения творчества названных западноевропейских поэтов в России давно уже основательно изучен в нашем литературоведении¹. Что же касается Гафиза, то проблема освоения творчества русской литературой все еще ожидает фундаментальных исследований², необходимость появления которых тем более очевидна, что русский романтизм во многом ориентировался на традиции западноевропейской романтической литературы, интенсивно разрабатывающей тему Востока. Напомним, что ориентальные произведения английских, французских и немецких поэтов-романтиков (особенно Дж. Г. Байрона, Т. Мура, Ш. Мильвуа, В. Гюго, И.-В. Гёте) и их поэтические переложения пользовались огромной популярностью у русских читателей первой трети XIX века и рассматривались ими в качестве оригинальных образцов восточной литературы. Эти произведения и вызвали глубокий интерес русского общества к Востоку.

Естественно, что после ознакомления с ориентальными произведениями западноевропейских романтиков рус-

¹ Достаточно назвать две недавно переизданные основополагающие монографии видного советского исследователя В. М. Жирмунского «Байрон и Пушкин» (из истории романтической поэмы). Л., 1978 и «Гёте в русской литературе». Л., 1979.

² Работы И. С. Брагинского, М. Л. Нольмана, Т. М. Гольц, посвященные отдельным, локальным вопросам этой проблемы, положения не спасают.

ская читающая публика приступила к освоению собственно восточной поэзии, и именно благодаря такому последовательному восприятию и постижению Восток стал в дальнейшем одной и важнейших и узловых тем русской литературы.

С этого времени русское правительство, понимая необходимость торговых и политических отношений с Востоком, открыло кафедры восточных языков в крупнейших университетах (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Харьков), что привело в дальнейшем к созданию школы русских востоковедов, среди которых выделялся профессор А. В. Болдырев.

Первые русские профессиональные переводчики с восточных языков — Д. Ознобишин, И. Батьянов, С. Соловьев, М. Коркунов, Н. Коноплев, Н. Моисеев, П. Петров и др. — много и плодотворно работали над переводами произведений Гафиза, и их только что выполненные переводы охотно публиковали такие издания, как «Азиатский вестник» (1825—27) Г. Спасского, «Московский телеграф» (1825—34) Н. Полевого, «Библиотека для чтения» (1834—58) О. Сенковского. Все три названных журнала имели свою собственную ориентальную программу, воплощение которой делало их популярными в читательских массах и литературных кругах. Не случайно «Азиатский вестник» называют «первым специальным ориентальным журналом в России»¹, а «Московский телеграф» — родоначальником русско-восточных литературных взаимоотношений². Что же касается «Библиотеки для чтения», то, при всей тенденциозности ее направления, ориентальные материалы журнала пользовались большой популярностью у современников, и не случайно замечание А. С. Пушкина, что «в показаниях его (Сенковского — А. Г.) касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные!» (т. 7, стр. 480).

Редакторы этих (а также ряда других) журналов, неустанно пропагандируя восточную литературу, заполняли страницы своих изданий только что выполненными и на достаточно высоком уровне русскими переводами

¹ В. Эберман. Арабы и персы в русской поэзии. — Журн. «Востока», 1923, кн. 3, стр. 108—109.

² Ш. М. Аббасов. Восточная тематика в журнале «Московский телеграф» Н. Полевого. Автореферат дис., канд. филол. наук. Баку, 1979, стр. 7—8.

из творческого наследия целого ряда восточных поэтов, среди которых как в количественном, так и в качественном отношении преобладали переводы из Гафиза, при этом в ряде случаев для перевода отбирались произведения, имеющие определенную вольнолюбивую окраску. Не случайно Н. Коноплев сопроводил один из своих переводов с персидского следующим примечанием: «Сии повести живо изображают добродетели и пороки жителей Востока и **могут быть применены к нашему времени**»¹. Эту соотносимость со своей эпохой и искали русские переводчики и востоковеды в творениях Гафиза.

Первые русские переводы из поэзии Гафиза датируются 1810-ми годами (речь идет о прозаических переложениях некоего Г. С-ва² и А. Журденя³), но, выполненные прозой, да еще с языков-посредников, они мало способствовали утверждению среди русской читающей публики интереса к творчеству этого персидского поэта.

Заметим, что и в последующие годы на страницах русской периодики появлялись прозаические переложения поэзии Гафиза, но они принадлежали перу специалистов-востоковедов, глубоко осведомленных в персидском языке, что в значительной степени увеличило их познавательную ценность. Таковы, например, два прозаических перевода И. Ботьянова, опубликованные под общим названием «Анекдоты и элегии с персидского»⁴. Переводы И. Ботьянова отличаются точностью в передаче стиля, символики и образной системы оригинала, их колорита. То же самое можно сказать о двух «Одах Гафиза»⁵, переведенных на русский язык прозой другим специалистом — востоковедом Николаем Моисеевым. Переводы эти также отличаются точностью передачи духа и сути оригинала.

Таким образом, переводы образцов поэзии Гафиза становятся в России с середины 1820-х годов обычным явлением, но выполненные прозой, без сохранения стихового рисунка, они мало способствовали пробуждению интереса к ней. Первый стихотворный перевод из его

¹ Журн. «Телескоп», 1833, ч. 18, № 21, стр. 39. (Подчеркнуто мной — А. Г.)

² Журн. «Цветник», 1910, ч. 6, стр. 77—78.

³ Журн. «Вестник Европы», 1815, № 11, июнь, стр. 173—179.

⁴ Газ. «Северная пчела», 1827, от 13 августа, № 97.

⁵ Журн. «Кавказский вестник», 1829, ч. 26, кн. 7, стр. 220—222.

произведений — «Ода Гаафица» — был выполнен Юрием Познанским, имя которого довольно часто встречается на страницах русской периодики со второй половины 1820-х годов, изредка им подписаны оригинальные стихотворения, чаще — переводы. «Ода Гаафица», пожалуй, самый ценный труд Познанского. Не располагая сведениями о степени осведомленности Познанского в области персидского языка (публикация «Оды Гаафица» также не дает ответа на этот вопрос), все же рискнем предположить, что либо перевод был выполнен с оригинала, либо у переводчика был консультант, прекрасно знавший особенности восточной поэзии. На такую мысль наводят формальные особенности «Оды Гаафица», в частности, сохранение в переводе приема сфрагиды — упоминания в тексте стихотворения имени автора данных строк, а также соответствующее примечание переводчика. Эта мысль подтверждена и своеобразием рифмы «Оды Гаафица», которую мы можем проследить, расположив ее двестишестью:

«Зефир приятен легкокрылой —
Приятна кроткая весна.
Но если нет для сердца милой —
То их потеряна цена.
Лесок приятен в вечер ясный,
Когда над ним взойдет луна...
Но если нет подруги страстной
Его потеряна цена.
Мила улыбка уст прекрасных —
В сердца нам радость льет она,
Но без лобзаний сладострастных
Вся их потеряна цена.
Шумит приятно лес красивый,
Как сладко бьет о брег волна...
Но смолк весны певец счастливый —
Вся их потеряна цена.
Приятны нам густые сени,
И шум кипящего вина...
Но без душевных наслаждений —
Вся их потеряна цена.
Жизнь наша, о Гафиц, монета —
Она для траты нам дана.
Коль не истратим наши лета —
То их потеряна цена»¹.

Как известно, в газели «однозвучная рифма идет через строку, то есть система рифм в газели такая аа, ба са, да и т. д.»². Рифма «Оды Гаафица» не идентична

¹ Журн. «Московский телеграф», 1826, ч. 9, № 10, стр. 66—67.

² А. Квятковский. Поэтический словарь. М., 1966, стр. 83.

канонической рифме газели, но напоминает ее. Схематически рифму этого перевода можно представить следующим образом: *ba, ba, ca, ca, da, da* и т. д.

Таким образом, «Ода Гаафица» дала русскому читателю первые сведения о формальных особенностях творчества великих поэтов Персии, а ее публикация привлекла внимание не только дилетантов, но и знатоков восточной поэзии. Характерно, например, что в своеобразное состязание с Ю. Познанским вступил известный переводчик персидской литературы Д. П. Ознобишин, подписывавший свои переводы иранским именем Делибюрадер (Сердце брата). Переведя эту же газель Гафиза под названием «Ода Гафица» (из книги «Даль» его дивана), Делибюрадер поместил его в альманахе «Северная Лира на 1827 год». Заметим, что это было едва ли не первое выступление Ознобишина-Делибюрадера в качестве популяризатора восточной поэзии, и может быть поэтому он по формальным особенностям оказался довольно далеким от оригинала, и будущий авторитетный знаток и переводчик в «Оде Гафица» не смог передать канонический рифменный рисунок газели. Вместо нее «Ода Гафица» оказалась пятистрочной с традиционной для русского стихосложения перекрестной рифмой *abab, cdcd* и т. д., пятая повторяющаяся строка которой «Не отрадно для души!», своеобразный редиф¹, осуществляет внутреннюю связь между строками.

Спорным представляется нам мнение по поводу этого перевода исследовательницы Т. М. Гольц, считающей, что «форма оригинала не передана» потому, что «в 20-е годы XIX века переводчики с фарси и не с авяли перед собой такой задачи»². Ясно, что задача эта стояла перед всеми переводчиками, другое дело, что по тем или иным причинам не каждый мог ее осуществить. Лучшее подтверждение сказанному — вышеприведенный перевод Ю. Познанского, безусловно менее Ознобишина-Делибюрадера осведомленного в области восточной поэзии, но тем не менее стремившегося к передаче формы оригинала.

¹ Редиф—термин поэтики Востока, слово или группа слов, повторяющиеся в стихе вслед за рифмой» (А. Квятковский. Поэтический словарь. М., 1966, стр. 238).

² Т. М. Гольц. К проблеме влияния таджикско-персидской литературы на русскую литературу 20-х—30-х гг. XIX века. Автореферат дис... канд. филол. наук. Душанбе, 1980, стр. 11.

Следы такого же стремления можно отыскать и в переводе Ознобишина-Делибюрадера: это видно и в верной передаче основной идеи гафизовского стихотворения, и в сохранении в заключительных строках имени автора оригинала (прием сфрагида) и т. д.:

Что б поэт ни создал нам,
Что бы кисть ни начертала,
Если жизнь не дышит там,
Милый образ идеала —
Не отраднo для души!
Гафиз! Жребий брошен твой,
Как на шумный праздник света
Пред весеннею толпой
Вверх бросается монета —
Не отраднa для души!»¹

Наибольший успех среди переводчиков Гафиза пушкинской эпохи выпал на долю П. Я. Петрова, близкого знакомого В. Г. Белинского. Ученик А. Болдырева П. Я. Петров не только обладал необходимыми познаниями в области поэзии Востока, но и питал особый интерес к творчеству Гафиза, свидетельством чего является одно из его писем к В. Г. Белинскому, в котором читаем: «Я положил себе непременно перевести лучшие из них (газелей Гафиза — А. Г.) на русский стихами, что и исполню»². Выполнив перевод с оригинала, Петров не только передал свойственный творчеству Гафиза восточный дух, но и сохранил такие жанровые особенности газели, как своеобразный рифменный рисунок и прием сфрагиды:

«Он почил в моем сердце, как гость под шатром,
Он как в зеркале чистом во взоре моем.
Ни в одном из миров я награду не жду,
Но я весь под его всемогущим ярмом.
Тебя тога пленила, меня ж его стан.
Как всегда наша мысль соразмерна с умом.
Чем бы был я в том храме, где веет зефир

¹ Альманах «Северная лира на 1827 год», СПб, 1827, стр. 89. Заметим, что перевод Ознобишина-Делибюрадера неоправданно более громоздкий (35 строк), чем перевод Ю. Познанского (22 строки).

² В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 227. Письмо от 4 июня 1834 года.

При вратах его славы, на праге святом!
Все — и радость, и счастье, и царство любви —
Ему в жертву я весь — мое сердце и жизнь —
Да цветет его слава бессмертным венцом!
Да пребудет он вечно во взорах моих
В них он чудно блистает своим божеством,
Вновь расцветшая роза — краса цветников —
Есть ничто пред его вечно юным лицом!
Не глушайся Хафизом: он чистый алмаз
Беспредельной любви носит в сердце своем»¹.

Определенный интерес представляет и опубликованный в пушкинской «Литературной газете» за 1831 год перевод «Газель» (из Гафиза)², выполненный Л. Якубовичем и без изменений вошедший в его книгу под названием «Гробница Гафиза» (из Гафиза):

«Жены, робкие девицы,
Вас и тень греха страшит:
Вы гнушаетесь гробницы,
Где поэта прах лежит,
Точно был он жизни предан
Бездне гибельных грехов,
Но ему был заповедан
Дар небесный — дар стихов!
И не тщетно, не напрасно
Гафиз дар свой получил,
Пыл он девственно прекрасно
В ложе аллы опочил»³.

Гафизовская тема в поэзии Л. Якубовича не ограничивается только вышецитированным стихотворением, и свое стихотворение «Иран» (1831) поэт завершил следующими четырьмя строками:

«Твой воздух амброй растворен,
Им дышит лавр и мирт с алоем
Здесь в розу соловей влюблен;
Гафиз любви томится зноем»⁴

В вышеназванном «Азиатском вестнике», которому следует отвести значительное место в пропаганде поэзии Гафиза, в последнем номере журнала за 1827 год была опубликована интересная заметка «Сосуд с изображенною персидскою надписью» редактора журнала Г. Спасского, подписавшегося своими инициалами Г. С.

¹ Газ. «Молва», 1835, ч. 9, № 24—26, стр. 387—389.

² Литературная газета, 1831, № 26, от 6 мая.

³ Л. Якубович. Стихотворения. СПб, 1937, стр. 98.

⁴ Альманах «Северные цветы на 1832 год». М., 1980, стр. 168.

Уделив определенное место разъяснению восточного обычая «изображать на сосудах надписи», Г. Спасский рассказывает о полученном им из Сибири старинном сосуде с персидской надписью: «Надпись состоит из следующих трех стихов, заимствованных из оды Гафиза: по просьбе моей гг. Богданов и Соловьев, к сожалению, оставившие уже поприще ориенталистов, перевели с персидского на русский язык всю помянутую оду. Они старались сколько возможно приблизиться к подлиннику; здесь следует их перевод:

«Встань, виночерпий! и поднеси сосуд; в дни горести осыпь прахом голову; В руке моей сосуд вина, а не нежная грудь (девы); Скидаю сию голубоцветную ризу. Хотя для мудрых (то) бесславно; Но я не хочу ни славы, ни (доброе) имени... Вино! дай несколько праху из сего ветра. Надменности на голову неудовлетворенных желаний. Дым вздохов пламенной моей груди. Сжег сих холодных, неопытных собеседников; Я не могу избрать ни из благородных, ни из простолюдинов участника тайн моего сердца. Мне отрадно (только) с успокоительницей сердца — девою, которая похитила из него часть спокойствия. Тот не будет смотреть на пальму в полях, кто видел эту пальму сребростановитую. Терпи, Гафиз, в несчастии и день, и ночь, чтобы достигнуть цели своих желаний»¹.

Пересказав этот эпизод Г. Спасский поясняет, что Гафизу удалось удачно ответить Тамёрлану и завоевать его милость².

Заметим, что этот эпизод из жизни Гафиза издавна известен далеко за пределами родины поэта. Популярен он был и в России первой половины XIX века. Не случайно о нем упоминает некто Н. Ск...н, автор «Второго вечера на биваке». Описывая восточный гарем, автор замечает: «Непроницаемая таинственность гарема, конечно, много придают ему красок в глазах посторонних... не отнять прелестей, которые существуют не в одних поэтических созданиях Фердоуси, Саади или Гафиза... Не один из вас сказал бы вместе с Гафизом любой невольнице:

¹ Журн. «Азиатский вестник», 1827, кн. 6, стр. 346—347. Ответствующие изображенным на сосуде стихи подчеркнуты Г. Спасским.

² Там же, стр. 346—347.

Агер он Турки Ширази бедает орад делеморо,
Бегхоле Гендуяхш, бахмам Самарканду, Бухароро!

Второй стих говорит, что вы отдали бы за одну ее родинку «Самарканд и Бухарию...»¹

Еще один стихотворный перевод из поэзии Гафиза был опубликован в том же 1827 году в альманахе «Северные цветы» под названием «Нетленные глаза (восточный аполог). Из Хафиза». Публикация эта была подписана инициалами Ф. Г. и принадлежала перу Ф. Глинки, который, как известно, не был осведомлен в восточных языках. Можно предположить, что Ф. Глинке был предоставлен подстрочный перевод: во всяком случае дух оригинала им передан удачно, чего нельзя сказать о языке и стиле перевода:

«Восточный царь, который скован был,
Когда его последний час ударил,
За блага жизни сей творца благословил
И так в молитве говорил».

Неудачным представляется уже изначальное словосочетание «восточный царь» (в тексте перевода можно встретить слова «царство», «царствовал»), которые следовало бы заменить на «восточный шах». И далее в переводе немало терминов, свойственных не восточной, а русской поэзии, хотя, как указывалось, смысл гафизского творчества передан верно:

«Умолк; его мольба свершилась в полноте:
Он весь истлел, одни глаза его глядели,
И подданных сердца к нему благоговели»¹.

Вышеприведенные выполненные с оригинала переводы из Гафиза принесли поэзии этого поэта глубокую популярность в России, в результате чего необходимость творческого обращения к ней испытывают и те деятели литературы, которые не владели персидским языком. Это было не слепое возрождение гафизовских переводов с языка-посредника, свойственных раннему этапу освоения его поэтического наследия в России. Отличительной стороной было то, что, с одной стороны, новые

¹ Журн. «Сын Отечества», 1839, т. 9, стр. 32. Название произведения восходит к известной повести А. А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке» (1823).

¹ Альманах «Северные цветы на 1927 год», СПб, 1827, стр. 231—232.

переводы с языков-посредников выполнялись с учетом достижений в области перевода профессиональных востоковедов, а с другой — посредником выступал знаменитый «Западно-Восточный диван» немецкого поэта И.-В. Гёте, отличающийся, близостью к оригиналу.

Для переводчика с посредника важным моментом оказывается степень его знакомства с Востоком.

Так, Ф. Тютчев, хорошо знавший западноевропейскую литературу и прославившийся большей частью как переводчик немецкой поэзии, не был в достаточной степени знаком с Востоком, в результате чего в его переводах из «Западно-Восточного дивана» Гёте европейское преобладает над ориентальным. В переводе Тютчева звучит не Гафиз, а Гетё: иными словами, русский переводчик отбрасывает восточную первооснову стихотворения. В отрывке, озаглавленном «Из гетева «Западно-Восточного дивана», читаем:

«Запад, Норд и Юг в крушеньи
Троны, царства в разрушеньи, —
На Восток укройся дальний,
Воздух пить патриархальный!
В играх, песнях, пиროванье
Обнови существованье!..
Песни Гафиза святые
Усладят стези крутые..
То упьются в банях ленью,
Верен Гафиза ученью:
Дева-друг фату бросает,
Амвру с кудрей отрясает, —
И поэта сладкопевность
В девах райских будит ревность!..»¹

По-иному подошел к переводу «Западно-Восточного дивана» писатель-декабрист А. А. Бестужев-Марлинский. Проявив большой интерес к Востоку еще в годы подготовки восстания декабристов, Бестужев-Марлинский сохранил его и в последекабрьскую эпоху, особенно в последний, кавказский период своей жизни (1829—1837). Переводы из «Западно-Восточного дивана», датированные 1828 годом, явились как бы предшествованием его многочисленных кавказских (восточных в узком смысле слова) произведений. Из «Западно-Восточного дивана» А. Бестужев-Марлинский перевел четыре небольших сти-

¹ Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. М., 1957, стр. 88—89.

хотворных отрывка, в названиях которых нарочито подчеркнуто их восточное происхождение, причем только в одном из названий: «из Гете (с персидского» есть ссылка на Гете как первоисточник, да и то с данным в скобках уточнением. Первый отрывок имеет «характерное название «Из Гафиза»:

«Примкнув к твоим рубиновым устам,
Не ведаю ни срока, ни завета.
Тоска любви — единственная мета,
Лобзания — пленительный бальзам¹.

Для Бестужева-Марлинского обращение к «Западно-Восточному дивану» было прежде всего прикосновением к Востоку, к персидской литературе, к творчеству Гафиза². Это «прикосновение» не было поверхностным: писатель-декабрист по-своему постигал Восток, изучая его не только по западно-европейским материалам, но и по первоисточникам. Потому-то традиционное восточное имя Зюлейка выносится в заглавие второго стихотворного отрывка из Западно-Восточного дивана — «Зюлейка».

«Нет, ты мой, и мой навечно!
От любви любовь крепка,
Прелесть страсти, друг сердечный,
Кроме перстня и венка.
Гордо я подъямлю брови
От твоих высоких дум;
Бытие мое в любви,
А душа любви — ума»³.

Работая над гетевским произведением, Бестужев-Марлинский видел перед собой прежде всего восточное, персидское творение и не случайно третий отрывок озаглавлен «С персидского»:

¹ Заметим, что подобное отношение к «Западно-Восточному дивану» в последедекабрьскую эпоху характерно для других литераторов-декабристов. Так, В. К. Кюхельбекер, перечитывая в одиночном заключении Собрание сочинений Г. Р. Державина, сделал в своем дневнике от 24 декабря 1834 года следующую запись: «Принесли мне Державина... В его третьей части перечел я несколько стихотворений, которые только теперь оценил: в них что-то восточное, что-то напоминающее «Западно-Восточный диван» Гете». (В. К. Кюхельбекер. Дневник. Материалы к истории русской литературы и общественной жизни 10-х—40-х гг. XIX в. Л., Прибой, 1929, стр. 223—224).

² А. А. Бестужев-Марлинский, т. 2, стр. 487—488.

³ Там же, стр. 488.

«Будь, любезная, далеко,
Так, как запад от востока;
Но любви чего нельзя?
Степь и море — ей стезя,
Сердце всюду страж и плата,
К милой шаг и до Багдада»¹.

Этот отрывок, пожалуй, наиболее «гафизовский» у писателя-декабриста. Рифмовка по смехе aabbcc явно отличается от привычной для русского стихосложения секстины с разнообразной рифмовкой (abbacc, ababcc, aabbcccb, abcabc, abbacc, aabccb).

Как видно, в русской литературе пушкинской поры есть довольно большое количество стихотворных переводов из Гафиза, однако большинство из них и по форме, и по содержанию резко отличались от соответствующих произведений поэта.

Планомерное освоение поэзии Гафиза в России начинается со второй половины 1820-х годов, то есть с того времени, когда начали свою деятельность первые русские профессиональные востоковеды — Д. П. Ознобишин, П. Г. Ободовский, М. Коркунов, В. И. Оболенский, Н. Коноплев, П. Я. Петров и др., которые в течение короткого времени перевели на русский язык значительную часть наследия персидского поэта, причем некоторые из его стихотворений переводились несколькими переводчиками.

В эти годы популярность поэзии Гафиза в России столь очевидна, что наряду с публикациями переводов из его наследия, его имя и названия его стихотворений часто включаются писателями в ткань собственных произведений.

Особенно это упоминание имени Гафиза и названий его произведений характерно для русской ориентальной литературы, своеобразным сопутствующим моментом которой оно становится.

Такова, например, природа подзаголовка вышерассмотренного пушкинского стихотворения «Из Гафиза (Лагерь при Евфрате)», посвященного, как указывалось, Фаргат-беку и не имеющего никакого отношения к персидскому поэту (т. 3, стр. 119).

В еще одном вышерассмотренном пушкинском стихотворении «Благословен и день и час...» читаем:

¹ А. А. Бестужев-Марлинский, т. 2, стр. 488.

«Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы... имена» (т. 3, стр. 145).

Другой пример. П. Г. Ободовский включил имя Гафиза в текст своего стихотворения «Персидский вечер» (1826):

«Все уснули за шербетом
На узорчатых коврах;
Вот взошел над минаретом
Месяц в сребряных лучах.
Поспешим на гроб Гафиса,
Фатьма, раб моих очей,
Чу — под сенью кипариса
Там вздыхает соловей»¹.

Как видно, лирический герой Ободовского приглашает свою возлюбленную «на гроб Гафиса». Ясно, что имя персидского поэта в этом стихотворении не более чем дань моде, ничего общего не имеющая с основной его темой.

Характерно и то, что упоминаемый Сенковский не только заполнял страницы журналов и альманахов, своими ориентальными произведениями, но и выступал ярким пропагандистом поэзии Востока. По свидетельству его биографа П. Савельева, Сенковский еще в начале 1820-х годов «Из Константинополя... послал он первого января 1820 года последнюю дань виленским журналам — обозрение «Дивана», то есть собрания стихов знаменитого поэта Хафиза с переводом некоторых его стихотворений. Нельзя не изумляться, как в такое короткое время он успел настолько освоиться с персидским языком, чтоб перевести довольно трудную мистическую поэзию Хафиза»².

Закономерно, что более поздняя повесть Сенковского «Цыганка», опубликованная под одним из многочисленных псевдонимов писателя — А. Белкин, не только содержит упоминание имени Гафиза, но и свидетельствует о популярности этого поэта среди русских читателей: «Еремей, не слушая этого их разговора, отворил книгу,

¹ Поэты 1820—1830-х гг. в 2-х тт. М., 1972, т. 1, стр. 447.

² П. Савельев. О жизни и трудах О. Н. Сенковского — в кн. О. И. Сенковский. Собрание сочинений, т. 1, СПб, 1858, стр. XXVI.

и междометие радостного изумления удостоверило меня, что я могу выйти из-за колонны и посмотреть ему через плечо. То был великолепный экземпляр Гафиза, писанный синими чернилами, весь разрисованный по полям золотом и красками, весь испещренный богатыми вишетенками»¹.

Эти строки свидетельствуют также о том, что Сенковский впервые обратившись к творчеству Гафиза в 20-е годы, сохранил свой интерес к нему и в последующие годы.

Имя Гафиза нередко используется и в литературной полемике с псевдоориентальными произведениями эпигонского романтизма.

Так, Пушкин критикует английского поэта Т. Мура за то, что «он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета» (т. 10, стр. 135), а П. А. Вяземский свою автопародию «В альбом Б. П. Г. Д. Х-вой», впервые опубликованную за пародийным псевдонимом Шолье-Андреев в одном из номеров журнала «Московский телеграф» за 1830 год, предварил ироническим эпиграфом: «Поэзия! Ты запах розы!.. (Гафиз или Саади)»².

С другой стороны, В. К. Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) открыто призывал к изучению Гафиза: «Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей»³.

Благодаря вышеназванным журнальным публикациям переводов из Гафиза русские писатели получили возможность, ознакомившись, взять на вооружение и творчески использовать жанровую традицию восточной литературы (газель, касида, месневи, аполог), ее специфические приемы (сфрагида, упоминание в стихотворении имени или псевдонима автора), и образную систему (соловей и роза). Кроме того, знакомство с поэзией Гафиза расширило лексику русского литературного языка новыми словами, разнообразило традиционную рифму русского стиха, ввело в русскую литературу новые понятия и наименования.

Восточная поэзия быстро завоевала популярность

¹ Журн. «Библиотека для чтения», 1835, т. 12, стр. 163.

² Мнимая поэзия. Материалы по истории поэтической пародии XVIII и XIX вв. М.—Л., 1931, стр. 190.

³ Русская критика XVIII—XIX вв. Хрестоматия. М., 1978, стр. 69.

среди самых широких читательских масс и вызвала к жизни большое количество наполненных духом Востока подражательных произведений русских авторов. Начинают появляться произведения с подзаголовками типа «Из Гафиза», «Подражание Гафизу», «С персидского» и так далее, порой являющиеся оригинальными стихотворениями, но называемыми так сообразно моде и читательскому вкусу.

Причем, имя Гафиза обычно упоминалось как символ эпикуреизма. Характерны в этом смысле два отрывка из повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек»; «Сердце твое («Аммалат-бек — А. Г.) всплывет на вине легче пузырька. Знаешь, что пел про него Гафиз?..» «А ты знаешь? Не докучай, добрый Сафир-Али, мне своим взором, ни даже именем Саади или Гафиза»¹; «Тебя надобно пожурить, Аммалат: чересчур ты начал следовать урокам Гафиза. Вспомни, что вино хороший слуга, но злой барин»².

В таком же смысле имя Гафиза упомянуто и в анонимной переводной публикации «Ширазское вино» («Знаменитый персидский поэт Гафиц прославил сие вино в своих стихах») ³, и в «Очерке путешествия по Востоку» В. Диттеля («Хафиз... увлек за собою всех земляков своих... Какой земляк Хафиза не вспенил кубка ширазским вином на могиле веселого поэта и не чокнулся чашей с ширазскими красавицами?..») ⁴, и в ряде других произведений. Основную роль в подобной трактовке Гафиза и его поэзии сыграли тогдашние русские переводчики, отбиравшие для перевода преимущественно его эпикурейскую лирику⁵.

Заметим, что в противовес этому имя другого персидского поэта, также довольно популярного в пушкинскую эпоху в России, Саади упоминалось в русской литературе в качестве синонима мудрости и опыта, чему причиной также русские переводчики, отбиравшие для

¹ А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в 2-х тт. М., 1958, ч. 1, стр. 512.

² Там же, стр. 533. Характерно, что в программной литературно-критической статье «О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем». А. А. Бестужев-Марлинский прямо называет Гафиза «гулякой» (там же, стр. 568).

³ Журн. «Азиатский вестник», 1827, кн. 4, стр. 231.

⁴ Журн. «Библиотека для чтения», 1848, т. 95, стр. 17.

⁵ См., например, переводы Г. С-ва, Ю. Познанского, Д. Ознобишина-Делибюрадера, А. Журдена, И. Ботьянова.

перевода его произведения нравоучительного характера¹.

Мудрость и опыт Саади отмечают и В. К. Кюхельбекер, сказавший о нем «Старец вечно молодой»², и А. С. Пушкин, назвавший восточных поэтов «сынами Саади» (т. 3, стр. 81), и А. А. Бестужев-Марлинский, отмечавший «трогательность мудреца Саади»³, и другие авторы.

Более того, очевидное увлечение творчеством Гафиза русскими поэтами пушкинской эпохи наряду с переводами его стихов и стихотворными ему посвящениями выливается в повсеместное цитирование наиболее запомнившихся строк персидского поэта. Так, известный своими ориентальными произведениями и путешествиями поэт В. Г. Тепляков одну полюбившуюся себе гафизовскую строку взял в эпиграфы стихотворения «Златого мая ветерок»: «О! дозвожь мне, милая дева, обвить твоими руками шею мою. Гафиз»⁴.

О популярности Гафиза в России говорит и тот факт, что русские путешественники, посещая Персию, не упускают случая рассказать о родине поэта, его месте в истории персидской литературы и в жизни персидского народа вообще. Так, вышеупомянутый В. Диттель в своем «Очерке путешествия по Востоку» не преминул рассказать и о Гафизе, который для автора синоним персидского народа, персидской литературы, да и Персии в целом. Едва ступив на территорию Персии, В. Диттель записывает в своем очерке: «Начинает раздаваться родной язык Персии — язык Саади и Гафиза, только не в таких прелестных формах, как на родине этих поэтов и языка персидского — в Ширазе»⁵. Эта фраза как бы предопределяет персидский маршрут автора, стремительно совершающего, «два дня пути» «от Персеполиса до Шираза», чтобы познакомить читателей с этой легендарной родиной персидских поэтов: «Шираз самая поэтическая страна Персии. Этот рай

¹ См., например, переводы Н. Коноплева, Л. Якубовича, С. Соловьева, Н. Монсева, М. Казембека, А. Бюргера.

² В. В. Кюхельбекер. Избранные произведения, т. 1, стр. 170.

³ А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения, т. 2, стр. 568.

⁴ В. Г. Тепляков. Стихотворения в 2-х тт. СПб, 1832, т. 1, стр. 35. В примечании к помещенному в этом же издании стихотворению «Татарская песня» читаем: «Вот еще дань, принесенная нашим поэтам прекрасной отчизне таврических Саади и Гафизов» (т. 1, стр. 190).

⁵ Журн. «Библиотека для чтения», 1848, т. 95, стр. 8.

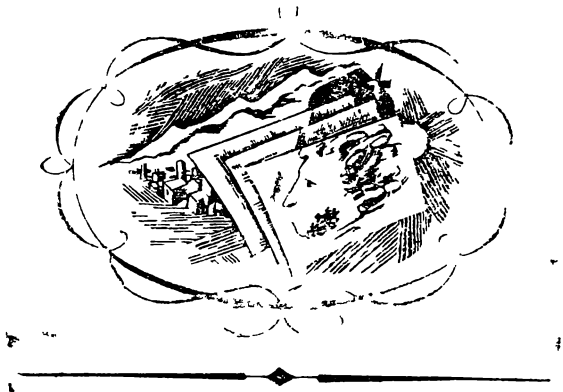
Ирана был родиной и могилою ослепительного Саади, и величественного весельчака Хафиза, который увлек за собой всех земляков своих. Шираз — розовый сад — сердце Персии по чистейшему и отборному языку, неисчерпаемый рудник красавиц, поэтов, певцов и музыкантов, и лучшего вина (ширазского)... Здесь приходится наслаждаться и слушать родной язык Саади и Хафиза»¹.

С этими строками созвучны соответствующие места из анонимного «Путешествия в Луристан и Аравистан», опубликованного в том же журнале: «Дорогой мне показали ручей Рухнабад, воспетый в стихах величайшего туземного поэта. Если бы мне не указали, я бы и не заметил этого ничтожного ручейка, до того прославленного Гафизом, что имя его повторяется тысячами уст, которых жажды он не в состоянии утолить своими бедными струями»².

Интерес к поэзии Гафиза не ослабевает в России и в послепушкинское время. А. Фет, М. Прахов и другие переводчики Гафиза второй половины XIX века не дали ослабеть этому интересу, и благодаря их переводам персидский поэт оставался в первых рядах наиболее почитаемых в России зарубежных авторов.

¹ Журн. «Библиотека для чтения», 1848, т. 95, стр. 17, 18.

² Там же, 1854, т. 97, стр. 46.

Глава IV

ВОКРУГ ПУШКИНА

В творчестве Пушкина, как в зеркале, отразились перипетии сложного пути освоения и последующего преодоления романтизма, подхода и углубления реализма, которые столь характерны для русской литературы его времени. Некоторые этапы этого сложного пути и являются предметом анализа настоящей главы вместе с проблемами, связанными с историей и современным состоянием освоения пушкинского наследия в Азербайджане.

1. СКРЫТОЕ ЦИТИРОВАНИЕ КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Изучение межнациональных литературных взаимодействий, успешно претворяемое в жизнь советским литературоведением, охватывает и проблемы, связанные с творческими влияниями и перекличками в пределах отдельных национальных литератур. Богатый материал в этом смысле дает русская классическая литература, указанный аспект которой нашел свое отражение в известных трудах В. В. Виноградова, В. Ф. Переверзева, Ю. Н. Тынянова, В. М. Жирмунского, Г. А. Гуковского, М. П. Алексева.

Общепризнано, что одним из проявлений этих влияний и переключек в русской классической литературе является прием открытого цитирования, ссылок на литературные источники. Как писал В. В. Виноградов, «в русской аристократической культуре поэтического слова начала XIX века, на почве рафинированного чувства формы, возникла и распространилась манера насыщения речи отражениями наиболее значительных, наиболее известных произведений...; укрепился прием открытых или завуалированных цитат, ссылок на знаменитые афоризмы, изречения, на «крылатые» художественные образы и выражения, прием литературных «применений» и намеков. Слово было намагничено разносторонним действием литературной традиции»¹.

Неотмеченную разновидность этого приема представляют, на наш взгляд, скрытые, «завуалированные» цитаты, сознательные и бессознательные реминисценции, встречаемые в творчестве целого ряда русских писателей.

Особенно много такого материала в «Путешествии в Арзрум» Пушкина. И это не случайно. Пушкин, по удачному замечанию М. О. Гершензона, обладал памятью, которая, храня «громадное количество чужих стихов, сплошь и рядом в моменты творчества, выкладывала перед ним чужую, готовую поэтическую формулу того самого описания, которое по ходу рассказа представляло создать»².

Эти «чужие» готовые поэтические формулы, как было показано выше, большей частью отмечены в «Путешествии в Арзрум» самим автором, но в некоторых случаях они по тем или иным причинам остались не выделенными.

До сих пор внимание исследователей не привлекала следующая стихотворная цитата: «Я ехал верхом, переменя лошадей на казачьих постах. Вокруг меня земля была опалена зноем. Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями, солнце село, но воздух все еще был душен:

¹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. М., 1941, стр. 374.

² М. О. Гершензон. Плагаты Пушкина — в его кн.: Статьи о Пушкине. М., 1926, стр. 115.

Комментаторы «Путешествия в Арзрум», как правило, обходят подчеркнутые строчки молчанием, относя их к авторским¹. Между тем в этом произведении Пушкин выделял только строки, взятые у других авторов².

Попытаемся проследить историю этой цитаты.

Известно, что «Путешествие в Арзрум» (за исключением опубликованного в 1830 году отрывка «Военно-Грузинская дорога») писалось второпях в 1835 году, когда поэт готовил так и не осуществленное отдельное издание этого произведения. Понятно, что в готовящийся в спешке материал могла попасть безымянная цитата, тем более, что корректуру произведения читал не сам Пушкин, а его приятель П. А. Плетнев³.

«Путешествие в Арзрум» увидело свет при жизни Пушкина только один раз — в 1836 году в первом номере «Современника». Основываясь на пушкинской переписке, можно предположить, что и на этот раз корректура не была им прочитана, поскольку буквально за несколько дней до выхода первого номера «Современника» в свет поэт писал В. Ф. Одоевскому: «Корректуру «Путешествия» прикажите, однако, присылать ко мне. Тут много ошибок в рукописи»⁴ (т. 10, стр. 567).

Трудно сказать, успел ли В. Ф. Одоевский выполнить эту просьбу (времени оставалось очень мало), но, возможно, ошибкой, так и оставшейся неисправленной, и был пропуск указания авторства приведенных выше строк.

Кого же цитирует Пушкин? Учтывая, что «путешествие» писалось второпях, можно предположить здесь

¹ См., например, примечания к «Путешествию в Арзрум» Е. Г. Вейденбаума (в кн. Кавказская поминка о Пушкине, Тифлис, 1899); П. О. Морозова (в кн. А. С. Пушкин. Сочинения и письма в 9-ти тт., т. 6, СПб, 1904); М. Л. Гофмана (в кн. «Путешествие в Арзрум», Париж, 1936); Ю. Н. Тынянова (в кн. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 6-ти тт., т. 4, М.—Л., 1936); Б. В. Томашевского (в кн. А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт., т. 6).

² Единственное исключение — выделение собственного стихотворения «Стамбул гуяры ныне славят...» в «Путешествии в Арзрум», но оно цитируется как произведение вымышленного «турецкого поэта Амин-оглу» (т. 6, стр. 694—695).

³ См. письмо Пушкина к Плетнёву, датированное около (не позднее) 11 ноября 1835 года, т. 10, стр. 552—553.

⁴ Письмо, датировано концом февраля — первой половиной марта 1836 года.

цитирование по памяти и принять во внимание возможность разночтений между пушкинской цитатой и первоисточником. Само расположение строки указывает на то, что она взята из стихотворного произведения. В русской поэзии сходные строки встречаются у двух поэтов, с которыми Пушкин был в дружеских отношениях и произведения которых чаще других цитировал — В. А. Жуковского и П. А. Вяземского.

Так, стихотворение В. А. Жуковского «19 марта 1823 года» (1823), заканчивается следующими словами:

**«Звезды небес,
Тихая ночь»**

Близки к безымянной цитате из «Путешествия в Арзрум» и строки из стихотворения П. А. Вяземского «Черные очи» (1828), посвященного А. О. Россет-Смирновой:

**«Южные звезды! Черные очи!
Неба чужого огни!»²**

Одно из этих стихотворений и послужило, на наш взгляд, основой вышеприведенной безымянной цитаты из «Путешествия в Арзрум».

Оговоримся, что неточное цитирование — отнюдь не характерно для Пушкина, и поэтому с гораздо большей определенностью можно указать на первоисточники других скрытых ссылок великого поэта. Тем не менее, до сих пор неувиденной осталась цитация в письме поэта к своей жене Н. Н. Пушкиной-Гончаровой: «Письмо это застанет тебя после твоих именин. Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя — а душу твою люблю я еще более твоего лица!»³ (т. 10, стр. 438).

В этих строках слышится отголосок прочтения двух последних строк стихотворения С. Шевырева «Мой идеал», опубликованного в малодоступном сегодня сборнике «Роза граций, или собрание стихотворений для прекрасного пола» (М., 1830), где, кстати, были помещены и некоторые пушкинские произведения — «Муза», «Вдохновение», «Зимнее утро», «Мадригал», а

¹ Русская поэзия XIX века. В 2-х томах, т. 1. М., 1974, стр. 82.

² П. А. Вяземский. Стихотворения. Л., 1958, стр. 210.

³ Письмо от 21 августа 1833 года.

также вышерассмотренное «Из Гафиза (Лагерь при Евфрате)», и заслуживающего быть полностью приведенным:

«Люблю не огонь твоих очей,
Не розы свежее дыханье,
Не звуки сладостных речей,
Не юных персей волнованье.
Люблю я то в твоих очах,
Что в них огнем любви пылает;
Люблю я то в твоих речах,
Что их живит, одушевляет.
«Люблю», ты молвишь чуть дыша,
Трепещет вся твоя душа
При томном персей трепетаньи.
Душа в улыбке неземной,
Душа в движеньях, в разговоре,
Душа в понятном светлом взоре
Ты любишь, ты живешь душой!
Тебя одну я понимаю,
Ты душу поняла мою
В тебе не прелесть обожаю,
Нет! душу я люблю твою»¹

Как видно, выделенные нами строчки из цитированного пушкинского письма и шевыревского стихотворения по смыслу тождественны.

Другое применение приема скрытого цитирования заключается в использовании собственно авторского текста. Так, в том же «Путешествии в Арзрум» Пушкина читаем: «Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня отобедать; по несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома!» (т. 6, стр. 664).

Эта комическая ситуация настолько запомнилась Пушкину, что он безотнositельно к «тифлисскому гастроному» и «Путешествию в Арзрум» включил ее еще в два своих прозаических произведения: в «Станционный смотритель» (из «Повестей Белкина») и «Дубровский».

В «Станционном смотрителе» читаем: «...долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп

¹ Альманах. «Роза граций, или собрание стихотворений для прекрасного пола». М., 1830, стр. 7—8.

обносил меня блюдом на губернаторском обеде¹. Ныне то... кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеупотребительного правила: **чин чина почитай**, ввелось бы в употребление другое, например, **ум ума почитай**. Какие возникли бы споры! И слуги с кого бы начинали кушанье подавать?» (т. 6, стр. 131).

Как видно, в «Станционном смотрителе», раскрывающем тему маленького человека, указанной ситуации придана социальная трактовка.

В несколько ином ключе повторена интересующая нас ситуация в повести «Дубровский»: «Слуги стали разносить тарелки по чинам, в случае недоумения руководствуясь лафатерскими догадками, и почти всегда безошибочно» (т. 6, стр. 265).

Как видно, действительный случай на обеде у тифлисского военного губернатора до того запомнился Пушкину, что он включил его не только в путевые записки своего пребывания на Кавказе, но и без ссылок на первоисточник процитировал их в двух прозаических произведениях.

Обнаружение скрытых, завуалированных цитат способно пролить новый свет на творческие контакты как представителей одной национальной культуры, так и на межнациональные литературные взаимоотношения.

2. О СУДЬБАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ²

Русская классическая литература — явление в высшей степени оригинальное, в большинстве случаев ярко индивидуальное и национально-самобытное. Разумеется, речь идет только о тех ее представителях, которые оставили сколько-нибудь заметный след в литературе своего народа. В каждый период русской литературы была своеобразная «глава», центр, вокруг кото-

¹ Губернаторским обед назван потому, что генерал С. Стрекалов, как указывалось в первой главе, был военным губернатором Тифлиса.

² Раздел этот был написан в середине семидесятых годов и тогда же опубликован (см. Ученые записки АПИРЯИЛ им. М. Ф. Ахундова, 1976, № 2). В последующие годы появилось несколько публикаций, так или иначе перекликающихся с той нашей давней статьей.

рого сплачивались, на который равнялись как писатели и поэты «первого» ряда, так и представители так называемой «массовой» литературы. Так, в XVIII веке властителями дум были Г. Р. Державин и Н. М. Карамзин, в XIX веке — А. С. Пушкин.

На этих писателях было сосредоточено внимание их «коллег»-современников. Им посвящались произведения, их цитировали, их строчки брали в эпитафии, у них учились. И Державин, и Карамзин, и Пушкин, будучи высокоталантливыми писателями и поэтами, в своем творчестве часто обращались к мотивам устного народного творчества различных народов, учились у классиков западноевропейской и восточной литературы. Корифеи русской литературы, обращаясь к достижениям мировой литературы, использовали (большой частью в собственной интерпретации) их сюжеты, мотивы, темы. «Пушкин... поистине преклонялся перед всечеловеческой цивилизацией, но ему было чуждо слепое, безответное умление ее достижениями»¹.

При этом творческая интерпретация Державина, Карамзина и Пушкина была достаточно основательной, а, с другой стороны, столь велик был их авторитет среди современников, что часто первоисточник вытеснялся из сознания русских писателей, и не западное, не восточное, а державинское, карамзинское и пушкинское волновало умы, вызывало подражания.

Так, Державин в написанном в 1798 году стихотворении «Арфа» по-своему передал античную поговорку «Дым отечества ярче огня чужбины»²:

Звучи о арфа! ты все о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен³.

Как видно, Державин несколько видоизменил известное античное изречение. После этой переработки приведенная выше античная поговорка в державинской интерпретации стала популярной в России. Редакторы

¹ Б. Бурсов. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1967, стр. 85.

² Краткий словарь латинских слов, сокращений и выражений. Изд. 3., Новосибирск, 1975, стр. 82.

³ Г. Р. Державин. Стихотворения. Библиотека поэта. Малая серия, изд. 3, М.—Л., 1963, стр. 284.

«Русского вестника», издававшегося в 1808—1815 гг., взяли державинскую строку эпитафией своего журнала. В 1824 году А. С. Грибоедов использовал эту строку с перестановкой одного слова в своей гениальной комедии «Горе от ума»¹:

Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщем пятен?
Когда ж пространствуем, воротимся домой,
И дым отечества нам сладок и приятен!²

Через год, в 1825 году, Ф. Н. Глинка взял державинскую строку эпитафией своего стихотворения «Сон русского на чужбине»³.

Оригинально перефразировал державинскую строку А. С. Пушкин. В письме к П. А. Вяземскому (март 1823 года) из кишиневской ссылки опальный поэт писал: «Я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает когда выкарабкаюсь. Ты барахтайся в грязи отечественной и думай: «Отечества и грязь сладка нам и приятна» (т. 10, стр. 58).

Строку из державинской «Арфы» в качестве эпитафии (к стихотворению «Самовар») использовал и Вязем-

¹ О том, насколько интерпретация Державина вытеснила античную поговорку, свидетельствует тот факт, что даже исследователи литературы считают эту строчку державинской: «Чацкий сразу, с первого же разговора с Софьей о знакомых и родственниках, противопоставлен старому миру. В сценах первого действия он, несмотря на всю противоположность свою старому миру, еще не вошел в роль открытого борца. Цитируя Державина, он тоже говорит о дыме отечества, который ему «сладок и приятен» (М. В. Нечкина. Грибоедов и декабристы. М., 1947, стр. 280).

² А. С. Грибоедов. Сочинения в стихах. Л., 1967, стр. 82. Выделено Грибоедовым. Любопытно, что поэты XX века не раз использовали эту строку из комедии «Горе от ума». Таким образом, видоизмененная Державиным античная поговорка творчески используется поэтами нашего века в переработке Грибоедова. Особенно часто обращался к этой строке В. В. Маяковский, дважды обыгравший ее в девятой главе поэмы «Хорошо»:

«Такого отечества такой дым
Разве уж настолько приятен»

и дальше:

«Чужими руками жар гребя
Дым отечества пускают пострелины...»

(В. В. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13-ти тт., т. 8, М., 1958, стр. 274, 278—279, 445 (примечания).

³ Русская поэзия XIX века в 2-х тт., т. 1, М., 1974, стр. 250.

ский в 1838 году¹. Не ограничиваясь этим Вяземский в этом стихотворении дословно процитировал ее:

Поэт сказал — и стих его для нас понятен:
«Отечества и дым нам сладок и приятен!»
Не самоваром ли — сомненья в этом нет —
Был вдохновлен тогда великий наш поэт?²

Как видно, во всех приведенных примерах русские поэты начала XIX века использовали в своих произведениях именно державинскую вариацию античной поговорки.

Если поэты конца XVIII — начала XIX веков равнялись на Державина, то прозаики — на Карамзина. Влияние Карамзина, автора «Писем русского путешественника», особенно ярко ощущается в литературе «путешествий» первого десятилетия XIX века³. Однако общеизвестно, что «Письма русского путешественника» были написаны под сильным влиянием «Сентиментального путешествия» английского писателя Лоренса Стерна. Одним из новых мотивов, введенных в литературу Стерном, оказалось восхваление природы, преклонение перед ней: «Природа! При всех твоих неурядицах ты все же милостива к тобою созданной скудости, — по сравнению с великими твоими произведениями, мало оставила ты на долю косы и серпа — но эту малость взяла ты под свою защиту и покровительство, и радуют взор жилища, под которыми такая надежная охрана»⁴.

В «Письмах русского путешественника»: «Обитатели долины Гасли живут в беспрестанном шуме, происходящем как от Рейхенбаха, так и от других каскадов. Иногда сии ручьи, будучи наполнены снежною водою, низвергаются в долину с такою яростью, что заливают дома поселян, сады и луга их. За несколько лет перед сим причинили они страшное опустошение и всю прекрасную долину покрыли песком и камнями; но жители не могли оставить малой своей родины, где предки их и они сами пользовались бесчисленными благодеяния-

¹ Русская поэзия XIX века, т. 1, стр. 325.

² Там же, стр. 327.

³ Подробнее см. об этом: В. В. Сиповский. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб, 1899.

⁴ Л. Стерн. Сентиментальное путешествие. М., 1968, стр. 648.

ми природы, — скоро земля была очищена и покрылась цветами и зеленью... прекрасна здесь натура»¹.

Подобного рода восхваление природы мы встречаем почти у всех эпигонов Карамзина, причем в своих описаниях последние часто повторяют соответствующие места из «Писем русского путешественника», не думая о том, что они восходят к стерновским. Так, у упомянутого выше Глинки в «Письмах русского офицера» (даже название восходит к карамзинскому) читаем: «О, природа! Сколь ты прекрасна в диких одеяниях своих! С чем сравнить истинные красоты твои? Смертные только искажают их»². Еще более близки к карамзинским умилениям природой описания князя П. И. Шаликова и анонимного автора «Путешествия к Липецким минеральным водам». Вот как они выглядят в «Путешествии в Малороссию» П. И. Шаликова: «Природа, природа! Что лучше, что милее тебя? С тобою, в объятьях твоих все совершеннее»³. В свою очередь автор «Путешествия к Липецким минеральным водам» писал: «Становлюсь более и более почитателем природы. О! Сколь она милостива даровать человеку наслаждение таковыми дарами»⁴.

Еще большей популярностью среди русских писателей и поэтов пользовались пушкинские переработки творческого наследия представителей зарубежной литературы. У Пушкина, как известно, круг интересов был необычайно широк. У него было много любимых писателей и поэтов, но особенной любовью у русского гения пользовалась одна строка персидского поэта Саади. Впервые Пушкин обратился к ней в период работы над «Бахчисарайским фонтаном» (1821—1823 гг.), взяв ее в эпиграфы поэмы: «Многие, так же, как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далече» (т. 4, стр. 175). Как видно, Пушкин в этом случае дал прозаический пересказ строки Саади. Пушкин очень ценил этот эпиграф и даже ставил его выше всей своей поэмы: «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван

¹ Н. М. Карамзин. Избранные сочинения в 2-х тт., т. 1. М.—Л., 1964, стр. 265.

² Ф. Н. Глинка. Письма русского офицера в 2-х частях, ч. 2, М., 1808, стр. 58.

³ П. И. Шаликов. Путешествие в Малороссию. М., 1803, стр. 57.

⁴ Путешествие к Липецким минеральным водам в 1803 году. М., 1804, стр. 80—90.

был Харемом, но меланхолический эпитаф (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня» (т. 7, стр. 192). Эта мысль повторена и в письме к П. А. Вяземскому от 14 октября 1823 года: «Я ничего лучше не написал. «Бахчисарайский фонтан», между нами, дрянно, но эпитаф его прелестно» (т. 10, стр. 67) И позднее Пушкин не раз обращался к этой строке Саади. Так, в 1829 году в черновом варианте стихотворения «На холмах Грузии...» поэт вновь использует ее, причем в отличие от первого случая — эпитафа «Бахчисарайского фонтана» — в тексте собственного стихотворения:

Прошли за днями дни, сокрылось много лет.
Где вы, бесценные создания?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья¹.

Еще через год, заканчивая свою долгую семилетнюю работу над романом в стихах «Евгений Онегин», Пушкин писал:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал. (т. 5, стр. 191).

Кроме этого, Пушкин еще дважды, правда, не столь прямо, использовал в своем творчестве эту строку. В первый раз в период работы над «Бахчисарайским фонтаном» в стихотворении «Б. Л. Давыдову» (1821):

Спасенья чашу наполняли
Бесценной, мерзлую струей,
И за здоровье тех и той
До дна, до капли выпивали!
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет... (т. 2, стр. 42).

Другой раз в стихотворении 1831 года «Чем чаще празднует лицей...»:

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,

¹ С. М. Бонди. Черновики Пушкина. М., 1971, стр. 22.

Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой (т. 3, стр. 228).

Итак, на протяжении десяти лет Пушкин несколько раз обращался к строке из «Бустана» Саади, используя ее в различных произведениях. Со временем она стала очень популярной в России, вернее, не строка Саади, а ее пушкинская переработка. Дело в том, что у персидского поэта смысл строки несколько иной:

Джамшид великий как-то, я слышал,
У родника на камне начертал:
«Здесь сотни сотен жажду утоляли
И, не успев моргнуть, как сон, пропали».¹

Но несмотря на это смысловое расхождение и то, что Пушкин сам неоднократно указывал на авторство Саади (в эпитафии к «Бахчасарайскому фонтану», в «Евгении Онегине»: «Как Сади некогда сказал»), русские поэты, современники Пушкина, в своих произведениях использовали именно пушкинский вариант этой строки. Так, близкий друг Пушкина Е. А. Баратынский в своих «Стансах» (1827) писал:

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг.
Далече бедствуют иные,
И в жизни нет уже других.²

Баратынский весьма прозрачно напоминает читателям о трагическом исходе восстания декабристов 14 декабря 1825 года. Другой современник Пушкина — поэт А. В. Тимофеев обыграл пушкинский вариант строки Саади в стихотворении «Возвращение на Родину» (1835):

Одних давно, быть может, нет
Другие, может быть, далеко;
Кого умчал веселый свет,
Кого закон тяжелый рока!³

¹ Ирано-таджикская поэзия. М., 1974, стр. 212 (перевод В. Державина). По мнению ряда ученых, Пушкин знал строку из «Бустана» через роман Т. Мура «Лалла рук» (см.: И. С. Брагинский. Западно-восточный синтез в лирике Пушкина. Журн. «Народы Азии и Африки». 1966, № 4, стр. 143).

² Поэты 1820—1830-х гг., в 2-х тт., т. 2. Л., 1972, стр. 639.

³ Русская поэзия XIX века, т. 1, стр. 363.

Наряду с русскими поэтами, пушкинский вариант строки Саади использовали и русские прозаики. Так, в повести А. А. Бестужева-Марлинского «Фрегат «Надежда» читаем:

«И потом, где те, которые любовались им так недавно и там и здесь? Одних уж нет, другие странствуют далече!» — со вздохом думал Правдин¹.

Несколько позднее И. С. Тургенев, цитируя в одном из своих писем приведенную выше строку из «Евгения Онегина»:

«Помните, еще покойный Загоскин играл с нами.

Иных уж нет, — а те далече
Как Сади некогда сказал»,

продолжал: «Кстати, давно Вы не читали восточных стихотворений Пушкина? Перечтите их — я от них безумствую»².

Число подобных случаев можно было бы продолжить. Но думается, что приведенные примеры свидетельствуют о том, что темы и мотивы мировой литературы проникали в русскую литературу в интерпретации лучших ее представителей и именно в этом новом виде воспринимались русскими писателями и использовались ими.

3. ЗНАКОМЫЙ А. С. ПУШКИНА ПОЭТ И ИЗДАТЕЛЬ Д. И. НОВИКОВ

В последние годы в нашем литературоведении заметно повысился интерес к творчеству писателей «второстепенных», представителей так называемой «массовой литературы». Особое внимание при этом вызывают те ее представители, чье творчество и биография находились в тесном соприкосновении с корифеями русской литературы. Обращение к творчеству «второстепенных» писателей из окружения классиков дает порой возможность по-новому взглянуть на отдельные литературные

¹ А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в 2-х тт., т. 2. М., 1958, стр. 116.

² И. С. Тургенев. Собрание сочинений в 12-ти тт., т. 12, М., 1958, стр. 165. Письмо к С. Т. Аксакову от 14 ноября 1853 года.

факты и детали. «В любой науке, — замечает Б. С. Мейлах, — закономерность устанавливается на широком, а не выборочном материале. Чтобы понять, какими условиями вызваны перемены, изменения, новые эпохи в литературном развитии, нужно обобщить огромный материал, изучить «массово» литературное движение. Тогда яснее и полнее представится и значение писателей гениальных, талантов исключительных»¹.

Особенно богаты «второстепенными» писателями 20-е—30-е годы прошлого столетия, давшие одновременно с А. С. Пушкиным, писателями-декабристами, пушкинской плеядой, большое количество других имен, в основном приверженцев романтизма, многие из которых сегодня не всегда справедливо преданы забвению. Таким и представляется нам безвременно ушедший из жизни поэт-романтик Дмитрий Ипполитович Новиков (1800—1831), сведений о котором сохранилось чрезвычайно мало. Известно только, что он совместно с драматургом и историком Пименом Николаевичем Араповым (1796—1861) издал в 1830 году альманах «Радуга», замечательный уже хотя бы потому, что среди его авторов был А. С. Пушкин, впервые здесь опубликовавший свое стихотворение «К А. Т... вой (Тимашевой)». Отметим, что Дм. Новиков поместил в «Радуге» шесть собственных произведений в стихах и прозе («Звезда», «Судак», «Отрывок из древнего писания «Семик», «Е*Н*Б-ой (Бывало в древних теремах)», «К*** (я стал ленив, вы точно правы)», «Что ты громкий соловей?»), довольно благозвучных и содержательных и, по-видимому, пользовавшихся определенной популярностью, о чем свидетельствует тот факт, что, например, последнее стихотворение было переложено на музыку Б. С. Гблицыным².

В библиотеке Пушкина сохранился экземпляр альманаха «Радуга» с дарственной надписью издателей: «Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. В знак почтения и благодарности от издателей»¹. Об активном участии Дм. Новикова в издании «Радуги» свидетельствует его единственное дошедшее до нас

¹ Б. С. Мейлах. О так называемых «второстепенных» писателях. — В его сборнике статей. Вопросы эстетики и литературы. Л., 1958, стр. 363.

² Радуга. Литературный и музыкальный альманах на 1830 год. М., 1830. Оглавление.

письмо, адресованное исследователю древнеримской и славянской письменности К. Ф. Калайдовичу (1792—1843), в котором он просит своего адресата поддержать альманах материалами: «Отъезжая из Москвы, вы обещали мне доставить некоторые статьи для моего альманаха, так как многие из отличных литераторов наших уже прислали ко мне свои сочинения, другие обещали, то я надеюсь, что и вы не откажетесь сдержать слово; сделайте одолжение, составьте какую-нибудь историческую статью, или опишите вашу поездку в Киев, а равно расскажите нам и о Киеве в теперешнем и бывшем его состоянии, ваше произведение мне будет приятно поместить в альманах. Г. Муравьев, говорят, в Киеве, я бы очень рад поместить что-либо из его сочинений и сам бы написал к нему, но не знаю адреса». Далее в письме сообщается о литературных новинках и прежде всего о только что вышедшей в свет пушкинской «Полтаве», как известно, отрицательно оцененной многими критиками и в том числе Н. И. Надеждиным. В отличие от других Дм. Новиков дал высокую оценку «Полтаве», назвав ее лучшей пушкинской поэмой: «на днях вышла поэма Пушкина «Полтава», письмо не позволяет распространяться об ней, но скажу, что она превосходнее всех его прочих поэм»².

Имя Д. Новикова еще раз встречается на страницах альманаха рядом с пушкинским в 1831 году, когда, после холерной эпидемии 1830—1831 годов, был издан альманах «Сиротка» в пользу детей, осиротевших от холеры. Здесь, рядом с впервые опубликованными пушкинскими произведениями «Мадонне», «Сонет» и «Новоселье» было помещено стихотворение Дм. Новикова «Песня (Небо чисто, небо ясно)»³.

Вышеизложенный историко-литературный материал позволяет сделать вывод об определенных контактах Дм. Новикова с пушкинской средой (не случайно Л. Черейский включил имя этого поэта в круг знакомых Пушкина)⁴, что уже должно было бы вызвать интерес

¹ Пушкин и его современники. Материалы и исследования. СПб, 1909, т. 3, вып. IX—X, стр. 122.

² Пушкинский сборник. М., 1910, вып. IX, стр. 163—164. Письмо от 12 апреля 1829 года.

³ Сиротка. Литературный альманах на 1831 год, изданный в пользу заведения призрения бедных сирот. М., 1881, стр. 81—82.

⁴ Л. А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1976, стр. 277—278.

к его личности. Между тем, и сегодня, говоря о Дм. Новикове, можно повторить характеристику, данную ему около двух десятков лет назад известным библиофилом Ник. Смирновым-Сокольским, где он назван «малоизвестным поэтом»¹. Основываясь на мализвестных и забытых материалах, попытаемся выявить место Дм. Новикова в современной ему литературной среде.

Более полутора веков назад, в 1828 году в Москве в типографии Августа Семена при Императорской медицинско-хирургической академии вышла в свет книга «Песни Золотого рожка (отысканная рукопись неизвестного сочинителя»². В небольшом предисловии издателя к этой анонимно изданной книге можно прочесть следующее:

«Один из моих друзей, уезжая за границу, оставил мне свои бумаги; пересматривая их, я нашел тетрадь его сочинений. — И бессмертное произведение гения, и самая маловажная повесть в области изящного, более или менее, обращают на себя внимание любителей словесности; руководствуясь этой мыслью, я решился напечатать стихи моего друга; если они доставят несколько приятных минут нашей просвещенной публике, я с удовольствием издам и другие его стихотворения.

Не знаю, почему в рукописи сочинитель не выставил своего имени; подлинник не прикосновенен для меня во всяком случае и потому я оставил его, как он был.

Ни слова не скажу об характере моего друга: читатели сами будут судьями автора; мне остается желать, чтобы предприятие мое, выдать в свет произведение неизвестного пера, заслужило одобрение соотечественников. Новиков».

«Песни Золотого рожка» еще не становились объектом изучения исследователей литературы, между тем ее экземпляры с дарственными надписями за подписью «издатель» имелись в личных библиотеках таких известных тогдашних писателей, как А. С. Пушкин³,

¹ Ник. Смирнов-Сокольский. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965, стр. 156.

² Цензурное разрешение от 22 декабря 1827 года. Цензор — С. Аксаков. Далее «Песни Золотого рожка» цитируются с указанием в тексте страницы.

³ Библиотека Пушкина. Новые материалы. Исследование Л. Б. Модзалевского. — Литературное наследство, т. 16—18, М., 1934, стр. 1004.

П. А. Вяземский¹, М. А. Дмитриев², что уже должно было привлечь особое внимание и к самой книге, и к ее автору, и к ее издателю, которых следует искать в непосредственном литературном окружении названных деятелей русской литературы.

Между тем, ни критика 1820-х годов, ни последующее литературоведение «Песнями Золотого рожка» почти не занимались. Как исключение можно указать на небольшую заметку «Критика. Русские книги», опубликованную сразу после выхода в свет «Песен Золотого рожка» в журнале «Московский вестник», и на составленную В. М. Жирмунским уже в 20-е годы нашего столетия знаменитую библиографию романтических поэм. В первой из них анонимный рецензент, перечислив в следующем порядке шесть новейших стихотворных изданий — анонимные «Песни Золотого рожка», книги Н. Неведомского, П. Волкова, А. Редкина, П. Машкова, С. Дьячкова — выделил среди них интересующую нас книгу: «В том же порядке, в каком поставили мы эти стихотворные произведения, они, по нашему мнению, должны стоять и в современной литературе»³.

Что же касается В. М. Жирмунского, то он, включив в свою библиографию романтических поэм опубликованные в «Песнях Золотого рожка», «Отрывки из повести «Андрей, или забавы россиян», без всякого разъяснения назвал автором книги некого Новикова (без указания инициалов)⁴. По всей вероятности, В. М. Жирмунский попросту заимствовал эту фамилию из приведенного выше предисловия издателя. И хотя из-за отсутствия разъяснений версия В. М. Жирмунского не была принята в нашем литературоведении и «Песни Золотого рожка» по-прежнему именовались анонимным изданием, но, на наш взгляд, эта версия заслуживает внимания. Книгу написал Новиков, скрывшийся под маской издателя, и этим автором был, как это будет показано ниже, именно Дмитрий Ипполитович Новиков.

¹ Ныне — экземпляр Музея книги Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

² Ныне — экземпляр Научной библиотеки им. А. М. Горького. МГУ им. М. В. Ломоносова.

³ Журн. «Московский вестник», 1828, ч. 10, № 13—16, стр. 368.

⁴ В. М. Жирмунский. Байрон и Пушкин (из истории романтической поэмы). Изд. 2. Л., 1978, стр. 402.

Напомним, что прием «скрытого» авторства, маски издателя, за которой прячется истинный автор, был особенно популярен в России в период, близкий по времени выхода в свет «Песен Золотого рожка». Достаточно напомнить о таких изданиях, где использован этот прием, как «Письма Скимнина» (1814) Р. П. Львова, «Повести Белкина» (1831) А. С. Пушкина и т. д. Иными словами, заглавие интересующей нас книги и должно подсказать нам фамилию ее автора: не просто Песни, а песни, написанные Золотым рожком. В фундаментальном словаре псевдонимов И. Ф. Масанова указано, что «Золотой рожок (вариант «З. р.») псевдоним поэта, сотрудника журнала «Русский зритель» (1828) Новикова»¹. Таким образом, заглавие «Песни Золотого рожка» можно прочитать как «Песни Новикова». Заметим, кстати, что «Русский зритель» определенное время издавал К. Ф. Калайдович, адресат цитированного выше письма Дм. Новикова.

С другой стороны, в книге «Песни Золотого рожка» помещено романтическое стихотворное послание «М-ру», отрывок из которого свидетельствует о глубоком прочтении автором Пушкина и понимании звучания его творчества для русской литературы, что созвучно соответствующему месту вышецитированного письма Дм. Новикова к Калайдовичу. Вот этот отрывок:

«Его и Пушкин полюбил:
Младой певец Бахчисарая
Ему по чувствам близок стал,
И нас стихами услаждая,
Певцу, как Гений, подражал:
Сераль роскошного Гирея,
Фискал Гарема, злой евнух
И девы пленницы сам дух
Ни думать, ни желать не смея,
В уединенной тишине,
Под стражей бдительной и хладной,
На ложе скуки безотрадной —
Нам представлялся во сне;
Мария, месяцечно ясный,
Так непорочна и прекрасна,

¹ И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4-х тт., т. 1, М., 1958, стр. 394 (ср. т. 4, стр. 341). В журн. «Русский зритель» за подписью «Золотой рожок» были опубликованы два стихотворения «О-му» (1828), № 3—4; стр. 207—208) и «Осень Лифляндии» (Д...И...Б-ну) (1828, № 7—8, стр. 209—211).

Как сердцу близкий идеал:
Певец как будто... знал,
Он так пленительно и ясно
Ее портрет обрисовал...
Под звуки тонкого стакана,
Мой милый, бывший капитан,
Воздаст хвалу твой метроман
Певцу Кавказа и Руслана;
Бештау был его Парнас;
Теперь, с вершины Аю-дага,
Его всевидящей мечтой,
Пред новым, грозным легионом,
Махая острой полосой,
Везде летает за Байроном...»¹ (стр. 42—43).

Послание «М-ру» показывает, что его автор был хорошо осведомлен в литературных симпатиях романтически настроенных читателей 1820-х годов. Не случайно в послание включены такие традиционные образные атрибуты романтических поэм того времени, введенных в русскую литературу пушкинскими ориентальными произведениями «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», как евнух, Мария, Гирей, Кавказ, Бахчисарай, гарем, сераль и т. д.²

Именно эта осведомленность приводит автора к созданию широкого лиро-эпического полотна на исконно русский сюжет, в котором описывается героическое прошлое России. Таковы «Отрывки из повести «Андрей, или забава россиян» (стр. 79—87). Содержание этого произведения, его образная система и в определенной степени заглавие созвучны опубликованному Д. Новиковым в «Радуге» «Отрывкам из древнего предания Семик», главным героем которых является все тот же Андрей, чья жизнь описана в «древних теоремах», под аккомпанемент «баянов, радость напевавших», на фоне «игр, плясок и забав беспечных русских поселян»³. Все это позволяет предположить, что оба «отрывка» не что иное как части одного широко задуманного романтического произведения на историко-героическую тему со сквозным сюжетом и единым центральным героем Ан-

¹ В «Песнях Золотого рожка» к последней строке помещено следующее «примечание издателя»: «здесь недостает нескольких строк и вообще пропуски сделаны самим автором» (стр. 43).

² Отдельные места из пушкинских «Кавказского пленника», «Цыган» и «Евгения Онегина» Дм. Новиков пародировал и в стихотворении «Песнь скальда», опубликованном в газ. «Северный Меркурий» от 5 декабря 1830 года (№ 146).

³ Альманах «Радуга», стр. 243—247.

дреем. Кроме того, косвенным подтверждением авторства Дм. Новикова «Песен Золотого рожка» может служить то, что опубликованные им за собственной подписью вышеназванные «Отрывки из древнего предания Семик» и включенное в анонимно изданную книгу стихотворение «Монастырь» (стр. 11—15) посвящены одному и тому же лицу — некоей Е. Н. Б-ой, проживающей, как это видно из содержания этих произведений, где-то в К-чах.

Но наиболее точное доказательство этого авторства оставил сам Дм. Новиков, хотя оно до сих пор не было замечено. Дело в том, что в двух стихотворениях, помещенных в «Песнях Золотого рожка», использован прием сфрагиды — упоминание в произведении имени автора данных строк. Этот традиционный прием поэзии Востока завоевал особую популярность у русских романтиков именно с середины 1820-х годов, когда его использовали многие видные поэты (В. Кюхельбекер, А. Пушкин, А. Полежаев, А. Бестужев-Марлинский, В. Туманский и др.). Характерно, что в «Песнях Золотого рожка» сфрагида использована в двух стихотворениях, написанных в жанре послания — «М-ру» и «Друзьям и...». По нашим наблюдениям, русские романтики чаще всего использовали сфрагиду именно в своих посланиях. В послании «М-ру» читаем:

«Моряк, от моря отлученный,
По эполетам молодой,
Зайди на миг, полковник мой,
В приют мечты уединенной,
Где все кругом оживлено
И все любовь мою питает,
В углу, где Дмитрий обитает,
Все о любви твердить должно...» (стр. 40).

В таком же плане использована сфрагида в своеобразном стихотворном завещании автора — в послании «Друзьям и...»:

«Когда знакомый глас
С веселым чувством друга
Невидимо от юга
Промчится мимо вас
Над Дудровой горою,
Или в тени шатров
С любимую мечтою,

С пучком простых цветов,
Во сне, в толпе видений
Шепнет вам добрый гений,
Как верной смерти глас:
Уж **Дмитрия** нет боле!
В пустынях он погас!
Тогда на чистом поле
С бокалами в руках
О нем вспомняйте» (стр. 53).

Творческое использование чисто ориентально стихотворного приема в «Песнях Золотого рожка» получает особое осмысление в свете постоянного обращения Дм. Новикова к теме Востока, столь популярной в современной ему романтической литературе. Так, этой теме посвящены не только новиковские стихотворения «М-ру» и «Татарке», напечатанные в «Песнях рожка» и включенные П. И. Тартаковским в сравнительно недавно изданную библиографию «Русская поэзия и Восток»¹, но и такие его произведения, как опубликованные в «Радуге» зарисовки «Звезда» и «Судак», написанные вперемежку прозой и стихами, где яркими романтическими красками описана экзотика восточной природы².

Произведения эти — своеобразный дневник путешествия Дм. Новикова по восточным окраинам России, маршрут которого (Кавказ—Крым) повторял маршрут знаменитой пушкинской поездки, результатом которой явились его романтические поэмы. Поездку Дм. Новикова можно назвать путешествием вслед Пушкину. Не случайно на Кавказе, описанном в зарисовке «Звезда», его привлекают именно воспетые великим поэтом в «Кавказском пленнике» «просторы вольности»; «Необозримы и ровны нагорные степи Кавказские; светла и чиста лазурь неба южного; очарователен блеск твой, яркая звезда Востока».

Характерно, что в Крыму, описанном в зарисовке «Судак», Дм. Новикова волнуют иные проблемы — бытия и небытия, романтического мирозерцания и размышления над прошлым и настоящим, весьма созвучные началу и концу крымской поэмы Пушкина — «Бахчисарайскому фонтану».

¹ П. И. Тартаковская. Русская поэзия и Восток (1800—1950). Опыт библиографии. М., 1975, стр. 18—23.

² Альманах «Радуга», стр. 173—174 («Звезда») и стр. 175—177 («Судак»).

В «Судаке» читаем: «Здесь все тихо и пусто; редко смертный, пробираясь по ребрам, восходит на темя скалы и там мнит оставить потомству свое неизвестное имя. Суетное желание! Взгляни — здесь все мгновенно!.. Солдайя! Твой труп истлевает в могиле, но с вершины твоего гроба я весело гляжу на чудные картины неизменяемой природы... взор с вершины утеса склоняется к подошве отвесной скалы и передает сердцу невольный трепет...

Судак! Когда сердце, наскучившееся суетою обширной столицы, захочет усмирить свое бурное волнение — укажи ему спокойный приют вблизи пирамидальной раны, в виду синего моря и высоких гор прибрежных».

О неотделимости поэзии Дм. Новикова от современного ему литературного процесса свидетельствует ясно ощутимая созвучность ряда тем и мотивов его произведений творческим исканиям поэтов того времени, причем не только романтиков, но и реалистов, что показывает зрелость его поэтического таланта.

В частности, в его стихах можно отметить своеобразный отголосок прочтения бессмертной реалистической комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

А. С. Грибоедов, высмеивая преклонение русского дворянства перед всем иностранным, с горечью писал о его стремлении говорить по-французски, что приводило к забвению родного языка:

«Здесь пынче тон каков?
На съездах на больших, по праздникам приходским
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?»¹

Сходные мысли можно найти и в новиковском стихотворении «Старику...»

«И мы заслужим эпитагмы
Смешны покажемся детям,
И осмеют они, пролазы,
Как мушек древние проказы
Французский лепет русских дам» (стр. 77).

Созвучна к оценкам великих современников и новиковская точка зрения на ряд литературных явлений

¹ А. С. Грибоедов. «Горе от ума» — в его кн.- Сочинения в стихах. Л., 1967, стр. 83.

того времени. Так, известно, что думы передовых литераторов 1820-х годов волновал великий английский поэт-романтик и революционер Дж. Г. Байрон, и многие из них (К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. С. Пушкин и т. д.) посвятили ему свои произведения. Достаточно указать, что в одном из своих стихотворений Дм. Новиков, так же, как и другие, отметил протестантский дух поэзии английского поэта:

«Мы вдохновенного Байрона
Почтим и сердцем и душой;
Он нам в пылу воображенья,
Тоску и мрачное мученье
С уныньем сладко перелил,
И нас, суровый, научил
Питать к невежеству презренье» (стр. 41).

Другой пример. Известно, что широкой популярностью в 20-е годы пользовался Н. М. Карамзин, «Историю государства российского» которого с жаром читала вся образованная Россия, впервые знакомящаяся с собственной историей. Среди множества поэтических откликов на смерть историографа в 1826 году одним из лучших, на наш взгляд, является новиковское четверостишие «На смерть Николая Михайловича Карамзина», содержащее высокую оценку деяний автора «Истории Государства Российского»:

«На небе севера потухнул яркий свет!
Оплачьте гения прах вечно незабвенный!
Прочь, зависть алчная! Он встанет, вдохновенный
Вещатель истины и славы и побед» (стр. 57).

Таким образом, рассмотренный материал позволяет, на наш взгляд, со всей ответственностью утверждать, что «Песни Золотого рожка» принадлежат перу Дм. Новикова — талантливого поэта и деятельного издателя, близкого знакомого Пушкина, Вяземского, М. Дмитриева, творчество которого развивалось в общем русле исканий современной ему литературы, отразив собой некоторые направления этих исканий.

4. КИШИНЕВСКИЙ ПРИЯТЕЛЬ ПУШКИНА А. Ф. ВЕЛЬТМАН И АЗЕРБАЙДЖАН

Пушкинская эпоха — важнейший этап в развитии русско-восточных литературных взаимоотношений, чему способствовали события русско-персидской и русско-турецкой войн конца 1820-х годов, вхождение значительной части Закавказья (в том числе Северного Азербайджана) в состав России, давшие толчок развитию русско-восточных литературных контактов, повлекшие за собой появление большого числа поэтических и прозаических произведений русских писателей о русском Востоке.

Широко известно, что к ориентальной теме обращались в эти годы такие художники слова, как А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, А. А. Бестужев-Марлинский и другие писатели-декабристы, М. Ю. Лермонтов. В то же время многочисленные ориентальные произведения, принадлежащие перу писателей «второго» ряда и так называемых представителей «массовой» литературы, основательно забыты и находятся в поле зрения узкого круга исследователей.

Разумеется, было бы неправомерно сопоставлять ориентальные произведения полузабытых и забытых писателей с творениями перечисленных корифеев, но и среди первых встречаются вещи, не утратившие своего значения по сей день.

Одним из таких авторов представляется нам Александр Фомич Вельтман (1800—1870), принадлежащий к числу писателей, незаслуженно забытых в наши дни. Современному читателю он известен, главным образом, как приятель А. С. Пушкина кишиневского периода (1823—1824), некоторые произведения которого (в частности, роман «Странник», повесть «Беглец») были благоклонно встречены великим поэтом и достаточно высоко им оценены. Творчеством Вельтмана Пушкин интересовался и в 30-е годы (о чем свидетельствуют его письма к П. В. Нащокину).

Между тем историко-литературные материалы показывают, что не только «Странник» и «Беглец», но и некоторые другие произведения Вельтмана пользовались популярностью у современников. В 1828—1829 годах Вельтман участвовал в русско-турецкой войне, в результате чего в его творчество вошла тема Востока, отразив-

шаяся в таких ориентальных произведениях, как написанный и прозой, стихами «Эскандер», названный В. Г. Белинским «драгоценным алмазом нашей литературы», а также стихотворения «Зороастр» и «Мухаммед».

Произведения эти выделяются и в богатой восточным колоритом русской романтической литературе, что ощущимо во включенных в их лексический строй реалиях, топонимических и антропонимических моделях, в отборе изобразительно-выразительных средств языка.

Так, для этих произведений характерных чисто восточные сравнения, словосочетания, символы и т. д.

Для нас важным и интересным представляется включение Вельтманом в стихотворение «Зороастр» топонима «Азербайджан», разъясненное автором как «область, где родился Зороастр».

Почто над холмами Адербиджана
Светило дня так пламенно горит?
Не сильный ли противник Армана
Благовестителем из Урмии летит?

Так, это он! Тревога воскипела,
И в Бактре Маг! Огнь вспыхнул до небес:
Повержен в прах кумир блестящий Бела
И великан золотый Сандес¹.

Это едва ли не первое обращение русской поэзии к топониму Азербайджан, и, думается, что уже эти строки должны были привлечь внимание азербайджанских исследователей к творчеству Вельтмана, однако к рассмотрению его в контексте русско-азербайджанских литературных взаимоотношений никто еще не приступал.

Между тем есть еще один момент, почему исследователям русско-азербайджанских литературных взаимоотношений следует присмотреться к творчеству Вельтмана. Известный исследователь Адольф Берже в 1870 году опубликовал в Лейпциге на немецком языке статью «Мирза-Шафи», в которой привел текст переведенной этим известным азербайджанским поэтом на персидский язык «Песни разбойников» из повести Вельтмана «Муромские леса» (1831).

Заметим, что перевод этот — одно из немногих произведений Мирза Шафи Вазеха, дошедших до нас не в

¹ Поэты 1820—1830-х годов. В 2-х томах. Л., 1972, т. 2, стр. 219.

переложении немецкого поэта и ориенталиста Фр. Боденштедта, а в оригинале.

В переводе Мирза Шафи, впервые публикуемом после 1870 года, читаем:

Гансы ағылла, еј сәһәр улдузу
Гајытмазсан, кери дөнмүрсән?
Идәндир, еј хош вә ширин гыз,
Сәһәр шеһи кими торпаға дүшмүсән?
Һејфсиләнирәм ки, сәнин јанындан тез кедәчәм,
Еј гара көзлү чејраным.
Кечә јары олду, хоруз банлады
Бир чам шәраб наз илә јаныма кәтир.
Гасымовдан мешадә Мурома,
Тачирләр кедирләр, мал апарырлар.
Орда сәнин үчүн, еј хошбәхт
Хәздән гәба вә күлабәтин кедәкчә вар
Иманымы дивә сатарам
Сәнин үчүн, еј әзизим, бәзәк аларам
Сән гара көзлү; мән тәгсиркар вә зәлиләм,
Чанымдан сәни чох истәјирәм.

Подстрочный перевод:

Почему ты, о дневная звезда,
Не возвращаешься назад?
Отчего ты, милая и красивая девушка,
Как роса, пала на землю?
Жалею, что скоро покину тебя,
О черноокая красавица.
Уж полночь петух возвестил,
Принеси мне бокал вина
Из Касимова лесом в Муром
Купцы товары возят.
Там, для тебя, о счастливая,
Есть меховая шуба и кофточка.
Душу свою черту продам
Для тебя, дорюгая, наряды куплю.
Ты, черноокая, виноват ли я,
Что тебя больше своей души люблю.

Обратимся к «Песне разбойников» из повести Вельтмана «Муромские леса»:

Что затуманилась зоренька ясная,
Пала на землю росой?
Что ты задумалась, девушка красная,
Очи блеснули слезой?

Жаль мне покинуть тебя, черноокою!
Певунь ударил крылом,
Крикнул!... Уж полночь!... Дай чару глубокую,
Вспень поскорее вином.

Время!.. Веди мне коня ты любимова,
Крепче держи под уздцы!
Едут с товарами в путь из Касимова
Муромским лесом купцы.

Есть для тебя у них кофточка шитая,
Шубка на лисьем меху!
Будешь ходить ты, вся златом облитая,
Спать на лебяжьем пуху!

Много за душу свою одинокую,
Много нарядов куплю!
Я ль виноват, что тебя, черноокою
Больше, чем душу, люблю!¹

Нетрудно отметить идейно-смысловую близость и созвучность перевода Мирза-Шафи вельтмановскому тексту. Опустив четыре строки, представляющие собой лирическое отступление, Мирза-Шафи точно передал дух поэзии русского поэта. Вышерассмотренный перевод позволяет прийти к выводу, что поэт трагической судьбы Мирза-Шафи в совершенстве владел русским языком, оказавшись первым и пока еще единственным азербайджанским переводчиком Вельтмана.

Таким образом, последующим исследователям феномена Мирза-Шафи следует учесть и его переводческую деятельность, тщательное изучение и анализ которой могут привести и к другим историко-литературным находкам.

5. ОБ ИСТОЧНИКАХ ДВУХ ПЕРЕВОДОВ АББАСА СИХХАТА, СВЯЗАННЫХ С ТВОРЧЕСТВОМ ПУШКИНА

Первые азербайджанские переводы произведений Александра Сергеевича Пушкина, датируемые еще прошлым столетием, принадлежали перу разных деятелей литературы и культуры, обращение которых к наследию великого русского поэта носило эпизодический характер. С начала нашего столетия к переводам произведений Пушкина приступил известный поэт-романтик Аббас Сиххат (1874—1918), включивший их в увидевшие свет в 1912 году в издательстве братьев Оруджевых в Баку две части сборника своих переводов «Мегриб

¹ Поэты 1820—1830-х годов, т. 2, стр. 221.

гюнешлери» («Светила Запада»). Это был поистине подвижнический труд. Сборник «Мегриб гюнешлери» не только открывал азербайджанскому читателю поэзию И. И. Козлова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, А. К. Толстого, С. Я. Надсона, А. Н. Плещеева, Ф. С. Шкулева, Е. Е. Нечаева, И. И. Гольц-Миллера, И. А. Белоусова, В. В. Гофмана, Н. М. Минского, Л. М. Медведева, Н. П. Грекова, Ю. В. Жадовской, произведения большинства из которых ни до, ни после этого на азербайджанский язык не переводились, но и (что не менее важно) углублял его осведомленность в творчестве Пушкина и Лермонтова рядом и прежде непереводимых на азербайджанский язык произведений.

Ни в коей мере не принижая значения остальных переводов Аббаса Сиххата, заметим, что его пушкинские переводы выделяются в сборнике как в качественном, так и в количественном отношении. «Мегриб гюнешлери» включает переводы таких пушкинских произведений, как поэмы «Цыганы» (частично) и стихотворения «Кавказ», «Обвал», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Пророк», «Зимняя дорога», «Утопленник», «Зима».

Стремясь к максимальной передаче духа пушкинских произведений, Аббас Сиххат скрупулезно передает детали и нюансы, стараясь предвидеть возможные разночтения: некоторые переводы даже наделены двойным заголовком. Так, «Зимняя дорога» в переводе обозначена «Зимняя дорога или Зимний путь», «Обвал» — «Обвал или Обрыв».

Благодаря тщательной и кропотливой работе переводчика сиххатовские переводы произведений Пушкина по праву считаются образцами переводческого искусства, не утратившими своего значения вплоть до наших дней.

Вместе с тем сопоставление сиххатовского перевода, озаглавленного «Зима», и соответствующих пушкинских стихотворных посвящений этому времени года («Зима мне рыхлую стеною...», «Зима. Что делать мне в деревне? Я встречаю...», «Зимнее утро», «Зимняя дорога», «Зимний вечер») показывает их абсолютную неидентичность.

Обратимся к сиххатовскому переводу:

Будур, шимал јели гопуб курулдар,
Сүрүкләјиб булудлары выјылдар.
Будур, јенә гыш нечә ки вар кәлир,

Шахта кәлир, сојуг кәлир, гар кәлир.
Сәпир гары ағачлара, коллара,
Дәрәләрә, тәпәләрә, јоллара.
Ағ өртүјә бүрүндүрүр аләми,
Чулғалајыр, кејиндирир аләми.
Шахта вурур, ширин сују дондурур.
Гарғалары гар үстүнә гондурур.
Күләк әсир дағда гары јумурлар.
Јумбаланар, доллар чала-чухурлар.
Човғун кечә дүмдүз едир јер үзүн.
Гар ишығы күндүз едир јер үзүн.
Ишыг дүшәр гар үстүнә, парылдар.
Тапдалајан вахта ону хырылдар.

Хотя у Пушкина, как отмечалось выше, нет стихотворения с подобным отображением зимнего пейзажа, но тем не менее и сам стиль описания, и не поддающееся сомнению сиххатовское указание на наличие пушкинского оригинала подчеркивали необходимость дальнейших поисков первоисточника перевода.

Листая с этими мыслями сочинения великого русского поэта, мы обратили внимание на изображение зимнего пейзажа в бессмертном романе в стихах «Евгений Онегин».

Так, в XXIX—XXX строках седьмой главы романа читаем:

Вот Север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.
Пришла, рассыпалась клоками;
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз (т. 5, стр. 153).

Нетрудно заметить, что описание во многом соответствует вышеприведенному сиххатовскому переводу, в частности его первым восьми строкам.

Более того, в приведенном выше сиххатовском переводе сохранено и своеобразие пушкинского синтаксиса, включая авторские инверсии. Это особенно характерно для первых трех строк, которые в оригинале и переводе столь тождественны, что даже отпадает необходимость подстрочника (ср. «вот север» — «будур шимал»; «тучи нагоняя» — «сүрүкләјиб булудлары»; «дохнул,

завыл» — «выјылдар»; «вот сама идет волшебница зима» — јенә гыш ки вар келир»).

Столь точный, можно сказать, стихотворно-подстрочный перевод — явление исключительное даже для такого тонкого и непревзойденного мастера, как Аббас Сиххат. Не удивительно, что последующие пять строк его перевода формально не столь идентичны пушкинским, но тем не менее и они с некоторыми перестановками предложений доводят до читателя смысл оригинала, в результате чего зимние описания в обоих текстах оказались достаточно схожими.

Так, удачно переданы в переводе картины снежной зимы («Пришла, рассыпалась; клоками Повисла на суках дубов...» — «Шахта кәлир, сојуг кәлир, гар кәлир, Сәпир гары ағачлара, коллара». Ср. с подстрочным переводом: «Мороз пришел, холод настал, снег пошел. Сыплет снег на деревья, на кусты...»).

В последующих строках пушкинского описания дана запоминающаяся картина заснеженной земли («Легла волнистыми коврами. Среди полей, вокруг холмов; Брега с недвижною рекою Сравняла пухлой пеленою; Блеснул мороз.»), которая столь же удачно передана Аббас Сиххатом («Дәрәләрә, тәпәләрә, јоллара. Ағ өртүјә бүрүндүрүр аләми, Чулгалајыр, кејиндирир аләми.»). Подстрочный перевод: «Равнины, холмы, дороги. Все одевает в белое покрывало. Заволакивает, покрывает все вокруг».

Как видно, хотя при переводе последующих пяти строк Аббас Сиххат несколько отступил от оригинала, но тем не менее его также можно отнести к удачам переводчика.

Что же касается второй части сиххатовского перевода, озаглавленного «Зима», то она тоже взята из «Евгения Онегина», в самом начале пятой главы которого читаем:

«Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко усталые горы
Зимы блистательным ковром
Все ярко, все бело кругом» (т. 5, стр. 99)

В этом отрывке великий поэт, продолжая описание снежной зимы, показывает заснеженное имение. И это не случайно. Пятая глава, как известно, посвящена именинам Татьяны, а потому вышеприведенное описание представляет собой своеобразную экспозицию, знакомящую с местом (дом Лариных) и временем (январь — Татьянин день) последующего действия. Не ставя перед собой цели перевести весь пушкинский роман в стихах, Аббас Сиххат, естественно, был свободен от передачи подобных частности. Поэтому при переводе этого отрывка он несколько отходит от текста романа в стихах; в частности опускает пушкинское описание заснеженного имения. В остальном же перевод столь же точен, как и вышерассмотренные. Так, пушкинское описание «сорок веселых на дворе» передано как «гарғалары гар үстүнә гондурур» — подстрочный перевод: «вороны садятся на снег». Адекватна картина ослепительной белизны снега в оригинале («Зимы блистательным ковром. Все ярко, все бело кругом») и в переводе («Гар ишығы күндүз едир јер үзүн. Ишыг дүшәр гар үстүнә парылдар»).

Заметим, что Аббас Сиххат не только удачно перевел приведенные отрывки из «Евгения Онегина», но и почти точно воспроизвел объем переводимого текста: шестнадцать строк «Зимы» идентичны семнадцати строкам пушкинского романа.

Таким образом, один из лучших азербайджанских переводчиков Пушкина Аббас Сиххат оказался и первым переводчиком «Евгения Онегина» на азербайджанский язык. Аббас Сиххат не ставил себе целью полностью перевести пушкинский роман, но сама его попытка убедительно доказала возможность звучания «Евгения Онегина» на азербайджанском языке, и эта возможность была реализована уже в советскую эпоху Самедом Вургуном, осуществившим один из лучших переводов пушкинского романа в стихах.

**

Наряду с переводами стихотворений вышеперечисленных русских поэтов разных поколений Аббас Сиххат включил в «Мегриб гюнешлери» еще четыре своих перевода, не указав авторов их оригиналов.

Выявление оригиналов этих переводов может не только расширить наши представления о деятельности Сиххата-переводчика, но и способно пополнить список переведенных на азербайджанский язык образцов русской поэзии новыми именами или наименованиями.

Среди этих четырех анонимных переводов по своей тематике особняком стоит небольшое по объему стихотворение «Гитаа» («Отрывок»):

«Бах күлшәндә өтән шејда бүлбүлә,
Чәк-чәһ вурур, ашиг олмушдур күлә.
Кечә-күндүз нәғмә охур, инләјир,
Лејк ону күл е'тинасыз динләјир
Онун кими бир ашиг бу дүнјада,
Олмушдур бир көзәл гыза дилдадә.
Јата билмәз севдијинин дәрдиндән,
Јахар јери, көјү, аһи-сәриндән.
Амма чаван гызын јохдур хәбәри,
Онун нечин гәмлидир нәғмәләри?»¹.

Лейтмотив стихотворения — популярнейшая в восточной, в частности в азербайджанской, поэзии тема любви соловья и розы — бесчисленное число раз обыгрывался самыми разными поэтами Востока, став традиционной литературной любовной символикой.

Можно предположить, что это ориентальное происхождение лейтмотива стихотворения и ввело в заблуждение исследователей, так и не сумевших установить оригинал этого перевода. Между тем примечательная помета «с русского», которой сопровождалась публикация стихотворения во второй части сборника «Мегриб гюнешлери» (стр. 8), ясно говорила о необходимости поисков оригинала.

Напомним, что тема соловья и розы вошла в русскую литературу с 1820-х годов, став неотъемлемой частью русской любовной лирики, и в течение четверти века — с 1820 по 1850 гг. — русские поэты, по нашим подсчетам, создали свыше тридцати оригинальных стихотворений с использованием этой темы.

Одной из причин этой популярности темы соловья и розы в русской литературе было постоянное творческое обращение к ней известнейших поэтов того времени. Так широкой популярностью среди читателей пользовалось

¹ Аббас Сиххат. Избранные произведения. Баку, 1950, стр. 279 (на азерб. языке).

небольшое по объему пушкинское стихотворение «В безмолвии садов, весной, во тьме ночей...» (1827), в котором тема соловья и розы дается в тесном переплетении с раздумьями автора о назначении поэта и поэзии в современном обществе:

В безмолвии садов, весной, во тьме ночей,
Пост над розою восточный соловей,
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для холодной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты? (т. 3, стр. 8).

Общепризнано, что на творческие достижения Пушкина ориентировались многие из его младших современников, создававшие подражания пушкинским творениям, творчески использовавшие сюжеты, темы, образы его поэзии. Не стало исключением и вышецитированное стихотворение. Младший современник Пушкина известный поэт А. В. Кольцов свое стихотворение «Соловей» (1831) сопроводил подзаголовком «подражание Пушкину», подчеркнув пушкинский приоритет в обыгрываемом сюжете:

Пленившись розой, соловей
И день и ночь пост над ней;
Но роза молча песням внемлет,
Невинный сон ее объемлет...
На лире так певец иной
Поет для девы молодой;
Он страстью пламенной сгорает,
А дева милая не знает —
Кому поет он? отчего
Печальны песни так его?¹

Сопоставление этого стихотворения с вышеприведенным переводом Сиххата говорит о тождественности двух текстов. Оба стихотворения включают десять строк. В обоих случаях первые четыре строки повествуют о безответной любви соловья к розе, причем и в том, и в другом случае используются одни и те же словосочетания: «и день и ночь поет над ней» — «ночью—днем поет песни»; «пленившись розой, соловей» — «соловей... влюбился в розу»; «роза молча песням внемлет, невинный сон ее объемлет» — «роза без внимания его слушает».

¹ А. В. Кольцов. Сочинения. М., 1966, стр. 99.

В последующих шести строках и Кольцов, и Сиххат, отталкиваясь от первого четверостишия, одинаково говорят о безраздельной любви поэта к своей возлюбленной: «на лире так певец иной» — «как он один певец»; «он страстью пламенной сгорает» — «он не может спать от тоски по милой»; «а дева милая не знает» — «а молодая девушка не знает»; «отчего печальны песни так его?» — «почему печальны его песни?»

Таким образом, сопоставление кольцовского «Соловья» и сиххатовского «Гитаа» показывает полную идентичность двух текстов и наводит на мысль, что второе стихотворение представляет собой перевод первого. Можно предположить, что, будучи близко знаком с наследием Пушкина и принимая во внимание подражательный характер кольцовского «Соловья», Сиххат не решился в сборнике «Мегриб Гюнешлери» привести авторство переведенного стихотворения и, считая свою работу только частично выполненной, назвал перевод отрывком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Более 150-ти лет минуло со дня гибели Александра Сергеевича Пушкина, воспринятой современниками как «Закат солнца русской поэзии». Многочисленные стихотворные отклики на это трагическое событие, письма и дневниковые записи, датируемые зимой 1837 года, наряду с болью и горечью авторов донесли до нас размышления и раздумья современников поэта о значении его творчества в истории русской литературы. Мы по праву гордимся, что среди этих откликов была и знаменитая «Восточная поэма на смерть Пушкина» основоположника азербайджанского реализма М. Ф. Ахундова. Так в азербайджанской литературе была заложена добрая традиция: каждую пушкинскую дату, особенно «круглую», юбилейную отмечать новыми стихотворными посвящениями ему, переводом его произведений. Впоследствии, с развитием азербайджанского литературоведения к этим датам приурочивалась публикация научно-популярных статей, знакомивших широкие читательские слои с творчеством основоположника новой русской литературы.

Не стала в этом смысле исключением и последняя по времени «круглая» дата — столятие со дня смерти Пушкина.

Отправной точкой юбилейных торжеств стало принятое ЦК Коммунистической партии Азербайджана постановление о проведении Дня памяти А. С. Пушкина, после публикации которого в газете «Бакинский рабочий» (28 января 1987 года) был проведен целый ряд литературно-художественных вечеров, научных конференций и сессий, появились многочисленные публикации на страницах газет и журналов.

Рассмотрим наиболее характерные публикации периодических изданий, посвященных пушкинскому юбилею.

Эти публикации можно условно разделить на две группы. Первую из них составляют статьи азербайджанских поэтов и критиков, содержащие субъективно-

авторское восприятие пушкинского творчества; среди них внимание привлекают продолжающие традиции известной книги Марины Цветаевой «Мой Пушкин», публикации Наби Хазри («Вышка», 8 февраля), Гусейна Арифа («Коммунист», 7 февраля) и Наримана Гасанзаде («Адабият вэ инджесенет», 6 февраля).

Преобладающая в количественном отношении вторая группа публикаций так или иначе связана с темой «Пушкин и Азербайджан». Тема эта не новая, в нашем литературоведении она в известной степени освоена благодаря трудам Ш. К. Курбанова, М. Г. Рафили, З. Г. Гасанова, заложившим начало исследования таких ее аспектов, как история пребывания Пушкина в нашем крае; выявление азербайджанских мотивов в его творчестве; уточнение круга азербайджанских его знакомых; исследование пушкинского влияния на национальную литературу; прослеживание этапов распространения и переводов его наследия в Азербайджане.

Резонно было предположить, что, обращаясь к указанным аспектам темы «Пушкин и Азербайджан», авторы юбилейных публикаций пойдут дальше своих предшественников, дополнят их изыскания новыми фактами и материалами. Нам есть что искать. Выше было показано, как мало знаем мы об азербайджанских знакомых Пушкина: военачальниках полковнике Фараджулла-беке и офицере Фаргат-беке, поэте из Южного Азербайджана Фазильхане Шейда.

Да и пушкинские контакты с А. Бакихановым ничтожно мало освещены в нашем литературоведении.

Список подобных малоразработанных проблем азербайджанского пушкиноведения можно и продолжить, но, к сожалению, ни одна из них не получила своего освещения и разрешения в юбилейных публикациях. Более того, только три из них можно занести в актив нашего пушкиноведения. Речь идет о статье Э. Рагимовой «Исследователь А. С. Пушкина» («Адабият вэ инджесенет», 6 марта), расширяющей наши представления о пушкиноведческих трудах педагога и журналиста Ф. Агазаде, Н. Мурадалиевой «Азербайджанский мемориал поэта» («Вышка», 30 января), в которой впервые дан обзор (правда, несколько поверхностный) азербайджанских пушкиноведческих исследований последних лет, и Ингилаба «Пушкин и азербайджанский театр» («Адабият вэ инджесенет», 30 янва-

ря), наиболее полно из имеющихся у нас исследований рассматривающей историю постановок пушкинской драматургии на сценах азербайджанских театров.

В остальных же юбилейных статьях, касающихся темы «Пушкин и Азербайджан», авторы не идут дальше пересказа общеизвестных фактов, давным-давно введенных в научный оборот старшим поколением азербайджанских литературоведов. Причем, не ссылаясь на работы своих предшественников, эти авторы подают чужие находки как собственные «открытия», вводя в заблуждение массового читателя.

Так, в статье «Благословен и день и час...» В. Кулиева («Адабият вэ индженет», 23 января) читаем: «В рукописях Пушкина этот поэтический отрывок (речь идет о посвященном азербайджанцу Фаргат-беку стихотворении «Из Гафиза» — А. Г.) дан под заголовком «Шеер 1». Вполне вероятно, что поэт намеревался посвятить воинам-азербайджанцам поэтический цикл из нескольких стихотворений. В академическом издании десятитомных сочинений Пушкина указано, что будто бы «шеер» по-татарски означает «полк»... В действительности же «Шеер 1» следует понимать как «стихотворение первое».

Поправка столь же справедливая, сколь и общепринятая в нашем литературоведении. Причем принадлежит она покойному исследователю Шихали Кубанову, изложившему ее почти три десятилетия назад в своей монографии «А. С. Пушкин и Азербайджан» (Баку, 1959, стр. 65—66).

Это творческое открытие покойного исследователя без какой-либо ссылки на него «использовал» и В. Мустафаев в статье «Вести издалека...» («Молодежь Азербайджана», 7 февраля): «Надо сказать, что долгое время с легкой руки профессора Б. Томашевского (известный пушкиновед, автор комментариев к сочинениям Пушкина — А. Г.) считалось, будто Фаргат-бек служил в конном полку — хотя на то не было никаких оснований. Профессор... ошибочно трактовал слово «шеер» как «полк».

Между тем в пушкиноведении давно установлено, что адресат пушкинской лирики Фаргат-бек был «офицером первого конного мусульманского полка русской армии» (см., например, Л. А. Черейский. Пушкин и его окружение. Л., 1976, стр. 439).

Замалчивание трудов своих предшественников — не единственный недостаток юбилейных пушкинских публикаций. В них встречается большое количество ошибочных положений, имеют место случаи неточного цитирования, неверной трактовки литературных фактов.

Так, Г. Курбанова в статье «Любимец народов» («Вышка», 22 января) заявляет: «Знакомство А. С. Пушкина с Абаскули-ага Бакихановым состоялось в действующей армии в 1828 году. Но как показало время, это была не просто случайная фронтовая встреча. Она вылилась в дружеские отношения, о длительности которых свидетельствует переписка членов семьи А. С. Пушкина с А. Бакихановым, хранящаяся в Институте русской литературы (Пушкинский дом)».

Поездка Пушкина в действующую армию, как известно, состоялась годом позже, в 1829 году.

В. Кулиев в вышеназванной статье («Адабият вэ инджесенет», 23 января), цитируя стихотворение Пушкина «Благословен твой подвиг новый...», пишет: «Очень вероятно, что с творчеством Хафиза и Саади, имена которых упоминаются в этом стихотворном отрывке, А. С. Пушкин был знаком по переводам востоковедов-азербайджанцев или их учеников. В год его поездки на Кавказ, в 1829 году, отдельные части поэмы, Саади «Гулистан» в переводе Мирзы Казембека были опубликованы в журнале «Казанский вестник». В первых номерах журнала «Телескоп» были опубликованы переводы из Гафиза и Саади ученика М. Дж. Топчибашева, Н. Коноплева. Эти переводы, несомненно, были известны Пушкину».

Между тем, автору следовало бы знать, что журнал «Телескоп» был основан только в 1831 году.

Общепринятым положением в нашем литературоведении является признание того, что в пушкиноведении нет мелочей. Каждая ошибка, самая маленькая, способна запутать читателей, дезинформировать их. Тем досаднее такие погрешности, как заглавие статьи Л. Гольдштейна «Всех певцов, всех мастеров **главней**» (хотя у переводчика «Восточной поэмы на смерть Пушкина» М. Ф. Ахундова П. Г. Антокольского эта строка звучит по-иному: «Всех певцов, всех мастеров **глава**»), как утверждение ряда авторов, что Аббас Сихат помимо прочего перевел на азербайджанский язык

и пушкинское стихотворение «Зима», хотя у великого поэта нет стихотворения с таким названием.

Подводя итоги, заметим, что, конечно, не такого рода приуроченные к юбилею, созданные в спешке публикации олицетворяют сегодняшнее лицо азербайджанского пушкиноведения. Отгремели юбилейные торжества, пожелтели страницы газетных публикаций, а истинные азербайджанские почитатели творчества русского гения вновь задумываются над его произведениями.

* *
*

В Институте русской литературы (ИРЛИ) АН СССР, в Ленинграде, более известном под названием Пушкинский Дом, одна только картотека каталога изданий произведений о великом русском поэте Александре Сергеевиче Пушкине занимает едва ли не самый большой кабинет. И это не случайно. Пушкинское литературное наследие, преодолев языковые барьеры и региональные границы, давно уже стало достоянием всего человечества, явлением мирового масштаба.

Начатая еще при жизни Пушкина работа над изданием его произведений и их литературоведческого и литературно-критического освоения с каждым годом принимает все больший размах.

Новые поколения пушкиноведов, включившись в работу по освоению пушкинского литературного наследия, имеют возможность, опираясь на достижения своих многочисленных предшественников, по-своему перечитать его творения. Феномен Пушкина, на наш взгляд, в том и заключается, что каждый литератор, вчитывающийся в его творения, находит в них нечто свое, личное, и симптоматично, что ряд исследователей озаглавливают свои работы названиями типа «Мой Пушкин», «Наш Пушкин» и т. д.

Нет сомнения, что и в дальнейшем азербайджанская пушкиниана будет пополняться все новыми и новыми изданиями, ибо Пушкин неисчерпаем — и это хорошо понимают в Азербайджане.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	3
I ГЛАВА. В ПРЕДДВЕРИИ БОЛЬШОЙ ПРОЗЫ	5
1. Год в жизни поэта	9
2. К вопросу о литературных источниках «Путешествия в Арзрум»	22
3. «Путешествие в Арзрум» как художественное произведение	28
4. Мастерство Пушкина-очеркиста	36
5. О литературных откликах на «Путешествие в Арзрум»	49
II ГЛАВА. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СОВРЕМЕННОКИ ПУШКИНА	58
1. Аббас Кули-ага Бакиханов	59
2. Поэт Фазильхан Шейда	64
3. Полковник Фараджулла-бек	71
4. Офицер Фаргат-бек	72
5. М. Ф. Ахундов	75
III ГЛАВА. ОРИЕНТАЛИЗМ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС	83
1. Традиции двух «южных» поэм в русском романтизме	84
2. Ориентальные рифмы поэтов пушкинской эпохи	93
3. Ориентализм первой трети XIX века и творчество И. С. Тургенева	101
4. Освоение Кавказа романтиками в восприятии Л. Н. Толстого (А. А. Бестужев-Марлинский)	109
5. Гафиз в русском литературном процессе пушкинской поры	117
IV ГЛАВА. ВОКРУГ ПУШКИНА	134
1. Скрытое цитирование как форма литературного взаимодействия	134
2. О судьбах литературных реминисценций	139

3. Знакомый А. С. Пушкина поэт и издатель Д. И. Новиков	146
4. Кишиневский приятель Пушкина А. Ф. Вельтман и Азербайджан	157
5. Об источниках двух переводов Аббаса Сиххата, связанных с творчеством Пушкина	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168

Редакторы *Егана Мамедова, Бахыш Бабаев.*

Художник *И. Нуралиев.*

Художественный редактор *А. Воловик.*

Технический редактор Г. Баширова,

Корректор *Т. Кязимова.*

ИБ № 3202.

Сдано в набор 6.03.1989. Подписано к печати 20.07.1989. ФГ 13080. Формат бумаги 84×108.¹/₃₂. Бумага № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ л.9,24. Уч. изд. л. 8,75. Тираж 4.300. Заказ № 268. Цена 65 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Язычы». 370004, Баку, площадь Натаван, 1.

Производственное промышленное объединение по печати.

Типография «Красный Восток».
370000, Баку, ул. Ази Асланова, 80.